

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев   канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола   д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц   д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик   д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская   д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований, Россия)
- О. Д. Журавель   д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Импости   д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич   д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. М. Коткин   д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки   д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер   д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон   д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд   д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун   д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм   д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- А. И. Кобзев д-р ист. наук, проф. (Институт востоковедения, Москва, Россия)
- М. Е. Кравцова д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
- А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
- Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
- Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
- Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
- Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
- Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
- Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
“VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY”**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE “ORIENTAL STUDIES”

Executive Editors

- E. E. Voytishkek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. A. Komissarov Candidate of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- A. V. Varenov Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- S. A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor in Literature, Doctor in History, Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor in History, Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- A. I. Kobzev Doctor in History, Professor (Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation)
- M. E. Kravtsova Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- N. V. Kutafyeva Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor in History, Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- A. N. Mescheryakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation)
- G. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- V. N. Plastun Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- P. E. Podalko Doctor in History, Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- N. V. Suhadolnik Doctor in History, Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zh. K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
- Takakura Hiroki Doctor in History, Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor in History, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- L. von Falkenhausen Doctor in History, Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- E. L. Frolova Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 17, № 10: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Китая

- Варенов А. В.* Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая 9
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В.* «Донаучный» период в изучении петроглифов Китая 30

История стран Восточной Азии и Африки

- Демидчик А. Е.* Неурожаи в царствование фараона Сенусерта I 38
- Ковалев А. А.* Тоумань уходит на север: критический анализ сообщения «Ши Цзи» 46
- Шавкунов В. Э.* Ближайшие потомки Ханьпу 56
- Речкалова А. А.* Гербы рода Датэ 65

Культура стран Восточной Азии

- Войтишек Е. Э., Яо Сун.* Эволюция курильниц в контексте развития ароматической культуры в Китае 77
- Витченко М. А.* Особенности читательской аудитории в контексте корейской книгопечатной культуры раннего Чосона (XIV–XVI века) 90
- Малинина Е. Е., Головешко Д. С.* Эстетический феномен японской татуировки *ирэдзуми* и ее связь с искусством гравюры *укиё-э* (на примере графики Утагава Куниёси) 99

Филология стран Восточной Азии

- Кутафьева Н. В.* Семантика идиом с компонентами 気 *ки* и 心 *кокоро* и соматическими компонентами в современном японском языке 109
- Фролова Е. Л.* О стандартизации иностранных географических названий в Японии 122
- Шмакова А. С., Ли Джонсик.* Сопоставительная характеристика систем членов предложения в русском и корейском языках 129
- Воронина Л. А., Носкова Н. Г.* Развитие методики обучения корейскому языку как иностранному в России и Республике Корея 153

К 80-летию юбилею профессора В. Н. Пластуна

- Владимир Никитович Пластун: Библиография (2014–2018) 162
- Пластун В. Н.* Терроризм исламистов и реакция США 169

Хроника

<i>Азаренко Ю. А.</i> Конференция НГУ «Культурное наследие Великого Шелкового пути»	177
<i>Перлова А. А.</i> V Международная конференция переводчиков китайской литературы	180
<i>Кутафьева Н. В.</i> Информация о международных лингвистических конференциях осенью 2018 г.	183
Информация для авторов	186

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2018, volume 17, no. 10: Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology of China

- Varenov A. V.* “Stag stone style” petroglyphs and “demonic dogs” from China 9
Komissarov S. A., Cheremisin D. V. “Prescientific” period of petroglyph studies in China 30

History of East Asia and Africa

- Demidchik A. E.* Crop failures in the reign of Senusert I 38
Kovalev A. A. Touman Shanyu Retreats North: A critical analysis of one of the “Shi Ji” records 46
Shavkunov V. E. Khanpu’s heirs 56
Rechkalova A. A. Emblems of the Date clan 65

Culture of East Asia

- Voytishchik E. E., Yao Song.* Evolution of censers within the development of incense culture in China 77
Vitchenko M. A. Features of Korean book culture readership of early Joseon (XIV–XVI centuries) 90
Malinina E. E., Goloveshko D. S. Aesthetic phenomenon of the traditional Japanese tattoo and its connection with the art of Japanese woodblock prints (based on examples of Utagawa Kuniyoshi’s work) 99

Philology of East Asia

- Kutafeva N. V.* The Semantics of Idioms with Components 氣 “*ki*” and 心 “*kokoro*” and Somatic Components in Modern Japanese Language 109
Frolova E. L. The standardization of foreign geographical names in Japan 122
Shmakova A. S., Lee Jung-Sig. A contrastive study of sentence elements in Russian and Korean languages 129

<i>Voronina L. A., Noskova N. G.</i> The development of methods of teaching Korean as a foreign language in Russia and the Republic of Korea	153
--	-----

To the 80-th anniversary of Prof. V. N. Plastun

Vladimir Nikitovich Plastun: Bibliography (2014–2018)	162
<i>Plastun V. N.</i> The Islamist terrorism and the reaction of the USA	169

Chronicle

<i>Azarenko Yu. A.</i> NSU conference “Cultural Heritage of the Great Silk Road”	177
<i>Perlova A. A.</i> V International Conference of the translators of Chinese literature	180
<i>Kutafeva N. V.</i> Information about two international linguistic conferences in autumn of 2018	
Instructions to Contributors	186

УДК 903.27

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На территории Китайской Народной Республики петроглифы «в стиле оленных камней» открыты в горах Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в горах Иньшань и степи Уланьчаб на юге Внутренней Монголии и в лежащих южнее горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе. Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур – в частности, довольно часто изображались безрогие олени (самки). Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и каменных изваяний. По мнению автора, каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворял Вселенную, и, в то же время, Первопредка древнего коллектива (племени?), а фигуры оленей соответствовали входившим в него социальным группам, имевшим дуально-экзогамную родовую организацию. Изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период.

Ключевые слова

Синьцзян, Нинся, Внутренняя Монголия, Китайский Алтай, горы Хэланьшань, горы Иньшань, петроглифы в «стиле оленных камней», семантика

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Для цитирования

Варенов А. В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

“Stag Stone Style” Petroglyphs and “Demonic Dogs” From China

Andrey V. Varenov

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

“Stag stone style” petroglyphs (or “stylized” deer) were initially recognized by D. G. Savinov in Mongolia, Trans-Baikal, Tuva, Altay and Kazakhstan in 1990. On the territory of the PRC, they were discovered in Altay Mountains in the

© А. В. Варенов, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Yinshan Mountains and Wulanchabu Grassland in the southern part of the Inner Mongolia Autonomous region and further south in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui Autonomous region. Among the peculiarities of Chinese “stag stone style” petroglyphs one can note a more loose structure of the compositions and a greater variability of figures of deer as compared to the stag stones (deer stones) themselves. Quite often does (female deer without antlers) are depicted. It is considered that the rock art compositions with “stylized” deer reproduce plots, common for both petroglyphs and steles. D. G. Savinov supposed that they are based on the idea of sacrificial deer, whose death enables the renewal and reproduction of nature and society. However, the motif of “stylized” deer being attacked or torn apart by a chthonic predator is never met in rock art or on stag-stones. The victims of chthonic predators’ attacks vary greatly (from a human to a fish) and are met in various contents: stag-stone No 15 in Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia); a bronze mirror found in the No 1612 burial of Guo state cemetery in Shangcunling (Henan province, PRC); a Neolithic painted pottery jar from the Dadiwan site (Gansu province, PRC). The author argues that all these scenes depict trials of a human soul in the underworld. Furthermore, the author believes that the stag stone represents the Universe and the divine ancestor of a tribe at the same time, whereby the images of deer on its surface reflect the social organization of the ancient society with a dual-exogamic clan structure.

Keywords

Xinjiang, Ningxia, Inner Mongolia, Chinese Atlas, Helan Mountains, Yinshan Mountains, “stag stone style” petroglyphs, semantics

Acknowledgements

The paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 18-09-00557: “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)”

For citation

Varenov A. V. “Stag stone style” petroglyphs and “demonic dogs” from China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 9–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

Когда я смотрю в окошко,
Я вижу, как кто-то идет
По крыше –
Может быть, это собака (кошка),
А может быть, это крот.

Б. Гребенщиков

Введение

Первым серьезное внимание на изучение наскальных изображений в стиле оленных камней обратил Д. Г. Савинов. Он имел в виду «своеобразный и яркий изобразительный канон, представленный на оленных камнях монголо-забайкальского типа, для которого характерны изображения оленей с плавно очерченным туловищем и треугольным выступом на спине; клювообразной мордой с листовидным ухом и большим округлым глазом...; ветвистыми, вытянутыми вдоль всей спины рогами» [Савинов, 1990. С. 174]. Такие изображения были ему известны в Монголии, Забайкалье, Туве, Горном Алтае и в Казахстане [Там же. С. 174–175].

На территории Китайской Народной Республики петроглифы «в стиле оленных камней» (далее также «стилизованные олени») открыты в трех административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), лежащем к западу от Монголии; 2) в южной части Автономного района Внутренняя Монголия, лежащем к югу от нее; 3) в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся еще дальше на юг. В Синьцзяне петроглифы «в стиле оленных камней» встречаются в китайской части Монгольского Алтая, во Внутренней Монголии – в горах Иньшань и степи Уланьчаб к северу от них, а в Нинся – в горах Хэланьшань. К настоящему времени в Синьцзяне обнаружено порядка 50–60 оленных камней, из них 10–12 – в монголо-забайкальском стиле, а остальные – в «об-

щевразийском», т.е. без изображений оленей. Камней саяно-алтайского стиля в Китае нет. Во Внутренней Монголии и в горах Хэланьшань нет вообще никаких оленных камней – ни общеазиатских, ни монголо-забайкальских, ни саяно-алтайских.

Поскольку китайские археологи специально не выделяют петроглифы «в стиле оленных камней» в ряду других наскальных изображений, мы сформировали анализируемый в данной статье корпус рисунков путем сплошного просмотра китайских публикаций петроглифов из соответствующих районов: «Петроглифы Синьцзяна» [Су Бэйхай, 1994; 2013], «Наскальные рисунки китайского Алтая» [Чжао Янфэн, 1987] и «Степные древности китайского Алтая» [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996] для Синьцзяна, «Петроглифы гор Хэланьшань» [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а], «Альбом собрания эстампов петроглифов гор Хэланьшань» [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993б] и «Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань» [Ли Сянши, Чжу Шицунь, 1993] для Нинся, «Петроглифы Цинхая» [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2002] для Цинхая, «Петроглифы гор Иньшань» [Гай Шаньлинь, 1985; 1986], «Петроглифы степи Уланьчаб» [Гай Шаньлинь, 1989], «Петроглифы пустыни Баданьцилинь» [Гай Шаньлинь, 1997], «Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии» [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002] и «Искусство наскальных рисунков Внутренней Монголии» [Даленгуриб, 2000] для Внутренней Монголии и «Петроглифы Китая» [1993] для всей страны.

В монографии Су Бэйхая, описывающей петроглифы Синьцзяна уезд за уездом, опубликованы только прорисовки (заливки тушью) наскальных рисунков, а фотографии их отсутствуют. Заливки эти не отличаются высоким качеством, и черты, характерные для петроглифов «в стиле оленных камней», могут ими заметно искажаться. Поэтому мы привлекли также помещенные в книге Су Бэйхая прорисовки изображений на настоящих оленных камнях в расчете на то, что искажения «канонических» рисунков, нанесенных на камнях, помогут идентифицировать иные изображения как «оленные», подвергшиеся таким же искажениям. Су Бэйхай опубликовал четыре оленных камня с изображениями в монголо-забайкальском стиле из СУАР: два из уезда Фуюнь (Кёктокай) (рис. 1, 1, 2), два других из уезда Цинхэ (Чингиль) (рис. 1, 3, 4).

В альбоме Чжао Янфэна не всегда четкие крупные цветные или черно-белые фотографии петроглифов сопровождаются в углу страницы их же мелкими прорисовками (заливками), что позволяет осуществлять взаимный контроль и необходимую коррекцию изображений. В альбоме Ван Линьшаня и Ван Бо даны цветные фотографии петроглифов хорошего качества, их прорисовок нет, зато приведено название конкретного местонахождения, впрочем, без привязки к уезду. У Чжао Янфэна вместо названия местонахождений использована кодовая система из цифр и латинских букв, но поскольку расшифровка ее отсутствует, то отнести публикуемые им изображения к тому или иному уезду в рамках округа Алтай не удалось.

Все монографии Гай Шаньлиня, посвященные петроглифам южных и западных районов Внутренней Монголии, выполнены по одной схеме. Основная часть отводится краткому описанию наскальных рисунков, сопровождающемуся иллюстрациями-заливками небольшого размера, с разбивкой их по местонахождениям, пунктам и группам. Как правило, прилагается альбом фотографий наиболее интересных, с точки зрения автора, петроглифов. В конце книги идет интерпретационная часть исследования. Самая ранняя и наиболее поздняя из доступных нам монографий Гай Шаньлиня (1985 и 2002 гг.) целиком посвящены интерпретациями и поискам аналогий, петроглифы (в основном, заливки) приводятся в них лишь для иллюстрации тех или иных положений автора. Трехязычный (на китайском, монгольском и английском языках) альбом Н. Даленгуриба, напротив, состоит из одних лишь цветных фотографий, с небольшим количеством интерпретационных объяснений.

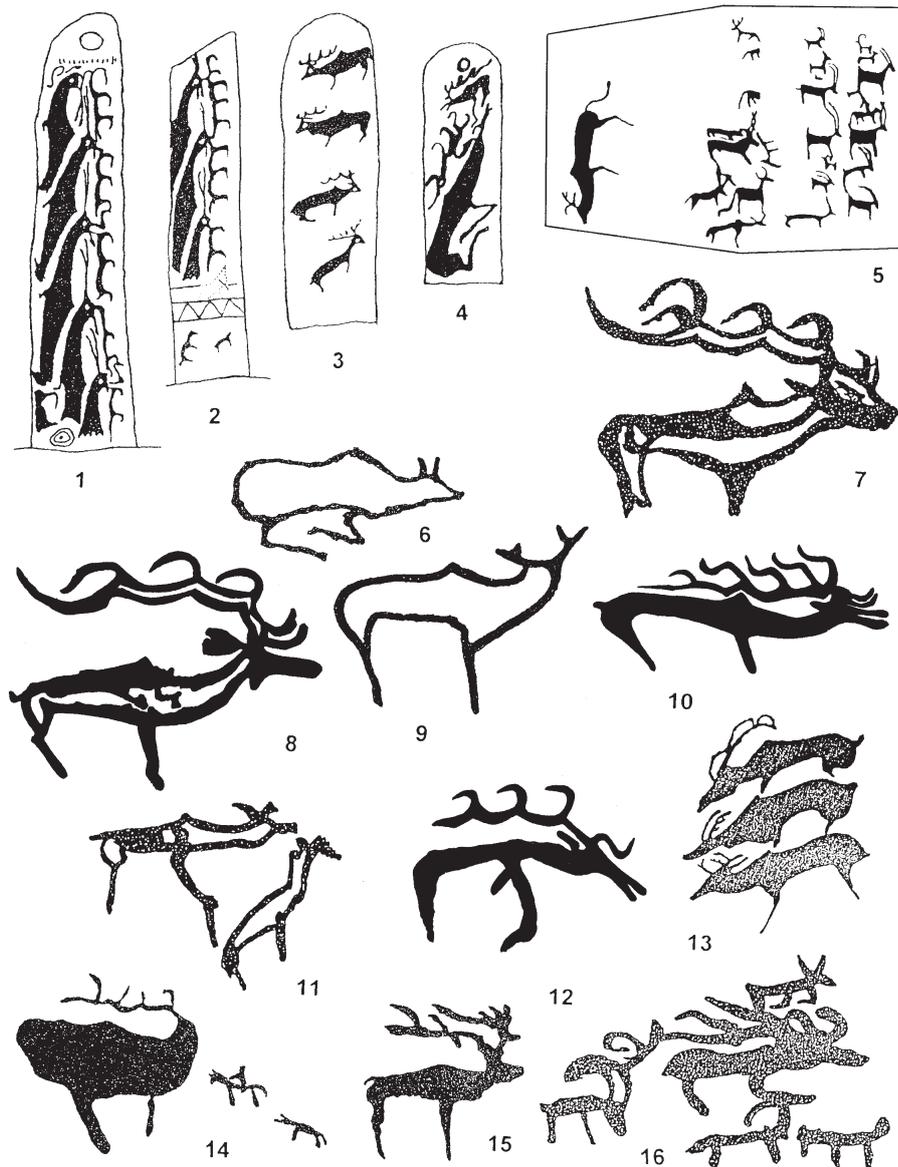

Рис. 1. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Синьцзяна:

1–4 – оленные камни из Синьцзяна (1–2 – уезд Фуюнь/Кёктокай, 3–4 – уезд Цинхэ/Чингиль); 5 – из Долатэ (Доларт), округ Алтай; 6 – из Цяэрмайсы (уезд Цзимунай/Зимунай); 7, 8 – из Булатэ (Брат), уезд Фуюнь (Кёктокай); 10 – из Ламабулакэ (Ламабрак); 12 – из Бажуньсаи (Барюнсай); 14 – из Ботамаоинь (уезд Фуюнь/Кёктокай); 15 – из Куфугоу (уезд Цитай/Гучун); все остальные – из округа Алтай (СУАР). Все – разного масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В.Вареновым по: [1–4, 6, 14, 15 – Су Бэйхай, 2013. С. 41–43, 84, 236; 5, 7, 9, 11, 13, 16 – Чжао Янфэн, 1987. С. 34, 40, 92, 93, 103, 116; 8, 10, 12 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 410]

Fig. 1. “Stag stone style” petroglyphs from Xinjiang:

1–4 – stag stones from Xinjiang (1–2 – Fuyun county; 3–4 – Qinghe county); 5 – from Duolate (Duolart, Altay district); 6 – from Qiaermais (Jimunai county); 7, 8 – from Bulate (Brat), (Fuyun county); 10 – from Lamabulake (Lamabrak); 12 – from Barunsayi; 14 – from Botamaoyin (Fuyun county); 15 – from Kufugou (Qitai county); all the rest – from Aletai district (SUAR). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1–4, 6, 14, 15 – Su Beihai, 2013, p. 41–43, 84, 236; 5, 7, 9, 11, 13, 16 – Zhao Yangfeng, 1987, p. 34, 40, 92, 93, 103, 116; 8, 10, 12 – Gai Shanlin, Gai Zhihao, 2002, p. 410]

В начале книги Ли Сянши и Чжу Шицуня идет альбом цветных и черно-белых фотографий. Далее монография построена по той же схеме, что и у Су Бэйхая, с описанием петроглифов по уездам. Как и у него, книга Ли Сянши и Чжу Шицуня не отличается высоким качеством заливок-прорисовок, составляющих примерно половину ее объема. Вторая половина отведена интерпретационным главам. Одна из монографий Сю Чэна и Вэй Чжуна о петроглифах гор Хэланьшань повторяет по схеме публикационные книги Гай Шаньлиня. Основная часть объема отведена краткому описанию наскальных рисунков, сопровождающемуся их мелкими заливками, затем идет интерпретационный раздел, а в конце – цветные и черно-белые фотографии. Вторая книга тех же авторов представляет собой собрание протирок (микалентных копий). Два альбома Сю Чэна и Вэй Чжуна удачно дополняют друг друга. Мелкие заливки наскальных рисунков и их фотографии из одного легко перепроверяются крупными, на всю страницу, протирками (микалентными копиями) тех же петроглифов из другого. В своих иллюстрациях мы старались давать оба варианта изображений стилизованных оленей. Вообще протирки тушью наряду с фотографией являются сейчас наиболее объективным способом копирования, доступным китайским исследователям.

Олени китайского Алтая из Синьцзяна

В Синьцзяне стилизованные олени встречены в уездах Фуюнь, Алтай, Цзимунай (округ Алтай) и в непосредственно примыкающем к ним с юго-востока уезде Цитай (Чанцзи-Хуэйский автономный округ), что включает в себя крайнюю южную оконечность китайского Алтая. К сожалению, местоположение рисунков, опубликованных в альбомах Чжао Янфэна и Ван Линьшаня с Ван Бо соотносить с уездным делением нам не удалось, но все они расположены в пределах округа Алтай (СУАР).

В уезде Фуюнь (Кёктокай) на местонахождении Ботамаоинь встречено частично сохранившееся изображение оленя, от которого уцелели шея с одним рогом, большая часть туловища с характерным выступом на спине и передняя нога (рис. 1, 14) [Су Бэйхай, 2013. С. 41]. Олень с местонахождения Цяэрмайсы (Кармайс?) уезда Цзимунай (Зимунай) исполнен контуром «в стиле оленных камней», хотя и лишен рогов и ярко выраженного «оленьего» выступа на спине (рис. 1, 6) [Су Бэйхай, 2013. С. 84]. Но общая поза, особенно вытянутая шея и подогнутые ноги, позволяют отнести его к стилизованным. Олень из ущелья Куфугоу в уезде Цитай (Гучун) схож со стилизованными за счет некоторой «горбатости», скорее, правда, лосиной, чем оленьей, общей вытянутой позы и больших, стелющихся над спиной рогов (рис. 1, 15) [Су Бэйхай, 2013. С. 236].

Олень из местонахождения Долатэ (Доларт) без ярко выраженных рогов, но с треугольным выступом в районе лопатки изображен в вертикальном положении, мордой вниз на крупном каменном блоке вместе с целой группой быков, козлов и козлов (рис. 1, 5). На фотографии отчетливо видно, что слои камня на этом отдельно лежащем блоке сейчас идут вертикально, а олень «в стиле оленных камней» нанесен параллельно им, видимо, тогда, когда блок находился еще в вертикальном положении, а его слои были горизонтальными (рис. 2, 1) [Чжао Янфэн, 1987. С. 34–35; Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 68]. Остальные животные выгравированы позже, когда блок уже упал, что позволяет отследить относительную хронологию наскальных рисунков разного стиля.

У другого оленя, прорисованного контуром, нет отчетливо выраженной морды и рогов, но вся фигура, и особенно острый треугольный выступ в районе лопатки, выдают его принадлежность к стилизованным (рис. 1, 9). У двух других «контурных» оленей (рис. 1, 11) также нет рогов, но у верхнего из них вытянутая морда и острый треугольный выступ на спине в рай-

Рис. 2. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Синьцзяна:

1 – из Долатэ (Доларт, округ Алтай); 2, 3 – из округа Алтай. Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым по: [1 – Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 68; 2, 3 – Чжао Янфэн, 1987. С. 40, 93]

Fig. 2. “Stag stone style” petroglyphs from Xinjiang:

1 – from Duolate (Duolart, Altay district); 2, 3 – from Altay district. All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1– Wang Linshan, Wang Bo, 1996. p. 68; 2, 3 – Zhao Yangfeng, 1987. p. 40, 93]

оне лопатки, совершенно «в стиле оленных камней» (рис. 2, 2). Группа из трех расположенных друг под другом стилизованных оленей выполнена с вытянутыми мордами, треугольными выступами в районе лопаток и даже с укороченными, редуцированными ногами (рис. 1, 13). Но вот их рога для «стиля оленных камней» не типичны. Впрочем, приводимая рядом цветная фотография подтверждает правильность прорисовки (рис. 2, 3) [Чжао Янфэн, 1987. С. 40]. Еще один рисунок оленя можно, с некоторой натяжкой, отнести к стилизованным за счет вытянутой морды и больших рогов (рис. 1, 16).

Олень, выбитый на каменном блоке из местонахождения Булатэ (Брат) в уезде Фуюнь (Кёктокай), выглядит в альбоме Чжао Янфэна прорисованным точно по фотографии (рис. 3, 1) [Чжао Янфэн, 1987. С. 103]. Однако более качественный цветной снимок из альбома Ван Линьшаня и Ван Бо свидетельствует, что воспроизведен он у Чжао Янфэна не очень корректно (рис. 3, 2) [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 63]. Природную трещину в камне, идущую от ноздрей к рогам, художник принял за верхнюю границу оленьей морды. Другую, не столь широкую трещину между ухом и острым выступом на спине, он принял за верхнюю границу шеи. В результате вся фигура оленя у него получилась массивной и тяжеловесной, что не характерно для стиля оленных камней (рис. 1, 7). На прорисовке из монографии Гай Шаньлиня и Гай Чжихао, видимо, сделанной по снимку Ван Линьшаня и Ван Бо, эти ошибки устранены (рис. 1, 8) [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 410].

Гай Шаньлинь и Гай Чжихао воспроизводят прорисовки еще двух стилизованных оленей, фотографии которых опубликованы Ван Линьшанем и Ван Бо (рис. 1, 10, 12) [Там же]. Олень из Ламабулакэ (Ламабрак) выполнен в манере, типичной для оленных камней монголо-забайкальского стиля. У него клювовидная морда, вытянутая шея, длинное поджарое тело с характерным выступом в районе лопатки, относительно короткие ноги и ветвистые рога, стелющиеся вдоль всей спины (рис. 3, 3) [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 62]. У оленя из местонахождения Бажуньсаи (Барюнсая) в манере, характерной для оленных камней, выбиты только клювовидная морда, длинная шея и ветвистые рога. Туловище очень худое и короткое, с длинными крюкообразными ногами (рис. 3, 4) [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 63].

Несколько очень мелких цветных фотографий стилизованных оленей опубликовано под брендом «петроглифы чемурчекской культуры» в коллективной монографии, авторы которой считают «чемурчекскими» любые наскальные рисунки из округа Алтай [Цемуэрцекэ взэньхуа, 2016. С. 91–92]. Два из них происходят из уже упоминавшегося местонахождения Булатэ (Брат), два других – из местонахождения Сюйюньцзялэ, все в уезде Фуюнь (Кёктокай). Один олень из Булатэ показан с вытянутыми мордой и шеей, поджарым телом без выступа на спине и с длинными рогами (рис. 4, 1). Другой олень из этого же пункта выполнен с вытянутыми мордой и шеей, с акцентированным горбиком (который больше похож на верблюжий) на широком теле и рогами, отличающимися от традиционных (рис. 4, 2). Реалистично изображенный олень с уходящими вверх рогами из Сюйюньцзялэ являет собой смешение саяно-алтайского и монголо-забайкальского стилей (рис. 4, 3). Другой олень из этого местонахождения выбит с сильно вытянутыми мордой и шеей, очень тощим телом, на котором обозначены выступы не только в районе лопатки, но и крупа, длинными ногами и неразвитыми рогами (рис. 4, 4).

Олени гор Хэланьшань из Нинся

Горы Хэланьшань лежат на границе между Нинся-Хуэйским автономным районом и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР), протянувшись примерно на 200 км в длину, со средней высотой около 2000 м над уровнем моря. Местонахождения наскальных рисунков рас-

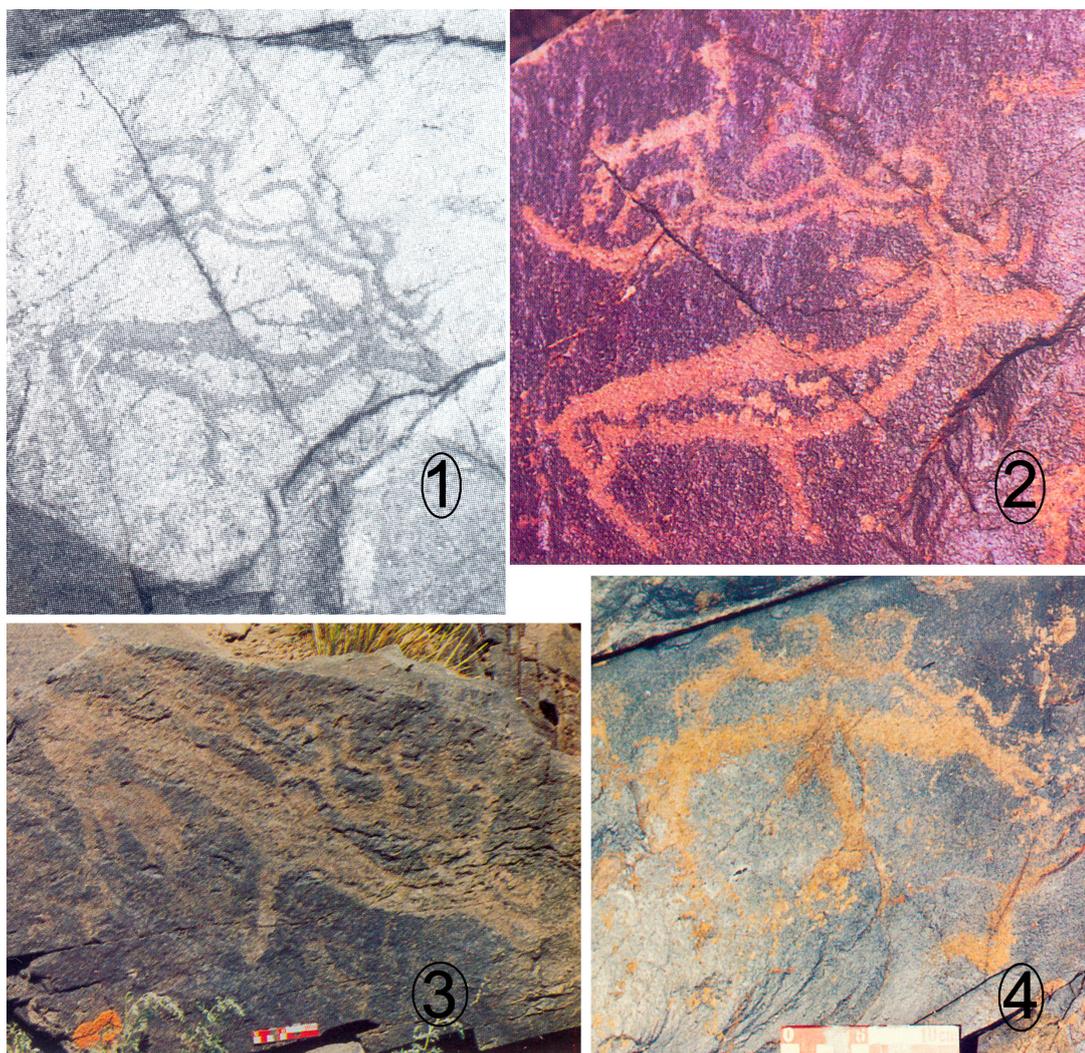

Рис. 3. Петроглифы «в стиле оленных камней» из округа Алтай:

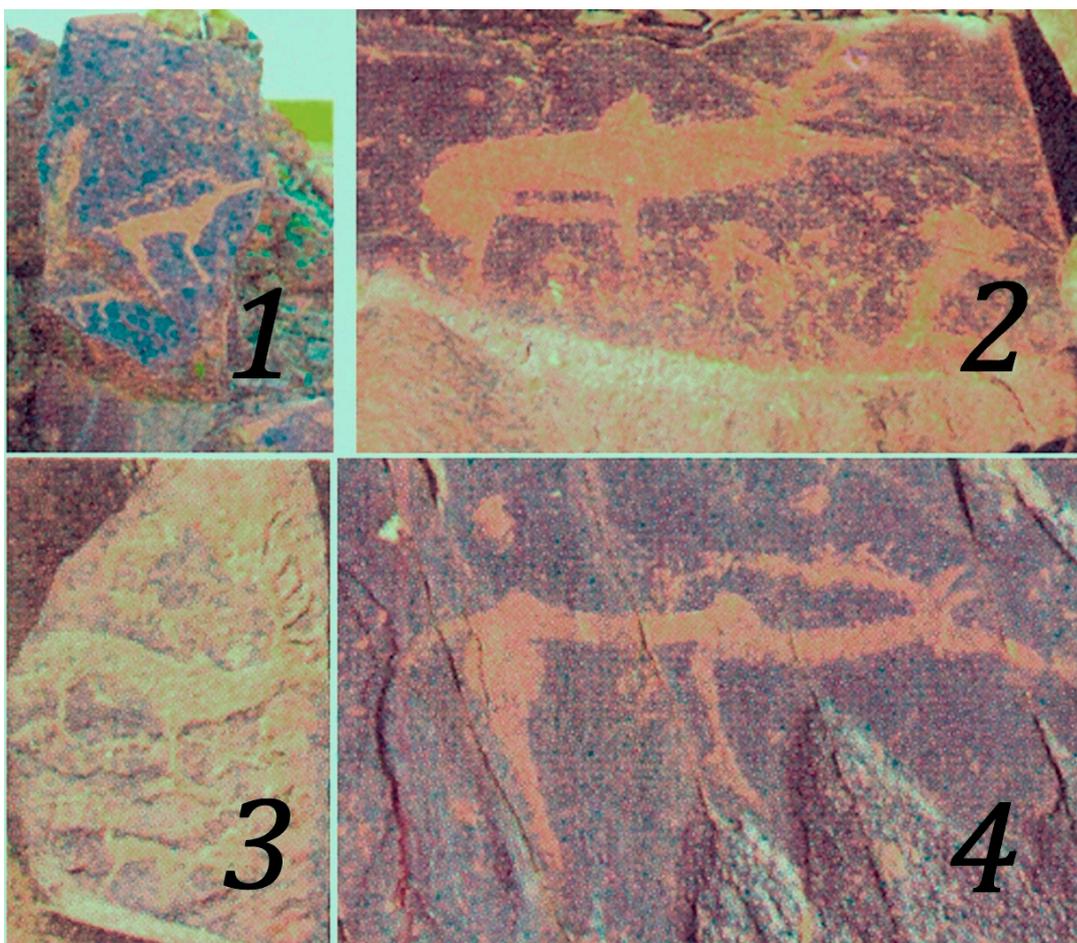
1, 2 – из Булатэ (Брат), уезд Фуюнь (Кёктокай); 3 – из Ламабулакэ (Ламабрак); 4 – из Бажуньсаи (Барюнсai). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым по: [1 – Чжао Янфэн, 1987. С. 103; 2–4 – Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 62, 63]

Fig. 3. “Stag stone style” petroglyphs from Altay district:

1, 2 – from Bulate (Brat); 3 – from Lamabulake (Lamabrak); 4 – from Barunsayi. All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1 – Zhao Yangfeng, 1987. p. 103; 2–4 – Wang Linshan, Wang Bo, 1996. p. 62, 63]

положены в основном по восточному склону, в пределах Нинся. На начало 90-х гг. XX в. китайскими учеными в горах Хэланьшань выявлено свыше 10000 и научно зафиксировано (описано, сфотографировано и скопировано) около 2000 петроглифов [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993b. С. 1, 20]. Правда, изображений «в стиле оленных камней» среди них немного.

Самая крупная фигура гор Хэланьшань (длиной 2,15 и высотой 1,32 м) из Мусульманского ущелья (у. Хэлань) принадлежит, по мнению исследователей, «хищному (плотоядному) зверю» [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 119]. Однако он обладает и некоторыми чертами, присущими стилизованным оленям – длинной вытянутой мордой и выступом на спине в районе лопатки,

Рис. 4. Петроглифы «в стиле оленных камней» из уезда Фуюнь (Кёктокай) в Синьцзяне: 1, 2 – из Булатэ (Брат); 3, 4 – из Сюйюньцзялэ. Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым по: [1–4 – Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016. С. 92]

Fig. 4. “Stag stone style” petroglyphs from Fuyun county in Xinjiang: 1, 2 – from Bulate (Brat); 3, 4 – from Xuyongqiale. All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1–4 – Qiemuerqieke wenhua, 2016. С. 92;]

правда, не треугольным, а, скорее, напоминающим лосиный. Поверх туловища и перед мордой зверя изображено несколько баранов и козлов, а также всадник на лошади (рис. 5, 1).

Протомы оленьих (как считают китайские авторы [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 257], но, на наш взгляд, скорее лосиных) голов длиной 22 и высотой 16 см с вытянутыми мордами и большими круглыми глазами встречены в ущелье Куцзингоу (у. Чжунвэй) (рис. 5, 5). Изображение стилизованного оленя длиной 48 и высотой 42 см с вытянутой мордой, круглым глазом и рогами, но без отчетливо выраженного выступа на непривычно широком теле обнаружено в том же ущелье Куцзингоу (рис. 5, 3). Ниже оленя и перед ним несколько фигур, которые китайскими археологами воспринимаются как парциальные изображения в виде круглого глаза и клювовидной морды [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 301].

Из Хуанъянвань в соседнем уезде Чжуннин происходит неудачная прорисовка стилизованного оленя длиной 38 и высотой 57 см, видовую принадлежность которого китайские авторы даже затруднились определить [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 201]. На самом деле, судя

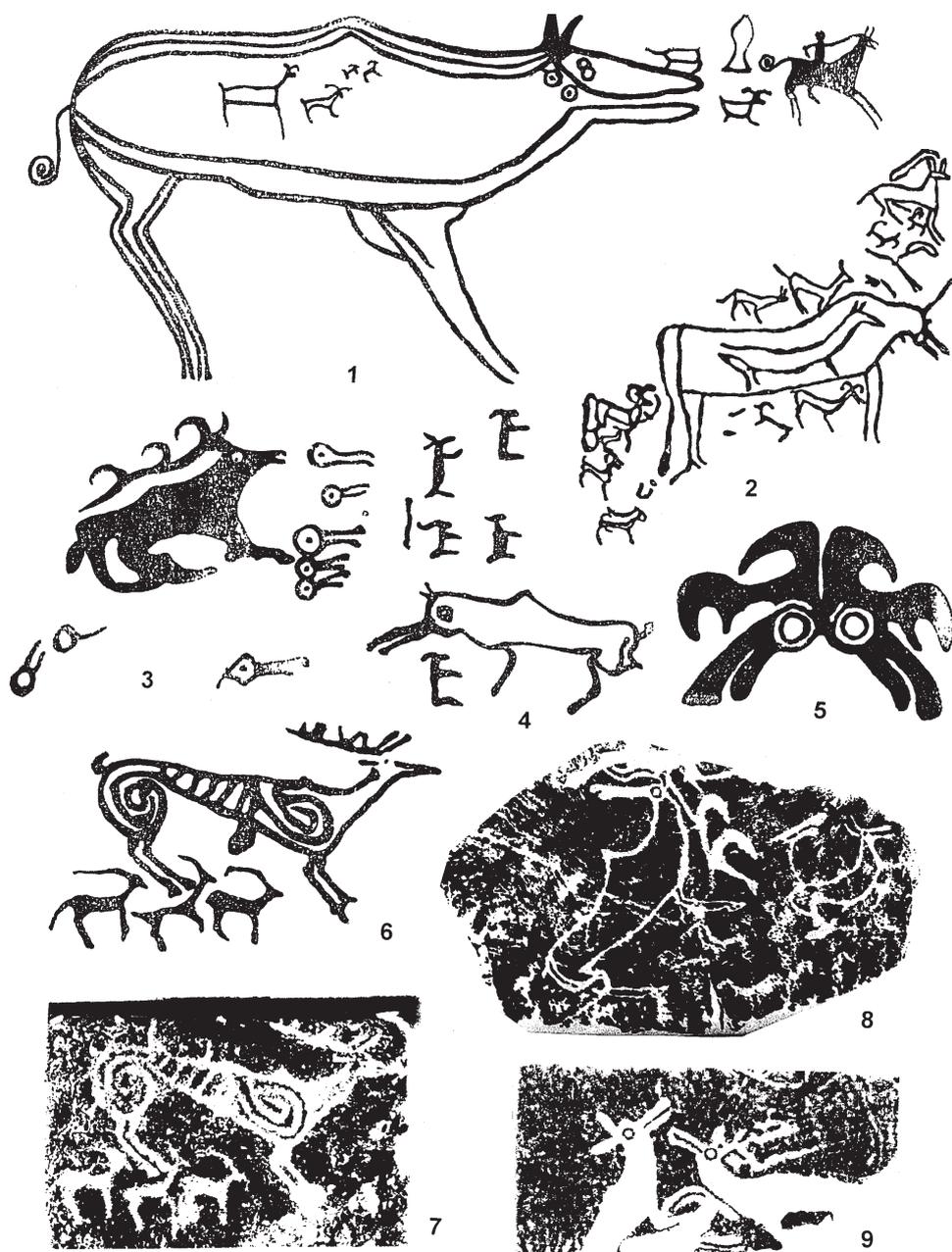

Рис. 5. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Нинся и их аналоги:

1 – из Мусульманского ущелья (уезд Хэлань); 2 – из Эласытайгоу (уезд Дэнкоу, Внутренняя Монголия); 3, 5 – из Куцзингоу (уезд Чжунвэй); 4 – из Хуанъянвань (уезд Чжуннин); 6, 7, 9 – из Хэланькоу (уезд Хэлань); 8 – из Дасифэнгоу (уезд Пинло). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым по: [1, 3–6 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 116, 121, 202, 258, 302; 2 – Гай Шаньлин, 1986. С. 309; 7–9 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993б. Рис. 30, 61, 88]

Fig. 5. “Stag stone style” petroglyphs from Ningxia and their analogues:

1 – from Huihuigou (Helan county); 2 – from Elasitaigou (Dengkou county, Inner Mongolia); 3, 5 – from Kujingou (Zhongwei county); 4 – from Huangyangwan (Zhongning county); 6, 7, 9 – from Helankou (Helan county); 8 – from Daxifengou (Pingluo county). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1, 3–6 – Xu Cheng, Wei Zhong, 1993a, p. 116, 121, 202, 258, 302; 2 – Gai Shanlin, 1986, p. 309; 7–9 – Xu Cheng, Wei Zhong, 1993b, Fig. 30, 61, 88]

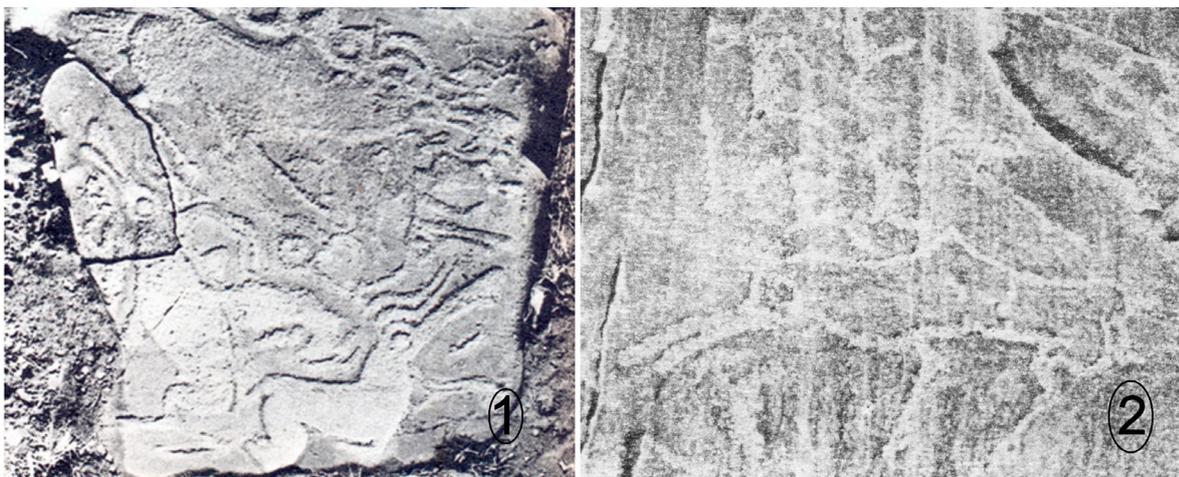

Рис. 6. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Нинся:
1 – из Гуйтоугоу (уезд Пинло); 2 – из Хуанъянвань (уезд Чжуннин). Все – разный масштаб.
Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым
по: [1, 2 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. Илл. II, 4; XXVI, 1]

Fig. 6. “Stag stone style” petroglyphs from Ningxia:
1 – from Guitougou (Pingluo county); 2 – from Huangyangwan (Zhongning county). All figures are of different scales.
The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1, 2– Xu Cheng, Wei Zhong, 1993a. Pl. II, 4; XXVI, 1]

по приводимой ими же фотографии, туловище, клювовидная морда и задняя нога оленя реально более «зализанные» и обтекаемые, в классическом «стиле оленных камней», а не угловатые, как показано на прорисовке (рис. 5, 4). В изображениях идущих выше оленя и перпендикулярно к нему козликов с той же прорисовки, на фотографии нетрудно разглядеть уходящие вертикально вверх ветвистые рога (рис. 6, 2).

У изображения оленя длиной 30 и высотой 18 см из ущелья Хэланькоу (у. Хэлань) тело украшено «тигриными» полосами, районы бедра и лопатки – спиралями, на спине острый треугольный выступ (рис. 5, 6, 7). Трактовка рогов, морды, ног этого оленя не типична для оленных камней. По характеру орнаментации тела и трактовке рогов ему близки, скорее, лоси из Сакачи-Альяна, тоже с четырьмя ногами, как и олень из Хэланькоу [Окладников, 1971. С. 207–211, 302–304, 308]. На оленных камнях, насколько нам известно, туловища оленей никогда не украшали спиралями в районе бедра и лопатки и/или «тигриными» полосами. Что реально сближает оленя из ущелья Хэланькоу со «стилем оленных камней», так это острый треугольный выступ на спине в районе лопатки. Изображения оленей в настоящем монголо-забайкальском стиле в ущелье Хэланькоу тоже имеются (рис. 5, 9). Они выбиты на крупном валуне, отдельно лежащем посреди водотока там, где он выходит на равнину [Варенов, 2018. С. 34, рис. 4].

У оленя в классическом монголо-забайкальском стиле из ущелья Дасифэнгоу (у. Пинло) голова развернута назад, так что клювовидная морда оказывается над отчетливо выраженным горбиком, а ветвистые рога идут вдоль нижней части длинной шеи (рис. 5, 8). В том же уезде Пинло, в ущелье Гуйтоугоу встречена плоско лежащая плитка камня размерами 23 на 25 см с изображением стилизованных оленей (рис. 6, 1). Три из этих оленей – «полные», а четыре – парциальные. В двух случаях показаны головы с шеями и рогами, а еще в двух – только круглый глаз и клювовидная морда (рис. 7, 1, 2). Олени из Гуйтоугоу отличаются сравнительно коротким телом, сочетающимся с вертикально поднятой вверх (а не вытянутой вперед, как у «классических» стилизованных изображений) шей и, кроме одного случая, отсутстви-

Рис. 7. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Нинся и Внутренней Монголии:

1, 2 – из Гуйтоугоу (уезд Пинло); 3 – из Суюйкоу (уезд Хэлань); 4, 10 – из Дабагоу (хошун Улагэхоуци); 5 – из Цзигунхайлэсытай (хошун Улагэжунци); 6 – из Агуйгоу (уезд Дэнкоу); 7 – из Туйламомяо (объединенный хошун Дархан-Маомингань/Дархан-Муминган); 8, 9 – из Толиньюгоу (уезд Дэнкоу). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В.Вареновым по: [1, 2 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а. С. 50; 3 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 408; 4–6, 8–10 – Гай Шаньлинь, 1986. С. 24, 144, 155, 267, 268, 283; 7 – Гай Шаньлинь, 1989. С. 195]

Fig. 7. “Stag stone style” petroglyphs from Ningxia and Inner Mongolia:

1, 2 – from Guitougou (Pingluo county); 3 – from Suyukou (Helan county); 4, 10 – from Dabagou (Ulatehouqi banner); 5 – from Jigonghailesitai (Ulatezhongqi banner); 6 – from Aiguigou (Dengkou county); 7 – from Tuilamomiaoyao (Darhan-Maomingan united banner); 8, 9 – from Tuolingou (Dengkou county). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1, 2 – Xu Cheng, Wei Zhong, 1993a, p. 50; 3 – Gai Shanlin, Gai Zhihao, 2002, p. 408; 4–6, 8–10 – Gai Shanlin, 1986, p. 24, 144, 155, 267, 268, 283; 7 – Gai Shanlin, 1989, p. 195]

Рис. 8. Сцены с двумя хтоническими хищниками:

1, 2 – из Суюйкоу (уезд Хэлань); 3 – из Ушкойн-Увэра (Хубусгульский аймак, Монголия); 4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Циньань, пров. Ганьсу); 6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань).

Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым по: [1, 2 – Гай Шаньлин, Гай Чжихао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. S. 178; 4 – Чжунго тунци цюаньци, 2005. С.4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной А.В.Вареновым в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли Мисеэр, 1990. С. 81]

Fig. 8. Scenes with two chthonic predators:

1, 2 – from Suyukou (Helan county); 3 – from Ushkijn-Uver (*Khövsgöl aimag*, Mongolia); 4 – from Shangcunling (Henan province); 5 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 6 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1, 2 – Gai Shanlin, Gai Zhihao, 2002. p. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. S. 178; 4 – Zhongguo tongqi quanji, 2005. p. 4; 5 – drawing after photo made by A.V.Varenov in Gansu provincial museum; 6 – Pirazzoli Michele, 1990. p. 81]

ем горбика. На композиции из ущелья Сууюкоу (у. Хэлань) размерами 89 на 70 см стилистически близкие олени с вертикально поднятыми вверх шеями и, кроме одного случая, без горбиков, окружают сцену терзания [Ли Сянши, 1993. С. 101; Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 408]. Видна она не очень отчетливо, но, похоже, что два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигуру (рис. 7, 3).

Олени Внутренней Монголии

Стилизованные олени встречены только в южной части Внутренней Монголии, прилегающей к Нинся, преимущественно в горах Иньшань, в том числе в уезде Дэнкоу, ближе всего расположенном к горам Хэланьшань – три экземпляра, чуть севернее – два в хошуне Улатэхоуци, один – в хошуне Улатэчжунци и еще один – еще ближе к Монголии, в степи Уланьчаб, в объединенном хошуне Дархан-Маоминьань (Дархан-Муминган).

Олень из местонахождения Туйлаомяо, что в степи Уланьчаб, изображен с длинными ногами, поджарым телом со слабо выраженным горбиком, вытянутой шеей и ветвистыми рогами (рис. 7, 7). Рисунок оленя из Цзигунхайлэсытай в хошуне Улатэчжунци – самый восточно-расположенный среди всех внутренне-монгольских. Этот олень с довольно толстым телом, вдоль которого тянутся широкие рога, выполнен контуром, а не сплошной выбивкой, как все остальные (рис. 7, 5). Олень из Дабаоугоу в хошуне Улатэхоуци изображен с длинным телом, вытянутой шеей, слабо выраженным горбиком и ветвистыми рогами (рис. 7, 10). Другой олень из этого же пункта входит в состав сложной композиции и заметно отличается от «классических» стилизованных: туловище широкое, шея не вытянута, горбика нет, рога идут вверх, а не вдоль спины, но морда клювовидная, похожа и постановка ног (рис. 7, 4).

Еще одна сложная композиция со стилизованным оленем встречена в местонахождении Толиньгоу (у. Дэнкоу): три или четыре лучника (возможно, одновременных) охотятся на группу животных, среди которых есть и олень «в стиле оленных камней» с вытянутой шеей и хорошо выраженным выступом на спине (рис. 7, 9). Изображение еще одного стилизованного оленя из этого же пункта (рис. 7, 8) очень похоже на описанный нами ранее рисунок из Синьцзяна (см. рис. 1, 15). Олень из Агуйгоу в том же уезде Дэнкоу показан с короткими, но широкими телом и шеей, тоненькими ножками, отчетливо обозначенными горбиком, круглым глазом и «лосиными» рогами (рис. 7, 6). В целом с монгольскими и горно-алтайскими изображениями стилизованных оленей больше всего схожи рисунки из Синьцзяна и Внутренней Монголии, территориально наиболее близкие к ним, а район китайского Алтая представляется очень перспективным для дальнейшего поиска изображений стилизованных оленей.

Семантика стилизованных оленей

Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить, так же как и для стилизованных оленей из иных регионов, более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур, наличие изображений не только самцов, но и самок. Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и для каменных изваяний. В их основе, по мнению Д. Г. Савинова, лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума [Савинов, 1994. С. 139–142]. Вслед за ним, Д. В. Черемисин еще 20 лет назад писал, что «с идеей жертвенного оленя в стиле оленных камней связаны гигантские (до двух метров) фигуры» из ряда пунктов Горного Алтая [Черемисин, 1998. С. 614]. Позже он отмечал: «наиболее часто повторяющийся сюжет с уча-

стием стилизованных оленей в петроглифических композициях – это включение их в качестве преследуемых или атакуемых хищниками животных или как добычи охотника (возможно, жертвы)» [Черемисин, 2012. С. 312].

Этот же сюжет о «благом терзании» Д. В. Черемисин усматривает в наскальной фигуре (см. рис. 5, 1), в которой, по его мнению, совмещены олень и тигр (олень «внутри» тигра). На это можно возразить, что в крупной фигуре из Мусульманского ущелья нет ничего специфически тигриного – ни полос на теле, ни зубастой пасти, ни когтистых лап. Правда, небольшой хвостик зверя закручен спиралью, как это бывает у кошачьих хищников. Но точно таким же спиральным хвостиком снабжено и изображение относительно небольшой верховой лошади, «скачущей» перед мордой рассматриваемого зверя (см. рис. 5, 1), так что и двойной контур большого животного, и его четыре глаза, и закрученный хвостик могут быть результатами более позднего подновления рисунка. Аналогичная композиция длиной 96 и высотой 110 см, изображающая одно животное внутри другого, причем явно травоядного (с «клювовидной» мордой и рогами) встречена в местонахождении Эласытайгоу (у Дэнкоу) во Внутренней Монголии (рис. 5, 2).

Наскальные сцены охоты на стилизованных оленей могут быть результатом добавления в более позднее время фигурок лучников и / или собак к уже существовавшим ранее композициям. Аргумент Э. А. Новгородовой, что «воин (охотник) всегда пеший (что важно для определения даты рисунка), вооружен луком и стрелами» не кажется убедительным [Новгородова, 1984. С. 98–100]. Д. В. Черемисин приводит пример, когда «на памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая зафиксировано включение стилизованного “клювовидного” оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод» [Черемисин, 2012. С. 312, рис. 1]. Впрочем, вопрос, одновременно ли со стилизованным оленем появился этот лучник, и сразу ли он «взял под уздцы» лошадку, также изображенную «в стиле оленных камней», так и остается без ответа. На оленных камнях, так же, как и в наскальных композициях, стилизованных оленей никто из хищников не терзает и не разрывает на части. В сценах терзания там фигурируют иные персонажи. В ущелье Сууюкоу (у Хэлань) стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 8, 2), где два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 8, 1). Композиционно близкая сцена терзания обнаружена в верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра в Хубсугульском аймаке МНР (рис. 8, 3).

В. В. Волков и Э. А. Новгородова, первооткрыватели памятника, описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня», возможно, из-за пятен, покрывающих шкуры зверей [Волков, Новгородова, 1975. С. 81]. На оленном камне № 4 из этого же местонахождения (рис. 9, 1) изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь (рис. 9, 2). Археологи назвали их «пятнистыми хищниками, скорее всего, барсами». Они писали: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» [Там же. С. 82]. В. В. Волков и Э. А. Новгородова воспроизводили фразы о «барсах» и «кошачьих хищниках» и гораздо позже, в индивидуальных монографиях [Новгородова, 1989. С. 206; Волков, 2002. С. 79, 83]. Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. В исторически известное время, начиная с конца плейстоцена, ареалы распространения львов и гепардов никогда не включали Монголию.

По мнению Д. Г. Савинова, анализирувавшего рисунки хищников на оленных камнях, «особого внимания заслуживают изображения фантастических животных, сочетающих признаки различных хищных зверей, в первую очередь, кошачьих хищников и волков (или собак)», которых он считал персонажами «скорее всего, хтонического происхождения» [Савинов, 1994.

*Рис. 9. Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия):
1 – общий вид; 2 – деталь с хищниками, преследующими коня. Фото А. В. Варенова (2013 г.)
Fig. 9. Stag-stone No 4 from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia):
1 – general view; 2 – detail with predators chasing a horse. Photo by A.V.Varenov (2013)*

С. 132]. Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Суюйкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении M1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань, КНР (рис. 8, 4) [Шанцуньлин, 1959. С. 27]. Она изображает «двух зверей, похожих на тигров, но с учетом окраса шкуры, скорее, леопардов», готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного (рис. 10, 1) [Го Можо, 1959. С. 14]. Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Суюйкоу. Шанцуньлин был кладбищем верхушки царства Го, в 655 г. до н.э. захваченного другим царством – Цзинь, так что никакая могила данного памятника не может быть позднее середины VII в. до н.э. Большинство из них датируется одним временем – второй половиной IX – первой половиной VIII вв. до н.э. [Комиссаров, 1985. С. 9–10].

Но корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подраться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 8, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитическом

Рис. 10. Сцены с двумя хтоническими хищниками:

1 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 2 – из Дадивань (уезд Цинъянь, пров. Ганьсу); 3 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). Все – разных масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым по: [1 – Чжунго тунци цюаньцзи, 2005. С. 6; 2 – из музея пров. Ганьсу, фото А. В. Варенова; 3 – Чжунго тунци цюаньцзи, 1993. С. 88]

Fig. 10. Scenes with two chthonic predators:

1 – from Shangcunling (Henan province); 2 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 3 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A.V.Varenov after: [1 – Zhongguo tongqi quanji, 2005. p. 6; 2 – from Gansu provincial museum, photo by A.V.Varenov; 3 – Zhongguo tongqi quanji, 1993. p. 88]

тической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями (рис. 10, 2), и может представлять Преисподнюю (нижний мир) [Кудинова, 2016. С. 36]. По данным В. В. Евсюкова, изучавшего мифологию китайского неолита по материалам крашеной керамики, образ рыбы символизирует человеческую душу [Евсюков, 1988. С. 84–85, 89–90]. Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в Преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, так же, как и сцена на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение. Данная

иконографическая традиция доживает, как минимум, до IV–III вв. до н.э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 8, б; 10, 3) [Пилацзоли, 1990. С. 81]. Впрочем, еще Д. Г. Савинов отмечал шичжайшаньские и ордосские бронзы среди восточных аналогий изображениям фантастических хищников с оленных камней [Савинов, 1994. С. 132].

Что касается семантики монголо-забайкальских оленных камней и выбитых на них оленей, то нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» [Варенов, 2016. С. 210]. Не случайно количество оленей на каждой отдельной стеле, как правило, четное, а часто и кратное четырем (12, 16, 20, 24 экз.), что хорошо соответствует фратриальной структуре общества, каждая фратрия в котором имела дуально-эзогамную родовую организацию. Тогда изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период. Две разнополых фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда художник хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным в рамках дуально-родовой организации. Естественно, что с точки зрения всего племени и его первопредка, воплощенного в оленном камне, все роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений важенок (оленей-самок).

Список литературы / References

- Варенов А. В.** О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. № 2. С. 195–211.
Varenov A. V. On the Chinese Neolithic Roots of Stag Stones of Mongolian-Trans-Baikal Style and their Social and Semantic Interpretation. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2016, № 2, p. 195–211. (in Russ.)
- Варенов А. В.** О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39
Varenov A. V. On the Exact Dating of Tiger Images in the Helan Mountains and the “Stag Stone Style” Deer. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 4: Oriental Studies, p. 30–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39
- Волков В. В.** Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. 248 с.
Volkov V. V. Stone Stelaes from Mongolia (“deer stones”). Moscow, Nauchnyi Mir publishers, 2002, 248 p. (in Russ.)
- Волков В. В., Новгородова Э. А.** Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири*. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
Volkov V. V., Novgorodova E. A. Olennye kamni Ushkijn-Uvera (Mongoliya) [Stag Stones of Uushkijn-Uver (Mongolia)]. *Pervobytnaya arheologiya Sibiri [Prehistoric Archaeology of Siberia]*. Leningrad, Nauka publishers, 1975, p. 78–84. (in Russ.)
- Евсюков В. В.** Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
Evsyukov V. V. Mythology of China’s Neolithic Age. After the Patterns of Yangshao Culture’s Ceramics. Novosibirsk, Nauka publishers, 1988, 128 p. (in Russ.)
- Комиссаров С. А.** Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // *Дальний Восток и Центральная Азия*. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
Komissarov S. A. Shangcunling – opornyi pamyatnik kontsa Zapadnogo Chzhou [Shangcunling – the Basic Site of the End of the Western Zhou]. *Dalnij Vostok i Tsentralnaya Aziya [Far East and Central Asia]*. Moscow, Nauka publishers, 1985, p. 3–12. (in Russ.)

- Кудинова М. А.** Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т.15. Вып. 4: Востоковедение. С. 33–41.
Kudinova M. A. Image of a Dog in Neolithic Art of China. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 33–41. (in Russ.)
- Новгородова Э. А.** Мир петроглифов Монголии. М.: ГРВЛ, 1984. 168 с.
Novgorodova E. A. Mir petroglifov Mongolii [The World of Mongolian Petroglyphs] Moscow, Nauka publishers, 1984, 168 p. (in Russ.)
- Новгородова Э. А.** Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: ГРВЛ, 1989. 384 с.
Novgorodova E. A. Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy hronologii i etnokulturnoi istorii) [Ancient Mongolia (Some Problems of Chronology and Ethno Cultural History)]. Moscow, Nauka publishers, 1989, 384 p. (in Russ.)
- Окладников А. П.** Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.
Okladnikov A. P. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad, Nauka publishers, 1971. 336 p. (in Russ.)
- Савинов Д. Г.** Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. С. 174–181.
Savinov D. G. Naskalnye izobrazheniya v stile olennykh kamnei [Rock carvings in the Stag Stone Style]. *Problemy izucheniya naskalnykh izobrazhenij v SSSR* [Problems of Studying of Rock Carvings in the USSR]. Moscow, Institute of archaeology publishers, 1990, p. 174–181. (in Russ.)
- Савинов Д. Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
Savinov D. G. Olennye kamni v kulture kochevnikov Evrasii [Stag Stones in the Culture of Eurasian Nomads]. Saint Petersburg, Saint-Petersburg State University publishers, 1994, 208 p. (in Russ.)
- Черемисин Д. В.** Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Том 1. С. 609–614.
Cheremisin D. V. Stil olennykh kamnei v petroglifakh Altaya [Stag Stone Style in Altay Mountains Petroglyphs]. *Sibir v panorame tysyacheletij* [Siberia in the Panorama of Milleniums]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publishers, 1998, vol. 1, p. 609–614. (in Russ.)
- Черемисин Д. В.** Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.
Cheremisin D. V. Petroglify v stile olennykh kamnei na Altae: novye nahodki i razmyshleniya [Stag Stone Style Petroglyphs in Altay Mountains: New Finds and Thoughts]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publishers, 2012, vol. XVIII. p. 310–315. (in Russ.)
- Nowgorodowa E.** Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, E.A.Seemann Verlag, 1980. 280 S.
- Ван Линьшань, Ван Бо.** Чжунго Аэргтайшань цаююань вэньу [王林山, 王博. 中国阿尔泰山草原文物]. Степные древности китайского Алтая. Шэньчжоу: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)
Wang Linshan, Wang Bo. China's Cultural Relics of Grassland in Altay. Shenchou, Xinjiang meishu sheying publishers, 1996. 4, 192 p. (in Chin.)
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [蓋山林. 陰山岩畫]. Петроглифы гор Иньшань. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1985. 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)
Gai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Huhehot, Nei Menggu renmin publishers, 1985. 4, 192 p. (in Chin.)
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [蓋山林. 陰山岩畫]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с., IV, XLVIII л. илл. (на кит. яз.)
Gai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1986. 2, 20, 442 p., IV, XLVIII pl. (in Chin.)

- Гай Шаньлинь.** Уланьчабу яньхуа [蓋山林。烏蘭察部岩畫]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. 22, 336 с., XVI, XXXII л. илл. (на кит. яз.)
Gai Shanlin. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland. Beijing, Wenwu publishers, 1989. 22, 336 p., XVI, XXXII pl. (in Chin.)
- Гай Шаньлинь.** Баданьцзилинь шамо яньхуа [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997. 400 с., VIII л. илл. (на кит. яз.)
Gai Shanlin. Badanjilin shamo yanhua [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. The Rock Paintings in Badanjilin Desert. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 1997. 400 p., VIII pl. (in Chin.)
- Гай Шаньлинь, Гай Чжихао.** Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [蓋山林, 盖志浩。内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с., илл. (на кит. яз.)
Gai Shanlin, Gai Zhihao. Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu [蓋山林, 盖志浩。内蒙古岩画的文化解读]. Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 2002. 546 p., Pl. (in Chin.)
- Го Можо.** Саньмэнься чуту тунци эр-сань ши [郭沫若。三门峡出土铜器二三事]. Две-три заметки о бронзовых изделиях, найденных в Саньмэнься // Вэньу. 1959. № 1. С. 13–15. (на кит. яз.)
Guo Moqiu. Sanmenxia chutu tongqi ersan shi [郭沫若。三门峡出土铜器二三事]. Two-three Notes on the Bronzes, Found in Sanmenxia. *Wenwu*. 1959. № 1. p. 13–15. (in Chin.)
- Даленгуриб Н.** Нэймэнгу яньхуа ишу [纳·达楞古日布。内蒙古岩画艺术]. Искусство наскальных рисунков Внутренней Монголии. Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2000. 208 с. с илл. (на кит. яз.)
Dalengurib Na. Inner Mongolia's Art of Rock Carvings. Hailar, Nei Menggu wenhua publishers, 2000, 208 p. (in Chin.)
- Ли Сянши, Чжу Шицунь.** Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱世存。賀蘭山與北山岩畫]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. 369 с. (на кит. яз.)
Li Xiangshi, Zhu Shicun. Helanshan yu Beishan yanhua [李祥石, 朱世存。賀蘭山與北山岩畫]. Petroglyphs in Helan and Beishan Mountains. Yinchuan, Ningxia renmin publishers 1993. 369 p. (in Chin.)
- Пиццолли Мисеэр (Pirazzoli Michele).** Дянь вэньхуа дэ няньдай вэньти [皮拉左里·米歇尔。滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь // Каогу. 1990. № 1. С. 78–86. (на кит. яз.)
Pirazzoli Michele. Dian wenhua de niandai wenti [皮拉左里·米歇尔。滇文化的年代问题]. The Dian Culture: a Problem of Chronology. *Kaogu*. 1990. № 1. p. 78–86. (in Chin.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян янькэхуа [苏北海。新疆岩刻画]. Петроглифы Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. 596 с., илл. (на кит. яз.)
Su Beihai. Xinjiang yankehua [苏北海。新疆岩刻画]. Petroglyphs of Xinjiang. Urumchi, Xinjiang meishu sheying publishers, 1994. 596 p. (in Chin.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян янькэхуа [苏北海。新疆岩刻画]. Петроглифы Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2013. 596 с., илл. (на кит. яз.)
Su Beihai. Xinjiang yankehua [苏北海。新疆岩刻画]. Petroglyphs of Xinjiang. Urumchi, Xinjiang meishu sheying publishers, 2013. 596 p. (in Chin.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993а. 34, 398, XLVIII, XLVIII л. илл. (на кит. яз.)
Xu Cheng, Wei Zhong. Petroglyphs in Helan Mountains Ningxia Hui Autonomous Region, China. Beijing, Wenwu publishers, 1993a. 46, 364, 20 p., pl. (in Chin.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠。贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов гор Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993b. 46, 364, 20 с., илл. (на кит. яз.)
Xu Cheng, Wei Zhong. Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China. Beijing, Wenwu publishers, 1993. 46, 364, 20 p., pl. (in Chin.)

- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа.** Цинхай яньхуа – шицянь ишу чжун эрюань дуйли сывэй цзи ци гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华. 青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. 280 с. (на кит. яз.)
Tang Huisheng, Zhang Wenhua. Qinghai yanhua – shiqian yishu zhong eryuan duili siwei ji qi guanyan de yanjiu [汤惠生, 张文华. 青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Qinghai Petroglyphs – a Study of Dualism and its Ideas in Prehistoric Art. Beijing, Kexue publishers, 2001. 280 p. (in Chin.)
- Цемуэрцекэ вэньхуа [切木尔切克文化].** Чемуэрцекская культура. Урумчи: Синьцзян кэсюэ цзи-шу чубаньшэ, 2016. 248 с. (на кит. яз.)
Qiemuerqieke wenhua [切木尔切克文化]. Qiemuerqieke Culture. Urumchi, Xinjiang kexue publishers, 2016. 248 p. (in Chin.)
- Чжао Янфэн.** Чжунго Аэргайшань яньхуа [越养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Наскальные рисунки Китайского Алтая. Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1987. 128 с. (на кит. яз.)
Zhao Yangfeng. Aertaishan Mountain Rock Paintings of China. Xian, Shenxi renmin meishu publishers, 1987. 128 p. (in Chin.)
- Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第14卷. 滇昆明].** Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 14. Дянь – Куньмин. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1994. 1993. 40, 180, 64 с. (на кит. яз.)
Zhongguo tongqi quanji [中国铜器全集. 第14卷. 滇昆明]. The Complete Collection of Chinese Bronzes. Vol. 14. Dian – Kunming. Beijing, Wenwu publishers, 1993. 40, 180, 64 p. (in Chin.)
- Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第16卷. 铜镜].** Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 16. Бронзовые зеркала. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 2005. 34, 216, 78 с. (на кит. яз.)
Zhongguo tongqi quanji [中国铜器全集. 第16卷. 铜镜]. The Complete Collection of Chinese Bronzes. Vol. 16. Bronze Mirrors. Beijing, Wenwu publishers, 2005. 34, 216, 78 p. (in Chin.)
- Чжунго яньхуа [中国岩画].** Наскальное искусство Китая. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1993. 150 с. (на кит. яз.)
The Rock Arts of China. Beijing, Wenwu publishers, 1993. 150 p. (in Chin.)
- Шанцуньлин Гого муди [上村嶺號國墓地].** Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. 178 с. (на кит. яз.)
The Cemetery of the State of Kuo at Shang Ts'un Ling. Peking, Science Press, 1959. 178 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

29.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного Института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, avvarenov@mail.ru)

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, avvarenov@mail.ru)

УДК 903.27(510)+7.031.1
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-30-37

«Донаучный» период в изучении петроглифов Китая

С. А. Комиссаров, Д. В. Черемисин

*Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье представлен самый ранний период в изучении петроглифов Китая, который мы условно обозначили как «донаучный». Первая целенаправленная фиксация наскального искусства происходит в памятниках фольклора, откуда перемещается в письменные произведения: трактаты, летописи и т. п. Делаются первые попытки объяснить происхождение петроглифов – как правило, через известные мифологемы (типа «след великана»). Наиболее заметную роль в рамках этого периода (на этапе Средневековья и Нового времени) играют географические и краеведческие описания. Из их числа следует особо выделить «Канон вод с комментарием» («Шуй цзин чжу»), написанный в начале VI в. Ли Даюанем. В этом сочинении не только зафиксировано 19 местонахождений с петроглифами с точным описанием и «привязкой» к местности, но и приводятся связанные с ними легенды (если есть), а также сведения о культовом использовании памятников местным населением, которое продолжалось, судя по заметкам-чжи, и в более поздние времена. Таким образом, материалы о наскальном искусстве Китая, полученные во время «донаучного» периода их изучения, представляют ценный источник знаний о роли и месте традиционного искусства в меняющейся картине мира.

Ключевые слова

Петроглифы, фольклор, «Шуй цзин чжу», Ли Даюань, географические описания-чжи

Благодарности

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект 18-09-00557

Для цитирования

Комиссаров С. А., Черемисин Д. В. «Донаучный» период в изучении петроглифов Китая // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 30–37. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-30-37

«Prescientific» Period of Petroglyph Studies in China

Sergey A. Komissarov, Dmitriy V. Cheremisin

*Novosibirsk State University, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article presents the earliest period of petroglyph studies in China which the authors have labeled as «Prescientific». The first purposeful fixation of rock-art objects all over the world was created through folklore stories, which later

© С. А. Комиссаров, Д. В. Черемисин, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

transmitted into written pieces of work such as treaties and annals (among these chronicles was also the famous «Records of the Grand Historian» by Sima Qian). Due to the highly developed written tradition within Chinese civilization, this process was established earlier than in most other countries. The first attempts were made in order to explain the origin of petroglyphs – as a rule, by way of using rather popular mythologems (such as «footprints of a giant»). The most prominent role within this period (during the Medieval and New history epochs) was undertaken by geographical and local history descriptions. Among many, one of the most notable is «The Canon of waters, with commentary» («Shui jing zhu») created by Li Daoyuan in the beginning of the 6th century. This work mentions 19 sites which feature petroglyphs, with accurate descriptions and spatial references, legends connected with these sites (if any), as well as information about the cultic use of these monuments by locals which according to local records (zhi), lasted for a long time. All presented materials about rock-art in China obtained during the prescientific period represent a valuable source of knowledge about the significance of traditional art in the ever-changing Universe.

Keywords

Petroglyphs, folklore, «Shui jing zhu», Li Daoyuan, geographical records (zhi)

Acknowledgements

The paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 18-09-00557: “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)”

For citation

Komissarov S. A., Cheremisin D. V. “Prescientific” period of studying petroglyphs in China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 30–37. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-30-37

Эффектные и загадочные, памятники наскальной живописи издавна привлекали к себе внимание. Первые попытки их описания и осмысления, различные версии происхождения были зафиксированы в хрониках и записках, которые, в свою очередь, опирались на фольклорные источники. Так, для сибирских памятников мы располагаем свидетельствами первопроходцев и этнографов, которые зафиксировали предания местного населения о том, что начертания на скалах – результат действия высших сил, духов или божеств. Академик А. П. Окладников писал о том, что буряты на вопрос «кто создавал писаницы» отвечали, что их рисовал «бурхан и рисует до сих пор – посиди час здесь и сам увидишь, что будет нарисовано другое» [Окладников, 1974. С. 12]. Согласно мифам, записанным Л. Я. Штернбергом и И. А. Лопатиным у нанайцев Нижнего Амура, петроглифы в Сикачи-Аляне на камнях у береговой линии «были сделаны в начале веков, когда так жарко было, что скалы были мягкие, как воск. Первый человек сделал эти рисунки своими пальцами» [Окладников, 1968. С. 22]. Таким образом, традиционные представления о петроглифах – часть мифа о трех божествах-солнцах, два из которых убивает великий стрелок Ходай в начале времен. По другой версии этого мифа, петроглифы на мягких от жары трех солнц камнях представляют собой «следы предметов и существ», которые отвердели вместе с землей и камнями после того, как два солнца были убиты стрелой героя¹. По заключению А. П. Окладникова, со своеобразными личинами – человеческими ликами Сикачи-Аляна – связаны мифы о начале Вселенной, о первых шаманах, о деяниях культурных героев, о легендарных народах, населявших эти места в древности [Там же. С. 139–140, 147]. На выделение писаниц в качестве особых объектов указывает и топонимика. Знания о скалах с нанесенными на них фигурами людей и животных зафиксированы в названиях таких мест

¹ Данный сюжет восходит к широко распространенной в Азиатско-Тихоокеанском регионе мифологеме об уничтожении «лишних» небесных светил, которая была особенно детально представлена у народов, населяющих территорию современного Южного Китая. См.: [Ли Фуцин (Б. Л. Рифтин), 2001. С. 127–141].

у различных народов Сибири – Бичикту-Кая, Бичигтын Ам, Бичигтын Хад, Джурамал и др.; их значение – «писанный, изрисованный», покрытый изображениями и т. п.

При этом в фольклорных памятниках Дальнего Востока, Сибири и Центральной Азии отложилось сравнительно немного упоминаний о рисунках на скалах – вероятно, потому что еще не было рефлексии по их поводу, и они сами по себе являлись, по удачному выражению Я. А. Шера, «древнейшим изобразительным фольклором» [Шер, 2008]. Но для нас важен сам факт начала фиксации древнего искусства пока еще в «устной литературе». Таким же образом – как творение духов или мифологических персонажей – воспринимаются наскальные изображения в легендах аборигенов Австралии и Америки [Дэвлет, 2002. С. 15].

Обратившись к китайским мифам, мы также обнаруживаем упоминания о памятниках наскального искусства, в основном в рамках популярной мифологемы «след великана». В «Исторических записках» Сыма Цяня (глава «Основные записи [о деяниях дома] Чжоу») содержится повествование о том, как Цзянь Юнь, старшая жена императора Ку, увидела в поле след ноги великана, радостно в него наступила, после чего забеременела и в положенный срок родила мальчика; это и был чжоуский Хоу-цзи (Государь-просо) [Сыма Цянь, 1972. С. 179]. Если предположить, что след был отпечатан в камне (а как бы иначе он сохранился?), то тогда приведенный выше сюжет можно выделить как не только первое упоминание о находке петроглифа, но и отчет о его магическом использовании. Известно, что во многих древних и традиционных культурах наскальные изображения широко использовались в обрядах репродуктивной магии.

Воспроизводя чжоуский этногенетический миф, Сыма Цянь следовал более ранним источникам – например, «Ши цзину». В тексте одной из «Великих од» с характерным названием «Рождение народа» (III, II, 1) ² сообщалось основное содержание мифа, согласно которому праматерь Цзянь Юань – «...владыки верховного след // видит она, на него наступает... И вот, // вся задрожав, в тот же миг понесла она плод...» [Шицзин, 1987. С. 234]. Этот фрагмент, хотя и не содержит каких-то новых деталей к сюжету, но фиксирует его фольклорное бытование и существенно удревняет дату первого описания одного из видов петроглифов в тексте (ранее VI в. до н. э.). Заслуживают внимания также сведения из главы 11 трактата «Хань Фэйцзы» – о том, что чжаоский Чжуфу ³ приказал ремесленникам соорудить лестницы с крюками, с помощью которых подняться на гору Боу и вырезать на ней большой след великана (длиной 5 чи и шириной 3 чи); сам правитель часто приезжал на это место (вероятно, с какими-либо ритуальными целями) (см.: [Чэнь Чжаофу, 2002. С. 13]). Ряд упоминаний о следах на скалах, оставленных великанами или небожителями-сянями в областях, которые можно отнести к Северному и Восточному Китаю, содержится в обширной сунской энциклопедии «Тайпин юйлань» («Высочайше просмотренная энциклопедия эры правления Тайпин») [Там же. С. 14], составленной в 977 г. группой ученых под руководством Ли Фана; содержит множество более ранних текстов.

В современном Китае обнаружено около 10 местонахождений с так называемыми следами великанов, выбитых в камне, – на территории округа Чжанчжоу (пров. Фуцзянь), а также еще одно – через пролив, на о. Тайвань ⁴. Там в горах Ваньтоуланьшань, в районе к северо-востоку от муниципалитета Ваньшань (г. Гаосюн) открыли местонахождение Цзубулили с 27 отпечатка-

² В переводе А. А. Штукина получившая название «Ода государю Зерно (Хоу-цзи)».

³ Чжуфу (Отец-повелитель) – имя, которое принял чжаоский Улин-ван (даты правления 325–299 гг. до н. э.), после того, как в 299 г. до н. э. добровольно передал престол своему сыну [Сыма Цянь, 1992. С. 66].

⁴ Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. «Морской» Шелковый путь 2: Петроглифы Тайваня // Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее»: Сб. тез. [эл. изд.]. Новосибирск, 2018. С. 45 // На сайте Ин-та Конфуция ГИ НГУ. URL: <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf/2018-silk-road-thesis.pdf> (дата обращения 10.10.2018).

ми в форме ступни [Чэнь Чжаофу, 2008. С. 201]. Хотя эти южные памятники открыты на значительном расстоянии от района верховьев Хуанхэ, где, согласно легендам, формировался центр чжоуской цивилизации, но делать на этом основании какие-то выводы об их происхождении и направлении связей не приходится, поскольку изображения человеческих стоп или отпечатков-следов людей или антропоморфных персонажей распространены в наскальном искусстве Евразии в широком хронологическом диапазоне. Кроме того, известны антропоморфные персонажи с гипертрофированными стопами. На Алтае бытует легенда о том, что легендарный богатырь Сартакпай, повелитель молний, раздвинувший горы и проложивший русло Катунь, оставил на камнях следы своих ног. Одному из авторов статьи, слышавшему от местных жителей в долине Катунь рассказы об этих гигантских «отпечатках», доводилось разыскивать их, принимая во внимание, что речь идет не о петроглифах, а об естественных углублениях на камнях и скалах, напоминающих человеческие следы.

Примечательно, что наскальные рисунки в Новом Свете (изображение из Каланго в окрестностях Лимы, Перу) с воспроизведением человеческой стопы трактовались европейцами как отпечаток ноги святого Томаса [Bahn, 1998. P. 9–11, 20; Дэвлет, 2002. С. 19]. Как отмечал П. Бан, посвятивший «донаучному» периоду специальную главу в своем компендиуме об искусстве ледникового периода, отмечает, что и в Европе, и в Новом Свете наскальные изображения воспринимались в XVI–XVIII вв. либо как результат деяний святых, либо дьявольских сил. Европейское пещерное искусство не раз становилось объектом внимания католических священнослужителей, причем самого высшего ранга. Например, Г. Кюн привел свидетельство того, что «в 1458 г. папа Каликст III, один из пап семейства ди Борджиа родом из Валенсии, запретил проведение культовых церемоний в пещере с изображениями лошадей» (см.: [Bahn, 1998. P. 3]).

Один из путешественников XV в., посетивший памятник Монт Бего во французских Альпах, описывает его как дьявольское место, скопление изображений сатаны и тысяч демонов, очевидно, понимавший таким образом своеобразные антропоморфные личины, характерные для этой долины [Bahn, 1998. P. 3; Дэвлет, 2002. С. 16–17]. «Дьявольские» названия местонахождений наскального искусства, которые, по сути, являются свернутыми метафорами, распространены чрезвычайно широко: Бесовы следки и Бесов нос на Беломорье (устье р. Выг), Fourneau du Diable (Печь Дьявола) в Дордони (Франция), Canada do Inferno (Адская колея) в долине р. Коа (Португалия), Cueva del Diablo (Пещера Дьявола) в департаменте Потоси (Боливия) и др.

Скальные плоскости с древними петроглифами сохранили и другие свидетельства подобного отношения к непонятным и пугающим начертаниям. Так, монахи Муромского монастыря на р. Онега в Карелии выбили крест поверх фронтальной фигуры онежского «Беса» [Дэвлет, 2002. С. 17, рис. 5], Точно так же европейские миссионеры в Боливии пытались нейтрализовать «дьявольские» фигуры людей с поднятыми руками, выбивая поверх них крест [Там же, рис. 4]. На палеоиндейском наскальном памятнике Ла-Пинтада в Нижней Калифорнии «миссионеры-иезуиты покрыли красными крестами целую плоскость между огромными фигурами с воздетыми к небу руками» [Там же]. Восточной аналогией такого соперничества культов, воплощенного в рисунках на скалах, можно считать тибетские петроглифы, изображавшие фигуры людей или животных, сбоку или поверх которых были нарисованы буддийские символы [Черемисин и др., 2006. С. 251–252].

Такое противостояние носило вполне конкретный характер, поскольку петроглифы повсеместно использовались населением при проведении языческих обрядов. Об этом свидетельствуют как этнографические материалы, так и ранние письменные памятники. В Китае

подобные сведения часто содержатся в записках путешественников и в местных географических (краеведческих) описаниях-чжи. Так, в сунском сборнике «Сюй боу чжи» («Продолжение описания экспонатов»), составленном Ли Ши (李石), приводятся сведения о знаменитой писанице на р. Цзоцзян в Гуанси (описание см.: [Комиссаров и др., 2018]). В тексте говорится о «тнях чертей» на каменных стенках вдоль глубокого ручья и о том, что местное население почитает их (эти фигуры) как предков, приплывает на лодках и приносит жертвы.

О той же писанице – сообщение минского художника Чжан Му (张穆; 1607–1683), включенное в сборник «И вэнь лу» («Записки об услышанных странностях»). Он описал протянувшиеся на несколько километров в горах изображения всадников, людей с оружием, обезглавленных фигур; также поведал, что людям в лодках запрещено показывать на эти рисунки пальцем, иначе можно заболеть. В «Описании округа Нинмин» («Нинминчжоу чжи»), составленном в конце правления династии Цин, также сообщает о рисунках охрой на скалах по обе стороны реки, изображающих обнаженных людей, вооруженных клевцами солдат, всадников (см.: [Чэнь Чжаофу, 2002.С. 17]).

Наибольшее число описаний наскальной живописи с различными дополнительными сведениями содержатся в классическом трактате «Шуй цзин чжу» («Канон вод с комментарием»), составленным Ли Даюанем (酈道元; 472–527), крупным чиновником государства Северная Вэй. Изначальный текст канона практически не сохранился. Традиционно его связывают с восточноханьским ученым Сан Цинем (桑钦), о котором, впрочем, мы мало что знаем. Назывались имена и других возможных авторов эпохи Хань или Троецарствия. В любом случае, комментарий оказался почти в 30 раз больше оригинального текста, поэтому многие специалисты справедливо считают «Шуй цзин чжу» авторским произведением (см. [Кобзев, 2009]). Он насчитывает около 300 тыс. иероглифов и содержит описания 1 389 рек и других водных объектов⁵. Для этого Ли Даюань использовал 843 письменных источника, к которым добавил личные впечатления от поездок в различные районы Северного и Восточного Китая⁶. Он достаточно подробно описывает петроглифы, обнаруженные на берегах рек и озер, – всего 19 местонахождений. Кроме точной (для того времени) фиксации на местности и описаний самих изображений (внешний вид, способ нанесения, сочетание с другими фигурами), Ли Даюань часто дает характеристику окружающей природной среды, приводит связанные с петроглифами мифы и легенды, описывает обряды, которые на них проводятся. Среди форм отмечены следы рук, отпечатки копыт, резные тигры и лошади, фигуры людей и сверхъестественные персонажи. Например, он сообщал, что в горах на р. Яншуй в Ганьсу был нарисован образ «святой феи» (верхняя часть – красной краской, нижняя – белой), к которому местные жители обращались с мольбами о счастье (см.: [Чэнь Чжаофу, 2008. С. 26]). Некоторые из описаний Ли Даюаня уже обрели современную прописку в работах китайских археологов, но большая часть их еще ждет своего повторного открытия в наши дни.

Подводя итог нашему краткому обзору, следует отметить включенность наскального искусства в фольклорно-мифологическую составляющую общественного сознания древних наро-

⁵ Ирония судьбы: крупнейший специалист по водным ресурсам Китая погиб, потому что оказался в безводной местности. Его отряд, закрепившийся на почтовой станции в горах, был окружен мятежниками. Его люди выкопали глубокий колодец, но там не оказалось воды. Отряд был обречен. Чтобы не попасть в плен, Ли Даюань, два его брата и два сына совершили самоубийство. См.: Юй Цзыюй, Ма Чжэнбяо. Ли Даюань: ЛиДаюань: наньшэ наньфэнь ши Лоян (Ли Даюань юй Лоян шан) [余子愚、马正标. 酈道远: 难舍难分是洛阳 (酈道元与洛阳上)]. Лоян, с которым невозможно расстаться (Ли Даюань и Лоян. Ч. 1) // На сайте Лоян онлайн – газета «Веч. Лоян» [洛阳网 – 洛阳晚报]. 29.12.2015. URL: news.lyd.com.cn/system/2015/12/29/01506792 (дата обращения 10.10.2018).

⁶ Knechtges D. R. Li Daoyuan, 酈道元 (ca. 469–527), zi Shanzhang 善长 // На сайте Chinese References Library: Brill-Online. 2018. URL: <http://chinesereferenceshelf.brillonline.com/ancient-literature/entries/SIM-300206> (дата обращения 10.10.2018).

дов. Можно очертить общее в донаучных представлениях о наскальных изображениях, которые и традиционное, и религиозное сознание соотносит с архетипами мифотворчества. Памятники наскального искусства, пещерные или находящиеся на пленэре, органично включены в мифопоэтические циклы, актуальные в прошлом и сохранившиеся во фрагментах до наших дней. В результате столкновения и противостояния мировоззренческих платформ на скалах появились «палимпсесты» в виде религиозной символики (крестов, свастик) поверх древних фигур. Таким образом утверждался приоритет религии над первобытной магией в борьбе за человеческие души.

Для китайской цивилизации с ее развитой письменностью характерна ранняя фиксация фольклорных образов в авторских сочинениях (философского, исторического, географического плана). Надо подчеркнуть, что многие из этих сочинений (например, «Исторические записки» Сыма Цяня или «Канон вод с примечаниями» Ли Даюаня) относились уже к области науки, со своей методологией и методикой исследования, хотя и отличной от современной. Поэтому использованный нами в данной статье термин «донаучный период», берущий начало в глубинах мифологии (не позднее VI в. до н. э.) и продолжавшийся до появления на территории Китая археологической науки на рубеже XIX–XX вв., относится только к исследованию петроглифов, в котором теоретическая основа и исследовательская процедура в целом лишь начинали выработываться. Тем не менее, благодаря этим работам, удалось сохранить уникальные сведения для современных реконструкций. Материалы и исторические данные о наскальном искусстве Китая, полученные во время «донаучного» периода их изучения, представляют ценный источник знаний о роли и месте традиционного искусства в меняющейся картине мира.

Список литературы / References

- Дэвлет Е. Г.** Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002. 256 с.
Devlet E. G. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: Izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [The monuments of rock-art: Their studying, saving and using]. Moscow, Nauch. mir, 2002, 256 p. (in Russ.)
- Кобзев А. И.** Шуй цзин // Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. М.: Вост. лит., 2009. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 958–959.
Kobzev A. I. Shui jing. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsikl.: v 5 t.* [Spiritual culture of China: Encyclopedia: in 5 vol.], Moscow, Vost. lit., 2009, vol. 5: Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl', zdravookhranenie i obrazovanie [Science, technical and military thoughts, healthcare and education], p. 958–959. (in Russ.)
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Кудинова М. А.** Самая большая писаница в Китае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 267–269.
Komissarov S. A., Cheremisin D. V., Kudinova M. A. The biggest site with petroglyphs in China]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sb. nauch. st.* [Modern solution of Eurasian archaeology's actual problems: collection of papers, Barnaul, Altay University Publishing House, 2018, issue 2, p. 267–269. (in Russ.)
- Окладников А. П.** Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238 с.
Okladnikov A. P. Liki drevnego Amura [Images of ancient Amur], Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1968, 238 p. (in Russ.)
- Окладников А. П.** Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, Наука, 1974. 165 с.
Okladnikov A. P. Petroglify Baikala – pamyatniki drevnei kul'tury narodov Sibiri [Petroglyphs of Baikal – the monuments of the ancient culture of Siberian peoples], Novosibirsk, Nauka, 1974, 165 p. (in Russ.)

- Сыма Цянь.** Исторические записки (Шицзи)/Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступит. ст. М. В. Крюкова. М.: ГРВЛ, 1972. Т. I. 440 с.
Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi ji) [Records of the Grand Historian]. Per. s kit. i komment. R. V. Vyatkina i V. S. Taskina, pod obshch. red. R. V. Vyatkina; vstupit. st. M. V. Kryukova [Translation from Chinese and comment. by R. V. Vyatkin & V. S. Taskin, under general supervision by R. V. Vyatkin; introductory article by M. V. Kryukov], Moscow, GRVL, 1972, vol. I, 440 p. (in Russ.)
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1992. Т. VI. 483 с.
Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi ji) [Records of the Grand Historian]. Per. s kit., predisl. i komment. R. V. Vyatkina [Translation from Chinese, preface and comment. by R. V. Vyatkin], Moscow, Vost. lit., 1992, vol. VI, 483 p. (in Russ.)
- Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А.** Петроглифы Тибета // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 248–255.
Cheremisin D. V., Prokof'eva I. V., Komissarov S. A. Petroglify Tibeta [Petroglyphs of Tibet]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2006, vol. 5, issue 3: Archaeology & Ethnography (supplement 2), p. 248–255. (in Russ.)
- Шер Я. А.** Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Девлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 28–30.
Sher Ya. A. Petroglify – drevneishii izobrazitel'nyi fol'klor [Petroglyphs – the most ancient figurative folklore], Troпой tysyacheletii: K yubileyu M. A. Devlet [On the Path of Millenniums: For the jubilee of M. A. Devlet], Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2008, p. 28–30. (in Russ.)
- Шицзин:** Книга песен и гимнов / Пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина. М.: Худ. лит., 1987. 351 с.
Shijing: Kniga pesen i gimnov [The Book of songs and hymns]. Per. s kit. i komment. A. A. Shtukina [Translation from Chinese and comment. by A. A. Shtukin], Moscow, Khud. lit., 1987, 351 p. (in Russ.)
- Vahn P.** The Cambridge Illustrated History of Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1998. 302 p. +XXXII pl.
- Ли Фуцин (Б. Л. Рифтин).** Шэньхуа юй гуйхуа – Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю [李福清. 神话与鬼话 – 台湾原住民神话故事比较研究 (增订本)]. Мифы и рассказы о духах – сравнительное изучение мифологических повествований аборигенов Тайваня (изд-е испр. и доп.). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2001. 410 с. (на кит. яз.)
Li Fuqing (B. L. Riftin). Shenhua yu guihua – Taiwan yuanzhumin shenhua gushi bijiao yanjiu [李福清. 神话与鬼话 – 台湾原住民神话故事比较研究 (增订本)]. Myths and ghosts' stories – comparative study of Taiwanese aborigines' mythological narrations (corrected edition), Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe, 2001, 410 p. (in Chin.)
- Чэнь Чжаофу.** Гудай яньхуа фасянь ши [陈兆复. 古代岩画]. Древняя наскальная живопись. Пекин: Вэньчжуньшэ, 2002. 248 с. (на кит. яз.)
Chen Zhaofu. Gudai yanhua faxian shi [陈兆复. 古代岩画], Ancient rock painting, Beijing, Wenwu chubanshe, 2002, 248 p. (in Chin.)
- Чэнь Чжаофу.** Чжунго яньхуа фасянь ши [陈兆复. 中国岩画发现史]. История открытия наскальной живописи в Китае. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. 437 с. (на кит. яз.)
Chen Zhaofu. Zhongguo yanhua faxian shi [陈兆复. 中国岩画发现史], A History of discovery of rock painting in China. Shanghai, Shanghai renmin chubanshe, 2008, 437 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
 Received
 21.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Комиссаров Сергей Александрович, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, sergai@mail.ru)

Sergey A. Komissarov, Cand. of Science (History), Associate Professor, senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Professor of the Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, sergai@mail.ru)

Черемисин Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, topsyu@bk.ru)

Dmitry V. Cheremisin, Candidate of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science (17 Acad. Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, topsyu@bk.ru)

УДК 94(3)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-38-45

Неурожаи в царствование фараона Сенусерта I

А. Е. Демидчик

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Упоминания о недородах и массовом голоде, появившиеся в древнеегипетской письменности в Первый переходный период, встречаются еще и в царствование Сенусерта I, считающееся временем расцвета монархии Среднего царства. Они сохранились во втором письме заупокойного жреца Хаканахта, в жизнеописаниях начальника жрецов Ментухотепа и номарха Амени, а возможно, также в «Рассказе Синухета» и на папирусе Райзнер I. Эти свидетельства позволяют утверждать, что в XXII–XX вв. до н. э. в южных и центральных районах Египта чаще обычного ощущалась острая нехватка продовольствия. Источники умалчивают о чрезвычайных мероприятиях по спасению голодающих со стороны центрального правительства. Однако одной из целей всеегипетского храмового каменного строительства Сенусерта I могло быть получение от богов благодатных для земледелия регулярных нильских разливов. Показательна особая забота монарха о культах богов истоков нильских наводнений. Есть основания считать, что в это царствование была составлена «Книга храма», связывающая утверждение обычая царской заботы о храмах по всему Египту с семью годами голода.

Ключевые слова

Древний Египет, Среднее царство, XII династия, Сенусерт I, нильское наводнение, голод

Для цитирования

Демидчик А. Е. Неурожаи в царствование фараона Сенусерта I // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 38–45. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-38-45

Crop Failures in the Reign of Senusert I

Arkadiy E. Demidchik

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Despite Senusert I's fame as a great pharaoh, there is evidence of disastrous crop failures during his reign: the second letter of Heqanakht, the tomb biographies of the nomarch Ameny and overseer of priests Mentuhotep; probably "The Story of Sinuhe", B 154–155, and some "year of death" in pReisner I. According to S. Hodjash and O. Berlev, the seven year famine which started in Year 24 made the king shift his heb-sed festival by one year. These data show that even under the greatest kings, Egyptians were allowed to publicly mention acute food shortages. Hence the absence of such mentions in the Old Kingdom and during dynasty XII after Senusert I's reign testifies

© А. Е. Демидчик, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

to relative prosperity, in comparison with which the crop failures of the XXII–XX centuries B. C. seemed enormously frequent and disastrous.

The sources do not mention any extraordinary measures aimed at supplying food to the hungry by Senusret I's central government. At the same time, however, he launched a large scale building program in almost all important temples, which is considered to have given him a reason to tighten control over the country. But could an objective of this program also be to persuade the gods to save Egypt from crop failures? In two compositions about the seven year famine, in the "Famine Stela" and the introduction to the "Book of the Temple", it is deficient Nile floods that are said to have forced kings to swiftly increase royal favors to temples. J. F. Quack considers dating the "Book of the Temple" to the Middle Kingdom. Could it be the reign of Senusret I, with its series of crop failures and large scale building program in temples? His inscription on Elephantine mentions a god's revelation to the king in a dream, which is also the key episode in the "Book of the Temple" and "Famine Stela".

Keywords

Ancient Egypt, Middle Kingdom, XIIth dynasty, Senusret I, inundation, Nile inundation, famine

For citation

Demidchik A. E. Crop failures in the reign of Senusret I. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 38–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-38-45

Длившееся четыре с половиной десятилетия царствование Сенусерта I (XX в. до н. э.), второго фараона XII династии, представлялось древним египтянам временем расцвета государственности и культуры. После полуторавековых бедствий и смут Первого переходного периода монархия вновь выглядела могущественной и незыблемой; каменное строительство было впервые развернуто не только в столице, но во всех крупных храмах страны; окончательно сложился письменный литературный язык и т. д. Придворные литераторы и чиновники славили Сенусерта I в сочинениях, считавшихся «классическими» следующую тысячу лет («Рассказ Синухета», и т. п.); его устроительная деятельность была образцом для первых правителей Нового царства; античные авторы пересказывали легенды о славном фараоне Сесострисе / Се-соосисе / Сесонхосисе, превзойти которого было дано лишь Александру Великому [Ладынин, 2017. С. 140–273].

Однако даже в это великолепное царствование – при его выдающейся продолжительности – случались неурожайные годы. А поскольку в исследованиях, посвященных Сенусерту I, эта тема пока не рассматривалась, ей посвящена предлагаемая статья.

Мне известны следующие письменные упоминания о недородах и неурожаях в царствование Сенусерта I.

1. Во втором письме из найденного в Дейр эль-Бахри «архива» заупокойного жреца Хеканахта говорится о слишком низком разливе Нила в Год 7 неназванного фараона, вероятнее всего – Сенусерта I [Allen, 2002. P. 127–141]. Из-за этого Хеканахт, служащий на юге Египта, в области Фив, приказывает уменьшить выдачи довольствия в своем домохозяйстве, расположенном где-то на севере, в районе Фаюма или Мемфиса [Allen, 2002. P. 121–124, 179–192]. При этом он объясняет домочадцам: «Смотрите, вся страна вымерла¹, но вы не голодны! Смотрите, (прежде чем) прибыть сюда на юг², я установил ваше довольствие наилучшим образом, но разве (нынешнее) наводнение достаточной высоты³?» [Allen, 2002. Pl. 30–31, col. 3–4]. В другом месте сказано: «Смотрите, здесь начали есть людей! Смотрите, нет никого, кому давалось бы такое (т. е. как у вас) довольствие!» [Allen, 2002. Pl. 30–31, col. 27–28].

¹ Дословно «мертва».

² Дословно «вверх по течению».

³ Дословно «очень велико», но см.: [Головина, 1995. С. 15–16; Allen, 2002. P. 35, 171, nt. 146].

Полтора веками раньше, в пору смут, о вызванном неурожаем людоедстве говорилось в кладбищенском жизнеописании номарха Анхтифи, правившего в III и II номах Верхнего Египта. В средние века о подобном рассказал арабский врач и летописец Абд-эль-Латиф [Коростовцев, 1976. С. 140]. Тем не менее, исследователи скептически относятся к данным утверждениям Хеканахта. Приказанное им уменьшение довольствия не столь уж значительно и не грозило домочадцам и работникам истощением. Из остальных документов архива понятно, что, перестроив ведение хозяйства (структуру земельной аренды, соотношение посеянных культур, распределение рабочей силы и т. д.), Хеканахт и его люди благополучно дождались обильного урожая следующего года. Утверждая, что «вся страна вымерла» и уже «едят людей», Хеканахт мог сильно сгущать краски из желания не показаться жестоким или жадным: дескать, даже после сокращения довольствия его домочадцы и работники будут гораздо благополучнее большинства соотечественников [Allen, 2002. P. 171, 181–182]. Кроме того, на юге, где служил Хеканахт, последствия недорода могли быть гораздо более тяжкими, нежели на севере, где предполагалось его домохозяйство [Goedicke, 1984. P. 13, 22–21] ⁴.

2. Служивший в Гермонтисе ⁵ «начальник жрецов» местного храма Ментухотеп в надписи на кладбищенской стеле похвалялся:

«Я – сын (бога зерна) Непери, муж (богини ткачества) Таит,
 которому (богиня молока) Сешат-Хор ниспосылала быков;
 владыка богатства в виде ценностей ⁶ всяких,
 родильное место (бога) Хнума ⁷, творящего людей.
 Случилось низкое половодье (в) 25-й год (царствования),
 (но) я не позволил, чтобы этот ном голодал,
 (ибо) я дал ему ячмень и эммер
 и не дал, чтобы случилось в нём разорение,
 до прихода достаточных наводнений» [Stewart, 1979. P. 20, nr. 86, pl. 18].

По единодушному теперь мнению специалистов, в надписи имеется ввиду 25-й год царствования Сенусерта I [Берлев, 1978. С. 96].

Говоря о продовольственной помощи «этому ному (*spAt*)», Ментухотеп не мог иметь в виду весь IV верхнеегипетский ном, центром которого была южная столица Египта Фивы. Вероятно, чтобы преувеличить размах своих благодеяний, он называет так сравнительно небольшой округ своего города Гермонтиса [Gomaa, 1986. S. 131–135]. Очевидно также, что ячмень, эммер и другую продовольственную помощь соседям Ментухотеп выдавал из фондов собственного хозяйства, процветание которого живописуется в первом четверостишии. Возможно, что эта помощь не была бескорыстной, но сопровождалось попаданием нуждающихся в личную зависимость от «благодетеля»: численность подвластных Ментухотепу работников росла столь быстро, как если бы бог Хнум «творил их для него специально. А так как всё его богатство связано исключительно с личными качествами... и от них только и зависело обилие людей в его доме, то позволительно было прибегнуть к метафоре, что он и есть «родильное место Хнума, творящего людей» [Берлев, 1978. С. 38] ⁸. Примечательно, что хоть в начале жизнеописания Ментухотеп похваляется своей близостью к государю, о получении его «номом» продовольственной помощи от монарха или центрального правительства в надписи не сказано.

3. В сильно разрушенной ведомости на папирусе Райзнер I, касающейся распределения и снабжения трудовых контингентов на царских строительных работах, У. К. Симпсону уда-

⁴ Ср. строки 87–88 эрмитажной рукописи «Поучения Мерикара».

⁵ Город в IV верхнеегипетском номе

⁶ [Берлев, 1978. С. 37].

⁷ [Берлев, 1978. С. 37–38].

⁸ Ср. со строками 2–9 жизнеописания Хекайба на стеле Британского музея № 1671; об этом см.: [Демидчик, 2017б. С. 183–184, 186–191].

лось разобрать меж лакун слова *m rnpt mwt* «в год смерти». По мнению Симпсона, речь может идти о массовой гибели населения в неурожайный год [Simpson, 1963. P. 50, 133, pl. 23 A; Allen, 2002. P. 171, nt. 147]⁹. Все датированные документы этого архива относятся к Году 24 и Году 25 неназванного царя, коим большинство специалистов считает Сенусерта I. В таком случае, отсутствие документов после Года 25 могло быть вызвано свертыванием царских строительных проектов из-за засухи, упомянутой на стеле Ментухотепа (см. выше) [Simpson, 1984. S. 164; Franke, 1988. S. 101].

4. В гробничном жизнеописании номарха XVI верхнеегипетской области Амени в Бени Хасане сказано:

«Случились годы голода,
тогда я распахал все пашни XVI нома до его южной и северной границ,
(чем) была поддержана жизнь его обитателей и создано его пропитание;
не было в нем голодающего,
(ибо) я давал (пропитание) вдове, равно как имеющей мужа,
и не отличал (человека) великого от малого во всем, розданном мной.
Затем настали наводнения высокие – владыки ячменя и эммера, владыки всех вещей,
но я не стал взysкивать недоимки с пахотных наделов» [Newberry, 1893. Pl. 8, lines 19–21].

Амени служил номархом с Года 18 по Год 43 Сеунсерта I, и, как заметил О. Д. Берлев, упомянутые «годы голода» могли начаться с низкого половодья в Год 24, о чем сообщает и начальник жрецов Ментухотеп (см. выше) [Берлев, 1978. С. 91; Simpson, 1984. S. 164; Franke, 1988. S. 101].

5. Бежавший из Египта герой «Рассказа Синухета» описывает свое процветание на чужбине как редкостную удачу по сравнению с участью других соотечественников-эмигрантов:

«Бежит (из Египта) очередной беглец, а обо мне – благоприятные свидетельства в столице.

Ползет (из Египта) ползуший от голода, а я даю хлеб постороннему.

Покидает человек свою страну из-за наготы, а я владею белым виссоном.

Бросает человек (свои дела) за неимением кого бы послать (вместо себя на царские работы), а я богат челядью» [Koch, 1990. P. 54–55 (B 154–155); Берлев, 1972. С. 99–100].

По мнению С. И. Ходжаш и О. Д. Берлева, Синухет указывает здесь на семь голодных лет в Египте с 24-го по 30-й год царствования Сенусерта I. Основанием для их догадки стал перенос очень значимого для фараонов праздника тридцатилетия царствования, называемого *хеп-сед*, на *тридцать первый* год правления Сенусерта I. [Hodjash, Berlev, 1997. P. 287, nt. 21; Anthes, 1929. S. 76–78, Gr. 49 (1), Tf. 31]. Поскольку при *хеп-седе* царь должен был приносить богам «символы... высокого разлива Нила и оплодотворенной им почвы», а «богатый урожай в год хеп-седа считался явным свидетельством крепости сил фараона и, так сказать, правомочия его на власть»¹⁰ празднование *хеп-седа* в голодные годы, действительно, было бы неуместным. Как мы видели, о нескольких подряд «годах голода» написал и номарх Амени (см. выше). При этом какие бы то ни было памятники, датированные Годом 26 и 27 Сенусерта I, науке не известны: возможно, ситуация в стране была катастрофической [Simpson, 1984. S. 164; Franke, 1988. S. 101]. Упоминания о семилетней засухе в Обейх землях сохранились в трех древнеегипетских сочинениях и даже в библейской Книге Бытия (гл. 41–47)¹¹.

Перечисленные свидетельства дают основания для, по меньшей мере, трех утверждений.

⁹ Слова «вся страна мертва» уже встречались нам в письме Хеканакта (см. выше).

¹⁰ [Матье, 1996. С. 120]. Применительно к хеп-седу Сенусерта I см. также: [Dohrman, 2005].

¹¹ С указанием необходимой литературы см.: [Демидчик, 2018].

1) Упоминания о неурожаях и массовом голоде появились в египетской письменности лишь в Первый переходный период (конец XXIII–XXI вв. до н. э.) и встречаются в это время чаще, чем в любую другую эпоху. Поэтому ученые долгое время полагали, что в Первый переходный период Египет то и дело переживал голодные лихолетья, вызванных низкими разливами Нила, разрушением ирригационных систем и прежних механизмов распределения продовольствия [Vandier, 1936]. Однако в последнюю четверть века стало модным утверждать, будто в Первый переходный период египтяне голодали не чаще обычного. Дескать, при сильной централизованной монархии (в Старом, Среднем и Новом царстве) упоминаний о голоде просто старались избегать, чтобы не повредить авторитету божественного государя. В Первый же переходный период, когда главы номов и областей уже не могли опираться на поддержку и авторитет монарха, им пришлось обосновывать право на власть ссылками на свою полезность подвластному населению. Одним из элементов такой пропагандисткой легитимации стали напоминания о царящем в Египте голоде, от которого, однако, местный правитель сумел избавить жителей своего нома или поселения¹².

Свидетельства, собранные в данной статье, говорят против данной гипотезы. Огромное могущество и высочайший авторитет Сенусерта I отнюдь не помешали включить в кладбищенские жизнеописания начальника жрецов Ментухотепа и номарха Амени упоминания о «низком половодье» и «годах голода» (см. выше). При этом Амени приводит в своей надписи полную титулатуру великого государя. Не побоялся упомянуть о массовом голоде и автор «Рассказа Синухета». Как видим, преклонение пред могущественным божественным монархом далеко не всегда удерживало египтян от публичных упоминаний о нехватке продовольствия в стране. Так что полное их отсутствие в письменности Старого царства, а затем во всё дальнейшее правление XII династии свидетельствует не только о почтении египтян к монархии, но и о сравнительном продовольственном благополучии. Тексты же Первого переходного периода и хронологически близкого к ним царствования Сенусерта I, напротив, нужно принять как доказательства более частого и острого, чем обычно, неблагополучия в продовольственной сфере в XXII–XX вв. до н. э.

2) Несмотря на высокую, по меркам древности, централизацию и бюрократизацию государственного управления в монархии Сенусерта I, источники умалчивают об экстренных действиях центрального правительства по спасению голодающего населения. Начальник жрецов Ментухотеп похвально, что спас от голодной смерти население своего «нома» зерновыми выдачами из собственного хозяйства. Номарх Амени, видимо, производил раздачу из запасов, образовавшихся после того, как он по собственной инициативе «распахал все пашни XVI нома до его южной и северной границ»; кроме того, он предоставил земледельцам, отсрочку по недоимкам. Заупокойный жрец Хеканахт, похоже, не обращался к властям за продовольственной помощью, самостоятельно преодолев последствия недорода. Все это не похоже на предание о спасении египтян царской администрацией в «семь лет голода» в Книге Бытия (гл. 41–47).

Вместе с тем, проводившаяся при Сенусерте I централизация и бюрократизация, военные походы и масштабные стройки, вероятно, вели к росту числа лиц, получавших гарантированное пропитание от государства и тем самым избавленных от крайнего истощения и голодной смерти.

3) Приведенные упоминания голодных лет можно сопоставить с тем фактом, что Сенусерт I предпринял небывало масштабное каменное строительство во всех крупных храмах страны¹³. Египтологи единодушно объясняют это его желанием упрочить присутствие и влияние цар-

¹² Основополагающими для данной гипотезы стали труды Х.-К. Морено-Гарсии.

¹³ До этого царствования провинциальные святилища богов, не связанные неразрывно с культом царя, обычно возводились из кирпича-сырца и, вероятно, почти без участия царской власти.

ской власти в номах. Но допустимо также предположить, что столь дорогостоящие дары местным богам делались Сенусертом I еще и для того, чтобы последние регулярно даровали номам благодатные наводнения. Ведь, скажем, в тридцатилетнее царствование его отца, Аменемхата I, когда урожайность полей была, по-видимому, стабильно высока¹⁴, столь крупные стройки в «провинциальных» храмах не предпринимались.

Примечательна особая забота Сенусерта I о культах Сатет, Анукет и Хнума – богов истоков верхнеегипетского половодья на о. Элефантина [Hirsch, 2004. S. 28–33, 66]¹⁵. Храм Сатет, хоть в нем уже имелись каменные блоки, был заново отстроен из известняка, о чем сообщается и в «Гелиопольских анналах Сенусерта I», перечисляющих его подарки богам. Причем в сохранившемся тексте «Анналов» из всех «провинциальных» культов лишь богам элевантинским дарован целый «храм... из камня»¹⁶. Археологические находки, равно как и записи «Анналов», свидетельствуют, что храм был богато снабжен жертвенниками, статуями¹⁷, стелами [Habachi, 1975. S. 27–31; Hirsch, 2004. S. 28–34, 187–199]; там же найдены фрагменты длинных надписей Сенусерта I [Schenkel, 1975; Hirsch, 2004. S. 30, 31, 34, 187–189, Dok. 47 a, 192, Dok. 47 k]. С этого же царствования изобразительно и археологически засвидетельствован на Элефантине праздник нильского наводнения [Kaiser et al., 1987. S. 85–88, Tf. 8; Kaiser et al., 1997. S. 147, 154–157; Hirsch, 2004. S. 31].

Весьма вероятно, что большой «Гимн Нильскому половодью (*Hapi*)» был сочинен в царствование Сенусерта I¹⁸. В «Гелиопольских анналах» сказано об изготовлении статуи персонифицировавшего нильские половодья бога Хапи и «о плавании (царя?) вверх по течению к Элефантине, чтобы дать жертвенные подставки богам Верхнего Египта» [Daressy, 1903. P. 101–103]. Обращения с мольбами о благодатных нильских разливах к богам многих номов могут объясняться тем, что страдавшая от недородов и неурожаев территория бывала очень велика. Если в письменных источниках Первого переходного периода нехватка продовольствия отмечалась, главным образом, на юге Египта, то номарх Амени сообщает о низких разливах и в центральных областях – в XVI верхнеегипетском номе¹⁹. О благодатных нильских разливах говорится в разрушенной надписи Сенусерта I на храмовой стене в Тоде в IV верхнеегипетском номе (строки 61–62) [Barbotin, Clère, 1992; Franke, 1988. S. 101].

Примечательно, наконец, что древнеегипетские предания о семилетних неурожаях, будь то «Стела голода» или «Книга храма», утверждают, будто бедствие прекратилось после щедрых даров фараонов богам. В «Книге храма» при этом подчеркивается, что царю пришлось обустроить храмы по всей стране. Й. Квак допускает, что «Книга храма» была создана в Среднем царстве²⁰. Не следует ли в таком случае датировать её царствованием Сенусерта I, монар-

¹⁴ Примечательно отсутствие следов строительной деятельности Аменемхата I на Элефантине [Hirsch, 2004. S. 24]; о религиозном значении Элефантинны см.: [Демидчик, 2017а; 2018]. Если при Аменемхате I и случались серьезные недороды, вероятно, они пришлись на начало его царствования; в целом же, см. [Androm, 2005. S. 63–65a].

¹⁵ По египетским представлениям об истоках нильского половодья см.: [Демидчик, 2017а; 2018].

¹⁶ Вслед за этим, правда, говорится и о «воздвижении храма для Хора (местности) Та-Сети во втором верхнеегипетском номе [...]», но из-за следующей за этим лакуны нельзя сказать, имелось ли там добавление «из камня» [Daressy, 1903. P. 101–103].

¹⁷ На одной из них богиня Анукет названа «владычицей Верхнего Египта» [Habachi, 1975. Tf. 13 a; Hirsch, 2004. S. 34, 98, Dok. 58].

¹⁸ Датировка и авторство «Гимна Нилу» – предмет давних споров, см.: [Barbotin, Clère, 1992. P. 27–28, nt. 158, 159, 162; Franke, 1996. P. 290, nt. 45].

¹⁹ О нарушениях нормального режима половодий говорится и в ханубских граффити в XV верхнеегипетском номе. Датировка этих надписей, однако, спорна.

²⁰ С указанием необходимой литературы см.: [Демидчик, 2018].

хия которого прошла через череду засушливых лет и впервые придала каменному храмовому строительству всеегипетский размах ²¹?

На «Стеле голода» и в «Книге храма» приказание заботиться о храмах ради избавления от неурожая египетские цари получали от богов, являвшихся им в сновидениях. О некоем сновидении, побудившем Сенусерта I заново отстроить храм богини Сатет на Элефантине, говорилось, видимо, и в его надписи в этом храме [Schenkel, 1975; Hirsch, 2004. S. 34, 192, Dok. 47 k].

Список литературы / References

- Берлев О. Д.** Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1972. 364 с.
Berlev O. D. Trudovoe naselenie Egipta epokhi Srednego tsarstva [The Working Population of Egypt in the Middle Kingdom], Moscow, Nauka, 1972, 366 p. (in Russ.)
- Берлев О. Д.** Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства: Социальный слой «царских Hmww». М.: Наука, 1978. 366 с.
Berlev O. D. Obshestvennyye otnosheniya v Egipte epokhi Srednego tsarstva [The Social Relations in Egypt in the Middle Kingdom], Moscow, Nauka, 1978, 366 p. (in Russ.)
- Головина В. А. Q В:** земельная аренда в Египте раннего Среднего царства // Вестн. древней истории. 1995. № 2. С. 4–27.
Golovina V. A. Q B: zemelnaya аренда v Egipte rannego Srednego tsarstva [Q B: A Special Type of the Lease of Land in Egypt of the Early Middle Kingdom] // *Vestn. drevnei istorii*, 1995, № 2, p. 4–27. (in Russ.)
- Демидчик А. Е.** О начале каменного зодчества в древнеегипетских провинциальных храмах богов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 10: Востоковедение. С. 9–15.
Demidchik A. E. O nachale chramovogo zodchestva v drevneegipetskikh provintsial'nykh khramakh bogov [On the Beginning of Monumental Stone Building in Ancient Egyptian Gods' Provincial Sanctuaries] // *Vestnik of NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16: Oriental Studies, № 10, p. 9–15. (in Russ.)
- Демидчик А. Е.** Древнеегипетский нувориш Хекаиб: надпись на стеле Британского музея № 1671 // *Universum Humanitarium*. 2017. № 1. С. 180–195.
Demidchik A. E. Drevneegipetskii nouveau riche Khekaib [The Ancient Egyptian Nouveau Riche Heqaib] // *Universum Humanitarium*, 2017, № 1, p. 180–195. (in Russ.)
- Демидчик А. Е.** Нижнеегипетский вариант сказания «Стелы голода»? // *Aegyptiaca Rossica*: сб. ст М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2018. (Вып. 6). С. 105–112.
Demidchik A. E. Nizhneegipetskii variant skazaniya "Stely goloda"? [A Northern Version of the "Famine Stela" Narrative?] // *Aegyptiaca Rossica*, 2018, iss. 6, p. 105–112. (in Russ.)
- Коростовцев М. А.** Религия древнего Египта. М.: ГРВЛ, 1976. 336 с.
Korostovtsev M. A. Religiya drevnego Egipta [The Religion of Ancient Egypt]. Moscow, Vost. lit., 1976, 336 p. (in Russ.)
- Ладынин И. А.** «Снова правит Египет!». СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 332 с.
Ladynin I. A. "Snova pravit Egipet!" ["Egypt Rules again!"]. St-Petersburg, RCHGA, 2017, 332 p. (in Russ.)
- Матъе М. Э.** Хеб-сед (Из истории древнеегипетской религии) // Матъе М. Э. Избр. тр. по мифологии и идеологии древнего Египта. М.: Вост. лит., 1996. С. 106–134.
Mat'e M. E. Kheb-sed (Iz istorii drevneegipetskoi religii) [Heb-sed. From the History of Ancient Egyptian Religion] // *Mat'e M. E. Izbrznye Trudy po mifologii i ideologii drevnego Egipta*. Moscow, Vost. lit., 1996, p. 106–134. (in Russ.)
- Allen T. J.** The Heqanakht Papyri. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2002. 297 p., 57 pl.
- Androm F.** Die Lehre des Amenemhet. Turnhout: Brepols Publishers, 2006. 99 S.
- Anthes R.** Die Felseninschriften von Hatnub nach den Aufnahmen G. Möllers. Leipzig: Hinrichs, 1928. 120 S., 33 Tf.
- Barbotin Chr., Clère J.-J.** L'Inscription de Sésostris Ier à Tôd // *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 1992. T. 91. P. 1–33. Pl. 1–31.

²¹ Заметим, что и спустя почти два тысячелетия устройство храмов в каждом городе Диодор Сицилийский приписывал Сесострису (Diod. I. 56).

- Daressy G.** Inscriptions hiéroglyphiques trouvées dans le Caire // *Annales du Service des antiquities de l'Égypte*. 1903. T. 4. P. 101–109.
- Dohrmann K.** Das Sedfest-Ritual Sesostris' I. – Kontext und Semantik des Dekorationsprogramms der Lischer Sitzstatuen // *L'Acqua nell'antico Egitto. Vita, rigenerazione, incantesimo, medicamento*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2005. P. 299–308.
- Franke D.** William Kelli Simpson, Personnel Accounts of the Early Twelfth Dynasty: Papyrus Reisner IV.... Boston, 1986 // *Bibliotheca Orientalis*. 1988. Bd. 45. S. 98–102.
- Franke D.** Sesostris I., “König der beiden Länder” und Demiurg in Elephantine // *Studies in Honor of W. K. Simpson / Ed. by P. der Manuelian*. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. Vol. I. P. 275–295.
- Goedicke H.** *Studies in the Hekanakhte Papers*. Baltimore: Halgo, Inc.: 1984. 132 p., 15 pl.
- Gomaà F.** Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986. Bd. I. 464 S.
- Habachi L.** Building Activities of Sesostris I in the Area to the South of Thebes // *MDAIK*. 1975. Bd. 31/1. S. 27–37
- Hirsch E.** *Kultpolitik und Tempelbauprogramme der 12. Dynastie*. Berlin: Achet Verlag; Dr. Norbert Dürring Verlag, 2004. 438 S., 8 Karten, 18 Tf.
- Hodjash S., Berlev O.** An Early Dynasty XII Offering Service from Meir // *Warsaw Egyptological Studies I*. Warsaw: National Museum in Warsaw; “Pro-Egypt”, 1997. P. 283–290, pl. LIV–LVI.
- Kaiser W., Dreyer G., Jaritz H., et al.** Stadt und Tempel von Elephantine. 13/14 Grabungsbericht // *MDAIK*. 1987. Bd. 43. S. 75–114, Tf. 6–17.
- Kaiser W., Andraschko F., Bommas M., et. al.** Stadt und Tempel von Elephantine. 23./24. Grabungsbericht // *MDAIK*. 1997. Bd. 53. S. 118–193, Tf. 14–29.
- Koch R.** Die Erzählung des Sinuhe. Buxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1990. 81 double S.
- Newberry P. E.** Beni Hasan. Pt. 1. L.: Egypt Exploration Fund, [1894]. 88 p., 47 pl.
- Schenkel W.** Die Bauinschrift Sesostris' I. im Satet-Tempel von Elephantine // *MDAIK*. 1975. Bd. 31. S. 109–125, Tf. 33–39.
- Simpson W. K.** Papyrus Reisner I: The Records of a Building Project in the Reign of Sesostris I. Boston: Museum of Fine Arts, 1963. 142 pp., 31 pl., frontispiece, 1 diagram.
- Simpson W. K.** The Steward Iey's son Anhurhotpe in Vienna (Stela Inv. 90) and the Reisner Papyri // *Studien zur altägyptischen Kultur*. 1984. Bd. 11. S. 157–164.
- Stewart H. M.** *Egyptian Stelae, Reliefs and Paintings from the Petrie Collection*. Warminster: Aris & Phillips, 1979. Pt. 2. 45 p., 41 pl.
- Vandier J.** La famine dans l'Égypte ancienne. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1936. XV, 176 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

30.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Демидчик Аркадий Евгеньевич, д-р ист. наук, доц., проф. каф. теории, истории культуры и музеологии ИИГСО (Института истории, гуманитарного и социального образования) НГПУ (ул. Вилюйская 28, 630126, Новосибирск, Россия, a-demidchik@yandex.ru)

Arkadiy E. Demidchik, doctor of history, associate professor, professor of the chair of theory, history of culture and museology, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., 630126, Novosibirsk, Russian Federation, a-demidchik@yandex.ru)

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

УДК 94(510).02(+399)930.23
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-46-55

Тоумань уходит на север: критический анализ сообщения «Ши цзи»

А. А. Ковалев

*Институт археологии РАН
Москва, Россия*

Аннотация

В работе проведен критический разбор сообщения «Ши цзи» (цзюань 110), содержащего первое упоминание шаньюя сюнну Тоуманя – отца Маодуня, создателя империи сюнну: “当是之时，东胡强而月氏盛。匈奴单于曰头曼，头曼不胜秦，北徙” («В это время дунху усилились, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюй сюнну звался Тоумань, Тоумань не преодолел [в боевых действиях династию] Цинь, ушел на север»). В научной литературе существуют различные интерпретации этого отрывка, в частности, дискуссионным остается вопрос о датировке ухода Тоуманя «на север» после столкновения с Цинь. На основе исследования контекста этого сообщения автор приходит к выводу, что перенос ставки Тоуманя должен быть отнесен ко времени правления династии Цинь, однако в тексте цзюани 110 не содержится информации, позволяющей более точно датировать это событие. Сообщение также не дает оснований для оценки характера столкновения сюнну и Цинь, послужившего причиной миграции сюнну. Это не исключает возможность рассматривать в качестве корреспондирующего сообщения запись цзюани 6 «Ши цзи» за 33-й год правления Цинь Ши-хуана (214 г. до н.э.): “西北斥逐匈奴” («...На северо-западе вытеснили и прогнали сюнну»).

Ключевые слова

Сюнну, династия Цинь, Тоумань, Мэн Тянь, «Ши цзи», «Хань шу», «Ян те лунь»

Для цитирования

Ковалев А. А. Тоумань уходит на север: критический анализ сообщения «Ши Цзи» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 46–55. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-46-55

Touman Shanyu Retreats North: A Critical Analysis of One of the «Shi Ji» Records

Aleksey A. Kovalev

*Institute of Archaeology RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

A critical analysis was conducted regarding of the record in "Shi ji" (juan 110), containing the first mention of Xiongnu leader Touman shanyu, father of Maodun, and creator of the Xiongnu empire: “当是之时，东胡强而月氏盛。匈奴单于曰头曼，头曼不胜秦，北徙”. In scholarly works various interpretations of this passage are given, in particular, the

© А. А. Ковалев, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

question of the dating of the departure of Touman "to the north" after the conflict with Qin, which remains debatable. Based on this study of the context of the "Shi Ji" record, and numerous examples of persistent combinations of individual characters in Han written sources, the author concludes that the transfer of Touman headquarters should be attributed to the time of the Qin Dynasty. Unfortunately the juan 110 text does not contain information which would allow for more accurate dating of this event. Therefore, it is unlikely that the passage in question would belong to a period earlier than the unification of China under Qin rule, as described directly in the text with the use of the character 后. The author also argues that the phrase 十余年而 "more than ten years has passed ..." used later in the text as a characteristic of the moment of the invasion of Xiongnu in the Qin controlled part of Ordos, is of a formulaic nature and does not carry arithmetic meanings. In the Han time works "Shi Ji", "Han shu" and "Yan te lun," the formulation 十(有)余年 ("more than ten years") was used as a symbolic meaning of the Qin dynasty period. The sentence 头曼不胜秦, 北徙 also does not give grounds for assessing the nature of the clash between Xiongnu and Qin, which caused the migration of Xiongnu. This does not preclude the possibility of considering the entry of juan 6 of "Shi ji" referring to the 33rd year of the reign of Qin Shih Huang (214 BC): "西北 斥逐 匈奴" ("In the north-west ousted and drove away Xiongnu").

Keywords

Xiongnu, Qin dynasty, Touman *shanyu*, Meng Tian, "Shi Ji", "Han shu", "Yan tie lun"

For citation

Kovalev A. A. Touman Shanyu Retreats North: a critical analysis of one of the "Shi Ji" records. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 46–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-46-55

В цзюани 110 «Ши цзи» «Сюнну лечжуань» («Жизнеописание сюнну») приведено сообщение, служащее началом рассказа о возвышении этого народа и образовании им кочевой империи.

“当是之时，东胡强而月氏盛。匈奴单于曰头曼，头曼不胜秦，北徙” [Ши цзи, 1996. С. 2887; см. Сыма Цянь, 2002. С. 327]

«В это время дунху усилились, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюй сюнну звался Тоумань, Тоумань не преодолел [в боевых действиях династию] Цинь, ушел на север».

В литературе существуют значительные расхождения как в переводе этого текста, так и в датировке описанных в нем событий. Вместе с тем, это сообщение имеет ключевой характер для реконструкции ранней истории сюнну, поскольку здесь мы сталкиваемся с первым упоминанием отца Маодуня – Тоуманя, а кроме того, с косвенным указанием на место расселения этого «варварского» народа, место и время его столкновения с Цинь. Необходимо провести детальный критический анализ данного отрывка (ранее вопрос о месте и времени исхода орды Маодуня был затронуты автором [Ковалев 2002; 2002а]).

Часто цитируемый перевод В.С.Таскина гласит: «Тоумань, оказавшись не в силах победить [царство] Цинь, переселился на север.» [Таскин, 1968. С.37]. Тем самым Тоумань представлен как захватчик, пытавшийся напасть на Цинь, причем еще до образования империи Ши-хуана, то есть до 221 года до н.э. (об этом свидетельствует вставка слова «царство»). Перевод Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца дает: «Будучи не в силах одолеть Цинь, он перебрался на север»; из комментария следует, что под словом «Цинь» должна пониматься империя Цинь после объединения Китая [Сыма Цянь, 2002. С. 327, 444]. Л. А. Боровкова также переводит: «Тоумань, не одолев Цинь, переселился на север», – имея в виду империю Цинь [Боровкова, 2001. С. 42].

Иероглиф 胜 в данном контексте означает победу, превосходство [Гу хань ю да цыдянь, 2001. С. 1802], а с отрицательной частицей 不 – проигрыш в боевых действиях либо невозможность противостоять врагу. Информации о характере противостояния противников само по себе это сочетание не несет. Так, например: 秦、赵战于长平，赵不胜，亡一都尉。赵王召楼昌与虞

卿曰：“军战不胜，尉复死。。。» [Ши цзи, 1996. С. 2371] («Армии Цинь и Чжао сражались под Чанпином, войска Чжао успеха не имели, потеряли в бою одного *дುವэя*. Чжаоский *ван* призвал к себе Лоу Чана и Юй Цина и сказал: «Наши войска в боях успеха не имели...» [Сыма Цянь, 1996. С. 190]). Еще один оттенок смысла этого сочетания показывает его употребление в цзюани 6 «Ши цзи»: «始皇推终始五德之传，以为周得火德，秦代周德，从所不胜。» [Ши цзи, 1996. С. 237] («Ши-хуан, опираясь на учение о круговой смене пяти добродетельных сил [стихий], считал, что дом Чжоу имел поддержку стихии огня, а дом Цинь, сменив дом Чжоу, обладает поддержкой стихии, которой прежняя не в силах противостоять» [Сыма Цянь, 1975. С. 63]). Таким образом, рассматриваемый отрывок не дает оснований утверждать, что Тоумань изначально стремился «победить» или «одолееть» Цинь, с таким же успехом его народ мог подвергнуться циньской агрессии и уйти на север, не в силах ей сопротивляться.

Возможность датировать отход шаньюя Тоуманя от границ Цинь, казалось бы, дает сообщение, идущее следом за рассматриваемой фразой в тексте цзюани 110: “十余年而蒙恬死，诸侯畔秦，中国扰乱。。。” [Ши цзи, 1996. С. 2887] («Минуло более десяти лет, Мэн Тянь умер, *чжухоу* восстали против Цинь, в Срединном государстве воцарилась смута...» [Таскин, 1968. С. 38]). Однако сделать это, как выясняется, непросто.

Такигава Камэтаро, как сообщается в его комментарии «Кайчу» («Каочжэн»), понимал выражение «более десяти лет» как обозначение периода правления династии Цинь: «с момента, когда Ши-хуан объединил Поднебесную, до восстания Чэн Шэ» [Ши цзи хуй чжэн, 1986. С. 1790], не выразив, правда, своего мнения по поводу связи этой фразы с предложением о действиях *шаньюя* Тоуманя. В. С. Таскин, опираясь, по-видимому, на приводимое им мнение Такигавы [Таскин, 1968. С. 126, прим. 85], решил, что сообщение об уходе Тоуманя относится ко времени, предшествующему «более чем десяти годам» правления династии Цинь, потому и ввел в перевод слово «[царство]», отсутствующее в оригинале. Однако в этом случае сообщение о Тоумане оказывается отступлением в прошлое относительно предшествующего повествования: ведь в предыдущем отрезке повествуется о деяниях династии Цинь, после чего в текст включена формула 当是之时 «в это время». Подразумевается ли под «этим временем» в том числе период более древний, чем правление династии Цинь?

Для Л. А. Боровковой уход Тоуманя вместе со своим народом от границ Цинь мог произойти только в результате похода Мэн Тяня 215 года до н.э. [Ши цзи, 1996. С. 252, см. Сыма Цянь, 1975. С. 75], поэтому она отсчитывает реальные «десять с лишним лет» от даты этого похода, упомянутого «Повествованием о *сюнну*» как раз перед фразой о Тоумане [Боровкова, 2001. С. 42–43]. Получив для последующего «возвращения *сюнну*» в Ордос примерно 205–204 годы (то есть гораздо позже восстания *чжухоу* и уж тем более смерти Мэн Тяня), Л. А. Боровкова делает вывод, что далее вплоть до продолжения рассказа о *сюнну* (до слов 于是匈奴得宽... «Благодаря этому *сюнну* почувствовали свободу...» [Таскин, 1968. С. 38]) в источнике речь идет не о том, что случилось через десять лет, а о событиях, произошедших «в течение» десяти с лишним лет. Однако помещенный после слов 十余年 «десять с лишним лет» иероглиф 而 «эр» в данном контексте можно понимать только лишь как послелог в значении «по прошествии». В качестве примеров можно привести формульные фразы из «Ши цзи»: “孝文王生五十三年而立。庄襄王生三十二年而立。” [Ши цзи, 1996. С. 290] («Сяо-вэнь ван вступил на престол по прошествии 53 лет от рождения. Чжуан-сян ван вступил на престол по прошествии тридцати двух лет от рождения.»), или то же без обозначения события для отсчета времени: “秦王政立二十六年，初并天下为三十六郡，号为始皇帝。始皇帝五十一年而崩。。。” [Ши цзи, 1996. С. 220] («Циньский *ван* Чжэн правил двадцать шесть лет, впервые объединил Поднебесную, образовал 36 округов, принял титул Ши-хуанди. Ши-хуанди скончался по прошествии пятидесяти одного года [от рождения]»).

Авторы комментария к полному русскоязычному изданию «Ши цзи» выбрали другой путь: связав начало срока в «десять с лишним лет» с уходом Тоуманя на север, для его датировки они ведут обратный отсчет от времени падения династии Цинь [Сыма Цянь, 2002. С. 444]. Поскольку «крупные восстания против Цинь начались в 209 году», они относят перемещение орды Тоуманя к 220-219 годам до н.э. Однако можно ли считать, что «десять с лишним лет» Сыма Цянь отсчитывал именно от даты перехода Тоуманя на север? Ведь до сообщения о действиях *шаньюя* в источнике идет речь и о других событиях, которые могли быть хронологическим ориентиром для автора.

Итак, рассматриваемое сообщение может стать основой для вывода о времени ухода Тоуманя на север при условии решения нескольких текстологических вопросов. Во-первых, имеет ли выражение 十余年而 («по истечении десяти с лишним лет») буквальное значение, или это всего лишь формула для обозначения периода правления династии Цинь? Если «десять с лишним лет» – реальный срок, то какое событие было принято в качестве его начала? И, наконец, могла ли формула 当是之时 («в это время») характеризовать период более ранний, чем события эпохи Цинь, изложенные в предыдущем отрезке?

Как видим, повествование в предшествующей части цзюани 110 разворачивается в хронологическом порядке. Для обозначения последовательности событий чаще всего используется иероглиф 后 «ху» («впоследствии», «позже (на ... лет)»). В нашем случае слова 十余年而 («по истечении десяти с лишним лет») поставлены после предложения, начинающегося словами 当是之时 («в это время»), а перед этим мы видим последний иероглиф 后 во фразе “后秦灭六国。。。” («Впоследствии Цинь уничтожило шесть государств...»):

«后秦灭六国，而始皇帝使蒙恬将十万之众北击胡，悉收河南地。因河为塞，筑四十四县城临河，徙适戍以充之。而通直道，自九原至云阳，因边山险燎溪谷可缮者治之，起临洮至辽东万余里。又度河据阳山北假中。

当是之时，东胡强而月氏盛。匈奴单于曰头曼，头曼不胜秦，北徙。十余年而蒙恬死，诸侯畔秦，中国扰乱，诸秦所徙适戍边者皆复去，于是匈奴得宽，复稍度河南与中国界于故塞。」 [Ши цзи, 1996. С. 2888]

Фраза «в это время» встречается в предшествующем повествовании несколько раз: вначале речь идет о том, что 当是之时 «в это время» циньский Сян-гун пошел войной на *жунов*, угрожавших *чжоускому вану*, и был возведен за это в ранг *чжухоу*, затем слова 当是之时 «в это время» уточняют момент, когда Ци и Цинь стали гегемонами в Поднебесной, и, наконец, фраза 之当是时 «в это время» использована, чтобы охарактеризовать период, когда из семи государств эпохи Чжаньго три граничили с «*сюнну*» [Ши цзи, 1996. С. 2881–2887; см. Таскин, 1968. С. 35–37]. Ни разу выражение «в это время» не может быть отнесено к периоду, предшествующему событиям, время которых уточняется иероглифом 后. Так, в последнем случае указание на три государства, «граничившие с *сюнну*», относится к периоду, когда в результате упомянутых в предшествующем тексте завоеваний Цинь, Чжао и Янь эти три государства отодвинули свои границы на север, вплоть до земель *сюнну*. Здесь слова «в это время» также обозначают период, начинающийся с последнего предшествующего иероглифа 后, употребленного для уточнения времени действий Цинь Кая, завоевавшего для царства Янь земли *дунху*. «于是秦有陇西、北地、上郡，筑长城以拒胡。而赵武灵王。。。北破林胡、楼烦。筑长城，自代并阴山下，至高阙为塞。而置云中、鴈门、代郡。其后燕有贤将秦开。。。东胡却千余里。。。燕亦筑长城，自造阳至襄平。置上谷、渔阳、右北平、辽西、辽东郡以拒胡。之当是时，冠带战国七，而三国边于匈奴。」 [Ши цзи, 1996. С. 2885-2886].

Исходя из этого, маловероятно, чтобы слова 当是之时，东胡强而月氏盛 («В это время *дунху* были сильны, а *юэчжи* процветали»), поставленные перед сообщением об отступлении *шаньюя* Тоуманя «на север», как и само сообщение о действиях Тоуманя, относились бы

к периоду более раннему, чем объединение Поднебесной под властью династии Цинь; ведь, как уже говорилось, последний иероглиф 后 перед этими словами мы видим во фразе “后秦灭六国。。” (“Впоследствии Цинь уничтожило шесть государств...»). С этой точки зрения, последующие слова 十余年而 («по истечении десяти с лишним лет») во всяком случае, должны обозначать период, начинающийся во время правления династии Цинь (221-207 годы до н.э.). Однако стоит ли искать начальную точку отсчета этого периода? Если фраза о «десяти с лишним годах» всего лишь формула для обозначения периода правления династии Цинь, как предположил Такигава, то слова 十余年而 не имеют никакого арифметического смысла и указывают только на то, что последующие события происходили, начиная со времени упадка империи Цинь Ши-хуана.

Контекст применения фразы о «десяти с лишним годах» при изложении событий правления династии Цинь в ханьских источниках свидетельствует о формульном характере выражения 十余年而. В частности, выражение «десять с лишним лет» использовано для характеристики продолжительности всего периода правления династии Цинь в «Хань шу», в предисловии к помесечной таблице «И шэн чжухоу ван бяо» (цзюань 13).

“秦既称帝，患周之败，以为起于处士横议，诸侯力争，四夷交侵，以弱见夺。于是削去五等，堕城销刃，箝语烧书，内锄雄俊，外攘胡、粤，有一威权，为万世安。然十余年间，猛敌横发乎不虞，適戍疆于五伯，闾阎逼于戎狄，响应于谤议，奋臂威于甲兵”。 [Хань шу, 1997. С. 365]

«С тех пор как [ван] Цинь объявил [себя] императором, он опасался [что его постигнет] упадок [постигший династию] Чжоу, что будет так, что «неслужащие ученые» станут препираться, *чжухоу* – упорно конкурировать, «четыре и» (варвары четырех сторон света. – А. К.) – вторгаться [в пределы Срединного государства], и слабые получают власть. Чтобы не допустить этого, [он] отменил пять рангов [знатности], разрушил крепости, переплавил лезвия (заостренное оружие. – А. К.), «выдернул языки», сжег книги, внутри [границ] искоренил мужественных и выдающихся, снаружи [границ] вытеснил *ху* и *юэ*, использовал объединенные величие и власть, чтобы на десять тысяч поколений [воцарилось] спокойствие. Однако на протяжении десяти с лишним лет контратаки на яростных врагов велись бессистемно, сосланные для защиты границ возвеличились до «пяти гегемонов», деревенские околицы и проулки заполонили *жунди*, [произнесенные] звуки отзывались эхом клеветнических докладов, поднимающих [в отчаяньи] голые руки подавляли закованные в латы солдаты».

Выражение «десять с лишним лет» применительно к событиям циньского времени в иных контекстах сочинений эпохи Хань представляется скорее данью традиции, чем буквальным указанием на продолжительность соответствующего временного отрезка. Первый раз слова 十有余年 «десять с лишним лет» применительно к событиям циньского периода были использованы, если верить Сыма Цяню («Ши цзи», цзюань 87 «Ли Сы лечжуань»), в тексте подложного письма, отосланного в мае-июне 210 года до н.э. якобы от имени Цинь Ши-хуана его старшему сыну Фу Су:

“今扶苏与将军蒙恬将师数十万以屯边，十有余年矣，不能进而前，士卒多耗，无尺寸之功。。” [Ши цзи, 1996. С. 2551].

«Сегодня Фу Су и *цзянцзюнь* Мэн Тянь командуют войсками [численностью] в несколько сот тысяч [воинов], расквартированными на границе, прошло более десяти лет, [но они] не смогли продвинуться вперед, понесли большие потери солдат и командного состава, отсутствует самый малый успех...» [Сыма Цянь, 2002. С. 57]

Указание в 210 году до н. э. на «десять с лишним лет» пребывания Фу Су и Мэн Тяня на северных границах выглядит странным: ведь о победоносных походах Мэн Тяня на север против «ху» впервые говорится в сообщении за 215 год до н.э., а Фу Су был назначен инспектировать

деятельность Мэн Тяня лишь в 212 году до н.э. [Ши цзи, 1996. С. 252, 258; см. Сыма Цянь, 1975. С. 75, 81].

Тем не менее, теми же словами Сыма Цянь говорит о времени пребывания Мэн Тяня на северных границах в биографии полководца (цз. 88 «Мэн Тянь лечжуань»)

“秦已并天下，乃使蒙恬将三十万众北逐戎狄，收河南。筑长城，因地形，用制险塞，起临洮，至辽东，延袤万余里。于是渡河，据阳山，逶蛇而北。暴师于外十余年，居上郡。是时蒙恬威振匈奴。” [Ши цзи, 1996. С. 2565-2566].

«Объединив Поднебесную, Цинь направила Мэн Тяня во главе трехсот тысяч воинов изгнать *жунди*, отобрать Хэ-нань. [Мэн Тянь] построил длинную стену, следуя характеру местности, применил [образцовый] порядок [управления], сделал неприступной пограничную линию, от Линьтао до Ляодуна, протянувшуюся более чем на десять тысяч ли. Затем [он] переправился через [Хуан]хэ, занял [горы] Иньшань, [колонны его войск] продвигались на север, извиваясь, как змеи. Проводя военные операции за пределами [государства] в течение более чем десяти лет, [он] имел резиденцию в Шанцзюне. В это время мощь Мэн Тяня потрясала *сюнну*».

Для целей нашего исследования необходимо остановиться на разночтениях при переводе фразы о «десяти с лишним годах»: “暴师于外十余年，居上郡”. В переводе Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца эта фраза выглядит как итог всей военной карьеры полководца: «Проведя в походах у границ свыше десяти лет, [Мэн Тянь] обосновался в области Шанцзюнь» [Сыма Цянь, 2002. С. 72–73]. Такая трактовка представляется неверной. Какие бы то ни было грамматические указания на последовательность событий отсутствуют: иероглиф 居 означает, что Мэн Тянь «проживал», «находился» в Шанцзюне, но никак не может пониматься в смысле «[после этого] попал» в Шанцзюнь [Гу хань ю да цыдянь, 2001. С. 1313–1314]. Речь идет о том, что войска Мэн Тяня воевали на границах государства более десяти лет, а его резиденция находилась при этом в округе Шанцзюнь. Так переводят Де Грот: «...er liess seine Heeresmacht draussen mehr als zehn Jahre lang gewaltsam hausen, indem er selbst sich in der mark Shang aufhielt...» [De Groot, 1921. S. 44] и Д. Боддэ: «He camped his soldiers along the outer (borders) for more than ten years, staying at the commandery of Shang...» [Bodde, 1940. P. 54]. Исторический контекст также не допускает иной интерпретации. Если бы Мэн Тянь только после «десяти с лишним лет» боев на границе оказался в Шанцзюне, то это могло произойти не ранее 211, а то и 210 года до н.э.: ведь в 221 году до н.э. Мэн Тянь еще принимал участие в походе против княжества Ци [Ши цзи, 1996. С. 2565; см. Сыма Цянь, 2002. С. 72]. А Фу Су, как сообщает «Цинь Ши-хуан бэнь цзи», был послан к Мэн Тяню «в Шанцзюнь» уже на тридцать пятом году правления Ши-хуана, то есть в 212 году до н.э. [Ши цзи, 1996. С. 252; см. Сыма Цянь, 1975. С. 75]. При этом под словами 暴师于外 следует понимать деятельность Мэн Тяня, направленную «вовне» (于外) границ всей Поднебесной, а не походы, имевшие цель объединение страны, так что период в «десять с лишним лет» отсчитывается самое раннее с 221 г. до н.э., а оканчивается он в 210 г. до н.э., когда Мэн Тянь был казнен. Арифметически вроде бы все сходится, однако у нас нет никаких сведений, что Мэн Тянь воевал на границах империи Цинь до 215 года, когда он был послан в северный поход. В нижеследующих цитатах срок в «десять с лишним лет» используется настолько вольно, что это заставляет предположить его условность и в данном отрывке.

О «десяти с лишним годах» начиная с похода Мэн Тяня на север в 215 г. до н.э. до падения Цинь в 207 г. до н.э., говорится в докладах ученого Чжуфу Яня и чиновника Янь Аня, поданных императору У-ди в конце 30-х гг. II в. до н.э. («Ши цзи», цзюань 112 «Пинцзин-хоу, Чжуфу лечжуань»).

(Из доклада Чжуфу Яня) «秦皇帝不听，遂使蒙恬将兵攻胡，辟地千里，以河为境。地固

泽(咸)鹵，不生五谷。然后发天下丁男以守北河。暴兵露师十有余年，死者不可胜数，终不能踰河而北.» [Ши цзи, 1996. С. 2954].

«Император Цинь, не послушав [совета Ли Сы], послал против хусцев войска во главе с Мэн Тянем, который расширил территорию государства на тысячу *ли* и провел границу по Хуанхэ. Приобретенные земли состояли из озер и солончаков, не производили пяти видов злаков, но, тем не менее, из Поднебесной в дальнейшем посылали рекрутов для обороны Бэйхэ. Более десяти лет солнце палило воинов, а роса увлажняла войска, погибло бесчисленное множество солдат, которым так и не удалось достичь северного берега Хуанхэ (вернее – «[но] в конечном счете не смогли перейти [Хуан]хэ на север». – А. К.)» [Таскин, 1968. С. 112].

Источник (вопреки здравому смыслу!) использует выражение «десять с лишним лет» для описания продолжительности периода, начинающегося с похода Мэн Тяня 215 г. до н.э. до, самое позднее, падения династии Цинь в 207 г. до н.э.

(Из доклада Янь Аня)“欲肆威海外，乃使蒙恬将兵以北攻胡，辟地进境，戍于北河，。。当是时，秦祸北构于胡，南挂于越，宿兵无用之地，进而不得退。行十余年，丁男被甲，丁女转输...。”[Ши цзи, 1996. С. 2958].

[Ши-хуан] «Захотел [проявить] грозное величие за пределами [четырёх] морей и повелел Мэн Тяню возглавить войска на севере, чтобы нанести удар [варварам] ху, расширил земли [империи], раздвинул [ее] границы, направил армию в Бэйхэ... В это время несчастье, [нависшее над династией] Цинь, было на севере навлечено [ею на себя] со стороны ху, а на юге навлечено [ею на себя] со стороны юэ. Войска оставались в ненужных [империи] землях, они продвигались вперед, но назад вернуться не могли. Более десяти лет совершеннолетние мужчины [вынуждены были] носить доспехи, а совершеннолетние женщины [заниматься] перевозками...» [Торчинов, 2005. С. 430] с учетом комментариев Ю. Л. Кроля; данный перевод был сделан Е. А. Торчиновым по почти тождественному тексту цз. 64Б «Хань шу» [Хань шу, 1997. С. 2811].

Те же слова «десять с лишним лет» использованы опять вопреки правилам арифметики для характеристики периода с 215-214 гг. до н.э. (начало военных экспедиций против ху и юэ) по 207 г. до н.э. (падение династии Цинь).

Период в «десять с лишним лет» мы встречаем в тексте рассуждений «сановника» из главы 45 «Похвальба заслугами» сочинения «Ян те лунь», составленного в середине I в. до н.э. [Кроль, 2001. С. 22-23].

“蒙公为秦击走匈奴，若鸷鸟之追群雀。匈奴势慄，不敢南面而望十余年。及其後，蒙公死而诸侯叛秦，中国扰乱，匈奴纷纷，乃敢复为边寇。” [Ян те лунь, 1996. С. 494]

«Достопочтенный господин Мэн, действуя для [государя] Цинь, своим нападением обратил в бегство *сюнну*, как хищная птица, [которая] преследует стаю воробьев; *сюнну*, [оказавшись в таком] положении, дрожали от страха и не смели [даже] издали смотреть [в нашу сторону], обратясь лицом к югу, в течение более чем десяти лет. Когда же настали более поздние [времена], достопочтенный господин Мэн умер, а удельные правители взбунтовались против Цинь; государство центра оказалось ввергнуто в смуту, *сюнну* сделались многочисленны и снова стали учинять грабежи на границе». [Хуань Куань, 2001. С. 142-143].

Это очевидный парафраз вышеприведенных текстов цзюаней 88 и 110 «Ши цзи», слова «десять с лишним лет» вновь буквально применены к отрезку времени продолжительностью максимум в шесть лет – с начала похода Мэн Тяня на север до его смерти.

На мой взгляд, все приведенные примеры свидетельствуют об одном: слова «десять с лишним лет» применялись для обобщенной характеристики продолжительности правления династии Цинь и не могут использоваться для каких-либо «отсчетов» даты миграции Тоуманя либо начала походов Мэн Тяня. Для авторов цитируемых сочинений, творивших в ханьское время,

в данных отрывках главным было живописать обстановку на границах и в пределах коренных земель империи в период Цинь, а не приводить конкретные сроки походов Мэн Тяня или освоения тех или иных завоеванных территорий. Отсюда очевидные несообразности применения выражения «десять с лишним лет» к периоду между началом военных экспедиций против северных и южных варваров, которые, как мы знаем, начались только в 215 г. до н.э., и смертью Мэн Тяня (210 г. до н.э.) либо падением династии Цинь (207 г. до н.э.) [Ши цзи, 1996. С. 758].

Можно заключить, что Такигава Камэтаро был прав относительно характеристики срока «более чем в десять лет» – под этим действительно подразумевался период правления циньской династии. В контексте цзюани 110 «Ши цзи» слова “十余年而蒙恬死，诸侯畔秦，中国扰乱。。” («Минуло более десяти лет, Мэн Тянь умер, чжухоу восстали против Цинь, в Среднем государстве воцарилась смута...») означают, что смерть Мэн Тяня и иные упомянутые печальные события произошли в Поднебесной по истечении десяти с лишним лет со времени установления династии Цинь. Фраза 当是之时 («в это время»), поставленная после указания на факт объединения Поднебесной и до сообщения о миграции Тоуманя, подчеркивает, что перекочевка Тоуманя на север состоялась в период правления циньской династии (221–207 гг. до н.э.), а не ранее, как предполагал В. С. Таскин [Таскин, 1968. С.37]. Точную дату ухода Тоуманя в пределах 221–207 года до н.э. разбираемый отрезок не дает, источники также не указывают на связь миграции Тоуманя с походом Мэн Тяня на север в 215 г. до н.э., как это ошибочно представлялось Л. А. Боровковой [Боровкова, 2001. С. 42–43].

В качестве единственного ориентира для уточнения времени ухода Тоуманя «на север» можно рассмотреть упоминание «сюнну» в тексте цзюани 6 «Ши цзи» за 214 г. до н.э.: “西北斥逐匈奴” [Ши цзи, 1996. С. 253]. «...На северо-западе вытеснили и прогнали сюнну». Тоумань мог перенести свою ставку в результате этого захватнического похода на северо-запад, организованного империей Цинь. Однако толкование этого сообщения заслуживает отдельного рассмотрения.

Список литературы / References

- Боровкова Л. А.** Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2001. 368 с.
Borovkova L. A. Tsarstva «Zapadnogo kraya» vo II–I vekakh do n.e. Vostochnyy Turkestan i Srednyaya Aziya po svedeniyam iz «Shi tszi» i «Khan' shu». [Kingdoms of “Western Regions” in 2-1 centuries B.C. Eastern Turkestan and Middle Asia on records of “Shi ji” and “Han shu”]. M.: In-t vostokovedeniya RAN, Kraft+, 2001. 368 p. (in Russ.)
- Ковалев А. А.** Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2002. С. 150–194.
Kovalev A. A. Proiskhozhdeniye khunnu soglasno dannym istorii i arkheologii [Origine of Xiongnu according archaeological and historical data] // Yevropa – Aziya: problemy etnokul'turnykh kontaktov. SPb.: Izd-vo LEMA, 2002, p. 150–194. (in Russ.)
- Ковалев А. А.** О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002а. С. 103–131.
Kovalev A. A. O proiskhozhdenii khunnu [On the origin of the Xiongnu] // Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'ye v drevnosti. Ulan-Ude – Chita: Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002a, p. 103–131. (in Russ.)
- Кроль Ю. Л.** Создание «Спора о соли и железе» и его предыстория // Хуань Куань. Спор о соли и железе (Ян те лунь) / Пер. с кит., введ., комм. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. Т. I. С. 7–23 (Памятники письменности Востока; СХХV, 2).
Krol' Yu. L. Sozdaniye «Spora o soli i zheleze» i yego predystoriya [Forming of “Discussion about salt and iron” and its background] // Khuan' Kuan'. Spor o soli i zheleze (Yan te lun') / Per. s kit., vved., komm. i pril. Yu. L. Krolya. M., Izdat. firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001, vol. I, p. 7–23 (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; СХХV, 2). (in Russ.)

- Материалы по истории сюнну (по историческим источникам) / Предисл., пер. с кит. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. Вып. 1. 176 с.
Materialy po istorii syunnu (po istoricheskim istochnikam) [Materials for the history of Xiongnu (on written sources) / Predisl., per. s kit. i komm. V. S. Taskina. M., Nauka, GRVL, 1968, issue 1, 176 p. (in Russ.)
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит., предисл. и комм. Р. В. Вяткина. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. Т. II. 579 с. (Памятники письменности Востока; XXXII, 2).
Syua Tsyuan'. Istoricheskiye zapiski (Shi tszi) [Sima Qian. Historical records (Shi zi)] / Per. s kit., predisl. i komm. R. V. Vyatkina. M., Nauka, GRVL, 1975, vol. II, 579 p. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; XXXII, 2). (in Russ.)
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина; комм. Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 1996. Т. VII. 462 с. (Памятники письменности Востока; XXXII, 7).
Syua Tsyuan'. Istoricheskiye zapiski (Shi tszi) [Sima Qian. Historical records (Shi zi)] / Per. s kit. R. V. Vyatkina; komm. R. V. Vyatkina i A. R. Vyatkina. M., Vost. lit., 1996, vol. VII, 462 p. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; XXXII, 7). (in Russ.)
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, комм. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина, А. М. Карапетьянца, вступ. статья Р. В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2002. Т. VIII. 510 с. (Памятники письменности Востока; XXXII, 8).
Syua Tsyuan'. Istoricheskiye zapiski (Shi tszi) [Sima Qian. Historical records (Shi zi)] / Per. s kit. R. V. Vyatkina i A. M. Karapet'yantsa, komm. R. V. Vyatkina, A. R. Vyatkina, A. M. Karapet'yantsa, vstupit. stat'ya R. V. Vyatkina. M.: Vost. lit., 2002, vol. VIII, 510 p. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; XXXII, 8). (in Russ.)
- Торчинов Е. А.** Проблема «Китай и соседи» в жизнеописаниях Фэн Тана и Янь Аня // Страны и народы Востока. М.: Вост. лит., 2005. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. С. 415–437.
Torchinov Ye. A. Problema «Kitay i sosedi» v zhizneopisaniyakh Fen Tana i Yan' Anya [The problem “Chinese and neighbors” in biographies of Feng Tang and Yan An] // Strany i narody Vostoka. M., Vost. lit., 2005, issue XXXII: Dal'niy Vostok, vol. 4: Problemy geografii i vneshey politiki v «Istorii Khan'» Ban' Gu: issledovaniya i perevody, p. 415–437. (in Russ.)
- Хуань Куань.** Спор о соли и железе (Ян те лунь) / Пер. с кит., введ., комм. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. Т. II. 831 с. (Памятники письменности Востока; CXXV, 2).
Khuan' Kuan'. Spor o soli i zheleze (Yan tie lun') [Huan Kuan. Discussion about salt and iron (Yan tie lun')] / Per. s kit., vved., komm. i pril. Yu. L. Krolya. M., Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001, vol. II, 831 p. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; CXXV, 2). (in Russ.)
- Bodde D.** Statesman, Patriot, and General in Ancient China. Three Shih Chi Biographies of the Ch'in Dynasty (255–206 B.C.). New Haven: American Oriental Society, 1940. 75 p. (American Oriental Series. Vol. 17).
- De Groot J. J. M.** Die Hunnen der vorchristlichen Zeit: Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin-Leipzig: Vereinigung Wissenschaftlicher Verleger, 1921. Erster Teil. 304 S.
Gu han yu da cidian [古汉语大词典/徐复等编]. Большой словарь древнего китайского языка / Под ред. Сюй Фу и др. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2001. 2613 с. (на кит. яз.)
Gu han yu da cidian [古汉语大词典]. Great dictionary of ancient Chinese / Ed. by Xu Fu et al. Shanghai, Shanghai cishu chubanshe, 2001, 2613 p. (in Chin.)
- Хань шу [汉书. 班固撰, 颜师古注] История династии Хань / Сост. Бань Гу; комм. Янь Шигу: 10-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. Т. 1–12. 4273 с. (на кит. яз.)
Han shu [汉书. 班固撰, 颜师古注]. History of Former Han Dynasty / Compiled by Ban Gu; commented by Yan Shigu. 10th ed. Beijing, Zhonghua shuju chubanshe, 1997, vol. 1–12, 4273 p. (in Chin.)
- Ши цзи [史记. 司马迁撰]. Исторические записки / Сост. Сыма Цянь; комм. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ: 14-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1996. Т. 1–10. 3322 с., 56 с. прил. (на кит. яз.)

Shi ji [史记。司马迁撰]. Historical records / Compiled by Sima Qian; commented by Pei Yin, Sima Zheng, Zhang Shouze: 14th ed. Beijing, Zhonghua shuju chubanshe, 1996, vol. 1–10, 3322, 56 p., add. (in Chin.)

Ши цзи хуйчжу каочжэн фу цзяобу [史记会注考证附校補]. «Ши цзи» с собранием комментариев, исправлениями и дополнениями. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ. 1986. Т. 1–2. 2180 с. (на кит. яз.)

Shi ji huizhu kaozheng fu jiaobu [史记会注考证附校補]. «Shi ji» with compiled comments, corrections and additions. Shanghai, Shanghai guji chubanshe. 1986, vol. 1–2, 2180 p. (in Chin.)

Янь те лунь цзяо чжу [盐铁论校注/王利器校注]. «Спор о соли и железе», сверенный текст с комментарием / Сост. Хуань Куань; сверка текста и комм. Ван Лици. 2-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. Т. 1–2. 840 с. (на кит. яз.)

Yan tie lun jiao zhu [盐铁论校注/王利器校注]. «Discussion about salt and iron», verified text with a comment / Compiled by Huan Kuan; verification and comments Wang Liqi. 2nd ed. Beijing, Zhonghua shuju, 1996, vol. 1–2, 840 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Ковалев Алексей Анатольевич, научный сотрудник Института археологии РАН (ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, chemurchek@mail.ru)

Aleksey A. Kovalev, research associate of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Science (19 Dmitri Ulianov Str., Moscow, 117036, Russian Federation, chemurchek@mail.ru)

УДК 951.04

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Ближайшие потомки Ханьпу

В. Э. Шавкунов

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия*

Аннотация

В статье анализируется родословная чжурчжэньских императоров, имеющаяся в официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши». Выдающийся советский востоковед М. В. Воробьев высказал предположение об искусственной фальсификации списка первых вождей из рода Ваньянь с целью сделать их родословную более древней. Особенно большие сомнения вызывала у М. В. Воробьева реальность персонажей, обозначенных как сын (Улу) и внук (Бахай) Ханьпу. Анализ содержащихся в «Цзинь ши» и других письменных источниках сведений об основателе правящего рода чжурчжэней и его ближайших потомках, а также условий составления этих источников показывает, что факты жизни и деятельности перечисленных в генеалогии персонажей очень логично укладываются в конкретную историческую канву и увязываются между собой. То же самое дают расчеты по средней продолжительности жизни и правления различных представителей рода Ваньянь. На основе этого анализа делается вывод, что родословная чжурчжэньских императоров не фальсифицирована и отображает реальное положение дел в раннечжурчжэньском обществе конца X – начала XI вв. н. э.

Ключевые слова

«Цзинь ши», вожди чжурчжэней, род Ваньянь, родословная, продолжительность жизни

Для цитирования

Шавкунов В. Э. Ближайшие потомки Ханьпу // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 56–64. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Khanpu's Heirs

Vladimir E. Shavkunov

*Institute of history, archaeology and ethnography of peoples of the Far East Fed RAS
Vladivostok, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the genealogy of the Jurchen emperors currently available in the official history of Jurchen “Jin Shi”. Outstanding Soviet orientalist M. V. Vorobiev after considering the genealogical tree of the Jurchen emperors’ ancestors suggested the list of the first leaders of the Wanyan clan had been falsified. The purpose of this falsification would have been to make the list longer and therefore ensure the clan was considered to be more ancient than it was. M. V. Vorobiev's biggest reasons for these claims were caused by doubts of the existence of Khanpu’s son (Ulu) and grandson (Bahai) recorded in the list. The main argument for this assumption was the lack of information about any acts of these leaders, as well as the absence of their names in the list of Jurchen leaders in the Korean chronicle of “Goryeo-

© В. Э. Шавкунов, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

sa". The information contained in "Jin Shi" and other medieval sources report that Khanpu was over 60 years old when he became part of the Wanyan family, subsequently living in and heading the family for a long time afterwards. With an average life expectancy of Khanpu descendants of 50–55 years, and the leaders themselves having been married at about 16–17 years of age, Khanpu's son and grandson waited impatiently for their turn to rule. This is most likely evidenced by the posthumous titles of Ulu and Bahai. Due to this, the annals contain no information about their affairs regarding strengthening the role of Wanyan among Jurchens. The time of the rule of other descendants of Khanpu however clearly fit into the average life expectancy rule. On the basis of this analysis it is concluded that the genealogy of the Jurchen emperors is not falsified and reflects the real state of affairs in the early Jurchen society between the late X – first half of XI centuries AD.

Keywords

"Jin Shi", the leaders of the Jurchen, Wanyan dynasty, genealogy, lifetime, reality of characters

For citation

Shavkunov V. E. Khanpu's heirs. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 56–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Выдающийся советский востоковед М. В. Воробьев (1922–1995), рассматривая генеалогическое древо чжурчжэньских императоров, высказал сомнения в его достоверности и предполагал, что «между Ханьпу и Угунаем добавлено четыре явно легендарных персонажа». Сделано это было с целью «возвысить род Ваньянь за счет древности происхождения» и только «начиная с Угуная мы впервые сталкиваемся с реальными персонажами» [Воробьев, 1975. С. 31–32]. При этом основными аргументами исследователя являлись крайне лаконичное изложение событий, касающихся первых пяти вождей рода Ваньянь и отсутствие в летописях дат их жизни и правления [Воробьев, 1975. С. 41]. Дополнительно М. В. Воробьев приводит сведения из корейской летописи «Корёса», в которой игнорируются имена, по крайней мере, трех ближайших потомков Ханьпу [Воробьев, 1975. С. 42]. Еще одним моментом в пользу мнения об искусственном удлинении родословной чжурчжэньских императоров может служить следующее обстоятельство. Угунай (один из вождей немирных чжурчжэней XI в.) считается пятым потомком Ханьпу. Его современник и родственник Чжилихай, вождь чжурчжэней Елани (в Приморском крае), являлся четвертым потомком младшего брата Ханьпу Баохули [Ларищев, 1966. С. 194], с которым они вместе вышли с территории Кореи в поисках лучшей доли. По неофициальной истории чжурчжэней «Да Цзинь го чжи» между Ханьпу и первым императором чжурчжэней Агудой отмечается лишь три поколения вождей [Васильев, 1857. С. 201]. Таким образом, в средневековых письменных источниках, на первый взгляд, набирается достаточно много неясностей и противоречий, которые действительно могут свидетельствовать в пользу мнения о фальсификации родословной чжурчжэньских императоров. Для прояснения этого тезиса следует проанализировать отдельные фразы летописей, а также условия сбора сведений для них.

Первое, что надо учитывать, это время составления самой родословной. Ее начали записывать только в начале XII в. [Воробьев, 1975. С. 41]. Скорее всего, это произошло после 1117 г., когда было приказано сыскать ученых, чтобы составить законы [Окладников, 1959. С. 224]. Причиной, несомненно, стало образование в 1115 г. Золотой империи. После восшествия на престол Агуды, составление списка его предков являлось просто необходимым. Поскольку до 1115 г. такой острой необходимости не было, то и специальных записей, по всей видимости, не велось. Иными словами, составление родословной проводили со слов родственников (ближних и дальних) Агуды, которых у него было великое множество. Некоторые из них, те, кому было около 80 лет, могли застать в живых еще его прадеда Шилу. Кроме того, при силь-

но развитом у дальневосточных народов культе предков, многие из соплеменников Агуды должны были помнить имена и основные деяния более дальних прародителей. Другое дело, что в их памяти более четко и в большем объеме сохранились не далекие по времени, а близкие события, что, собственно, и наблюдается в официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письменных источниках сведения полнее о деятельности более близких по времени к Агуде правителей немирных чжурчжэней (Табл. 1).

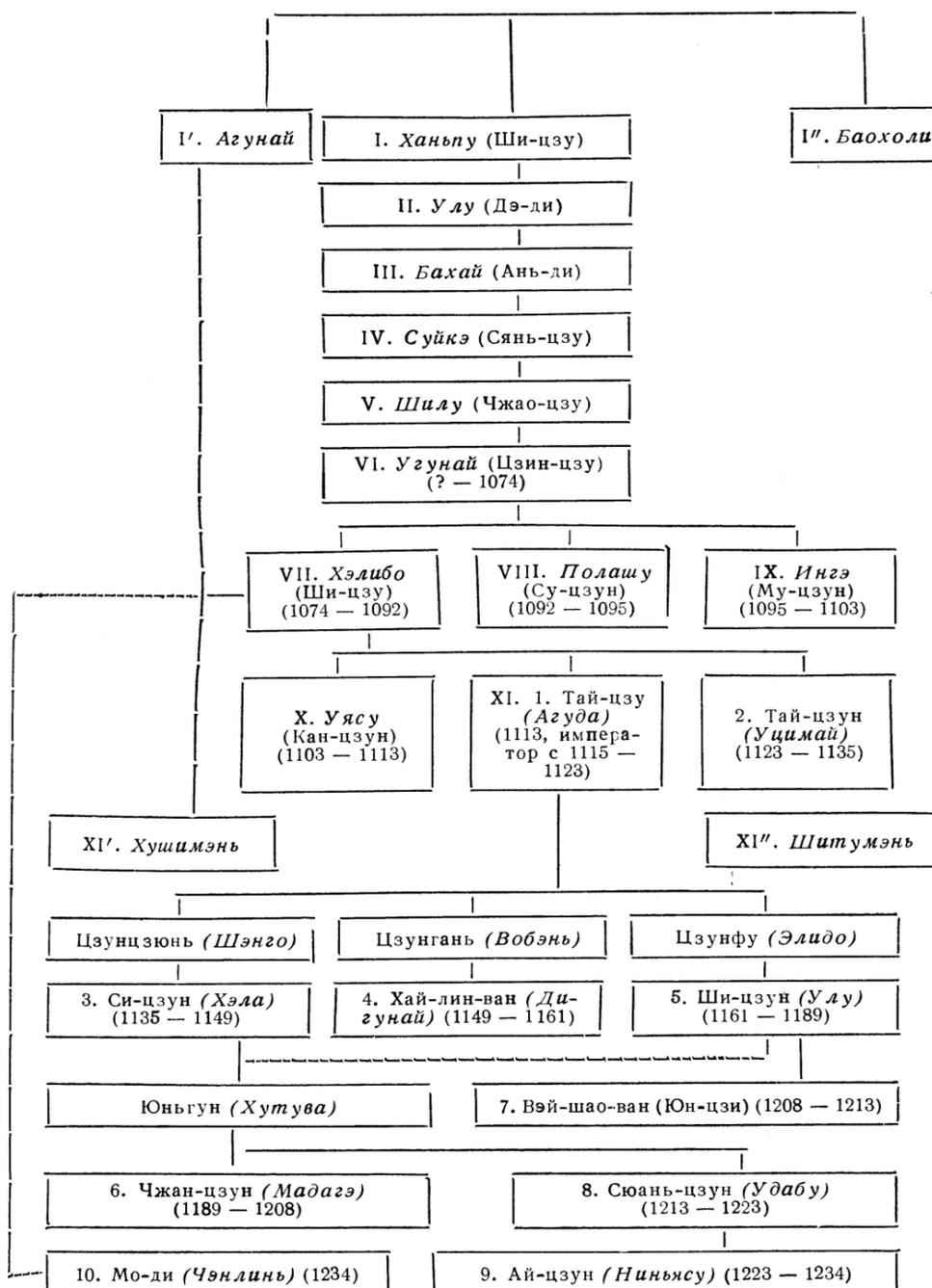
В этом списке исключение составляет лишь первый из зафиксированных предков – Ханьпу, но его влияние на возвышение рода Ваньянь было столь значительным (примирение и объединение двух родов, введение значительной пени за убийство вместо кровной мести), что должно было надолго остаться в людской памяти. Не исключено, что именно перечисленные выше деяния Ханьпу привели к умножению военной мощи рода Ваньянь, а впоследствии и к его доминированию среди немирных чжурчжэней. Объяснение факта отсутствия дат рождения и правления первых вождей дано в самой «Цзинь ши». В ней прямо говорится, что еще во времена правления Шилу (Чжао-цзу) «отсутствовали письменность..., не знали летоисчисления» [Малаявкин, 1942. С. 43]. При Угунае уже записывали год и месяц прибытия различных племен [История Золотой империи, 1998. С. 90].

Так же легко может быть объяснено отсутствие сведений о трех вождях немирных чжурчжэней в летописи «Корёса». Запись о предшественниках Агуды отмечена 1115 г., когда чжурчжэни еще только составляли родословную своего первого императора. В Корею она попала несколько позже. Надо отметить, что хроника «Корёса» создавалась в середине XV в., а к этому времени сохранились далеко не все первоисточники и поэтому в ней имеются пробелы, в том числе и по ранней истории чжурчжэней [Воробьев, 1975. С. 14–15]. Кроме того, имена некоторых чжурчжэньских вождей в «Корёса» звучат непривычно и, можно предполагать, что они взяты не из чжурчжэньских или китайских, а из собственных, корейских источников. В них, в свою очередь, главное внимание уделялось корейской истории, а сведения о соседних народах помещались лишь из-за следования древнекитайским летописным традициям, и не обязаны были быть полными. Есть веские основания считать, что фрагмент из хроники «Корёса» вообще изначально составлен не на основе документа, а со слов некоего информатора. Об этом прямо сообщается в хронике, где пассаж о родоначальнике чжурчжэньских вождей начинается с фразы «еще рассказывают». Видимо, этот информатор был не очень сведущ в родословной чжурчжэньских императоров, ибо Угуная он называет не по имени, а по прозвищу (Холо), а Хэлибо считает старшим сыном Угуная. Да и сам Ханьпу там называется по-разному и другими именами [Воробьев, 1975. С. 42]. Есть и иные неточности. Все это не позволяет с большим доверием относиться к данным корейского источника о ближайших потомках Ханьпу. Тем не менее, в летописи «Корёса» также зафиксирован факт выхода основателя императорского рода чжурчжэней с территории Кореи, что подтверждает не мифический, а реальный статус этого персонажа.

Тезис М. В. Воробьева о том, что генеалогия чжурчжэньских императоров искусственно удревнена, также не очень убедителен. Основные сомнения у него вызывают Улу и Бахай – второй и третий вожди в списке предков Агуды, о которых кроме имен и того факта, что они были сыном и внуком Ханьпу, больше ничего не известно. На это можно возразить, что для возвышения рода «за счет древности происхождения» логичней было бы придумать предков Ханьпу, а не вставлять в число его потомков вымышленные имена. Могут вызвать определенные вопросы и храмовые титулы Улу и Бахая, оканчивающиеся иероглифом 帝 *ди* (с комплексом значений «небесный», «божественный», «император», «верховный владыка», «обожествленная душа предка»), в то время как остальные вожди характеризуются иероглифом 祖 *цзу* или 宗 *цзун* («предок», «предшественник») ¹. Но и на это есть вполне логичные возражения.

¹ Автор выражает благодарность А. Л. Ивлиеву за помощь в толковании иероглифов.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПРАВИТЕЛЕЙ И ИМПЕРАТОРОВ ИЗ ДОМА ВАНЬЯНЬ

Примечание. Римскими цифрами обозначены правители племенного союза, арабскими — императоры Цзинь. Прямым шрифтом приводятся китайские имена, курсивом — чжурчжэньские. I', I'' — правители — сподвижники Ханьпу, XI', XI'' — правители — сподвижники Агуды, вошедшие со своими владениями в государство Цзинь. Непрерывная черта обозначает прямое родство, пунктир — отдаленное.

Генеалогическая таблица правителей и императоров из дома Ваньянь (по: [Воробьев, 1975. С. 383])

Genealogical table of rulers and emperors of Wanyan clan (after: [Vorobiev, 1975. p. 383])

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

По официальной истории чжурчжэней, Ханьпу было больше 60 лет, когда он переместился с берегов Ялуцзяна в Маньчжурию и поселился на землях рода Ваньянь. Несомненно, выйти из Кореи один он не мог, а сделал это со всей своей семьей, слугами и рабами, о чем, кстати, есть намеки в «Цзинь ши» [Малявкин, 1942. С. 42]. Естественно, что к столь почтенному возрасту у него должны были быть одна или несколько жен и дети. На новом месте, ради примирения с домом Ваньянь, он женился на женщине из этого рода, которой было 60 лет [Окладников, Деревянко, 1973. С. 360].

Далее летописи сообщают, что у него родились два сына (старший Улу) и дочь, а от Улу родился Бахай. Здесь в летописи явно вкралась неточность. Представляется маловероятным, чтобы у столь преклонной по годам пары родился хотя бы один ребенок, а тут сообщается о трех детях. Это вызвало недоумение даже у составителей «Цзинь ши», которые, комментируя данный факт, восклицают «Как могло быть без помощи неба?» [Малявкин, 1942. С. 50]. Запись о детях Ханьпу из «Цзинь ши» не следует понимать буквально. И сыновья, и дочь, несомненно, родились не от последней жены, а в более раннее время, когда Ханьпу еще проживал на берегах Ялуцзяна. Иными словами, Ханьпу вышел с территории Кореи со своими детьми и внуками, которые к тому времени уже должны были быть взрослыми людьми. Более того, есть мнение, что Ханьпу был вождем и переселился в Маньчжурию со всем своим племенем [Ларичев, 1974. С. 222]. В летописи сообщается также, что Ханьпу долго жил среди людей Ваньянь и со временем стал вождем этого рода [Малявкин, 1942. С. 42]. Жизнь Ханьпу была настолько долгой, что память об этом сохранилась в его роду. Если учесть, что ему было больше 60 лет, когда он только вышел с территории Кореи, и, кроме того, долго (15–20 лет?) жил среди людей Ваньянь, то он вполне мог дожить до 80 лет и более.

Для сравнения можно отметить, что, начиная с Угуна и заканчивая Уясу, все вожди немирных чжурчжэней умерли своей смертью в возрасте от 51 до 54 лет, да и первый император Агуда прожил только 56 лет. Учитывая большую продолжительность жизни Ханьпу, совершенно не удивительно, если его сын (Улу) и даже внук (Бахай) могли просто не дождаться своей очереди на правление. При таких обстоятельствах они фактически не были вождями в роду Ваньянь и не могли влиять на процессы, ведущие к усилению чжурчжэней. Поэтому об их деяниях ничего и не известно. Несмотря на это, предками последующих правителей они все же являлись. Скорее всего, именно такое положение дел отмечено в их храмовых титулах, заканчивающихся иероглифом 帝 *ди*. Здесь не лишним будет отметить, что и последний чжурчжэньский император (Мо-ди), который практически не успел принять дела в управлении государством, также имеет храмовый титул с тем же самым иероглифом ².

Сыну Бахая Суйкэ летописи приписывают прекращение сезонных кочевков, введение земледелия и начало строительства наземных жилищ. Скорее всего, М. В. Воробьев прав, когда сомневался в том, что в начале XI в. (ориентировочное время правления Суйкэ) чжурчжэни не знали земледелия, и не строили наземные жилища. Но не обязательно так жили все. Немирные чжурчжэни (они же *хэйшуй мохэ*) не были объединены, у них еще не существовало «законов и распоряжений», и каждый род жил так, как ему хотелось. Отголоски периодического перемещения отдельных родов «Цзинь ши» фиксирует даже во второй половине XI в. при Угунае, который обитателей вод Хэлань «приходивших с покорностью целыми толпами, возвращал в прежние их места» [История Золотой империи, 1998. С. 90]. Сам же род Ваньянь,

² Здесь есть основания предполагать, что у чжурчжэней иероглиф 帝 *ди* имел еще какое-то значение и присваивался тем представителям главной ветви правящей династии, которым по каким-то причинам не удалось в полной мере принять бразды правления.

похоже, занимался земледелием еще до прихода Ханьпу, т.к. в приданое новая жена принесла ему свои пахотные земли [Там же. С. 89]. Да и у других родов *хэйшуй мохэ* было развито плужное земледелие [Воробьев, 1994. С. 135]. По обычаям диких чжурчжэней, когда сыновья вырастали, они селились отдельно, покидая дом родителей, но продолжали признавать власть старшего в роде [Воробьев, 1983. С. 33]. Ханьпу, породнившись с родом Ваньянь, получил «пахотные земли». Его сыновья и внуки не могли жениться на женщинах Ваньянь, так как они уже принадлежали к этому роду, а чжурчжэни «на однофамильных не женятся» [Воробьев, 1975. С. 52].

Следовательно, потомки Ханьпу либо должны были искать свое семейное счастье на стороне, либо жить в роду Ваньянь, но без определенного места жительства (вести привычные сезонные кочевки, не предполагающие занятие земледелием). Суйкэ стал вождем Ваньянь после Ханьпу. Значит, он не ушел жить в другой род. Когда же он получил власть, то для более удобного управления родом выбрал себе постоянную резиденцию на р. Альчук, притоке Сунгари [Ларичев, 1964. С. 593].

Переход к оседлости в данном случае относится не к роду Ваньянь вообще, а конкретно к переселенцам из Кореи. В данных условиях заниматься земледелием и строить долговременные наземные жилища стало целесообразно. В этом плане записи в «Цзинь ши» вполне логично вплетаются в историческую канву деяний предков чжурчжэньских императоров. То же самое можно сказать и о преемнике Суйкэ на посту вождей Ваньянь, его сыне Шилу, все, по-видимому, недолгое правление которого было посвящено установлению законов среди ближних и дальних родственников.

Сын Шилу Угунай, родившийся в 1020 г., стал во главе рода Ваньянь около 1040 г. [Воробьев, 1975. С. 42]. В связи с этим, было бы интересно выяснить, могли ли его предшественники «уместиться» по времени в роли вождей Ваньянь.

Летопись «Корёса» сообщает, что местом исхода Ханьпу с территории Кореи был город Пинчжоу [Там же. С. 42], который располагался «в западных пределах страны» [Бичурин, 1960. С. 588], т.е. на левом берегу р. Ялуцзян. Это как раз те места, куда после разгрома государства Бохай кидани переместили несколько тысяч наиболее знатных и сильных чжурчжэньских семей [Кычанов, 1966. С. 272]. До конца X в. перемещенные чжурчжэни проживали на новых местах, пока кидани не решили покорить Корё. Императоры Ляо снарядили целый ряд карательных экспедиций, но особого успеха не добились. Тем не менее, давление киданей продолжалось, и король государства Корё, чтобы обезопасить себя, в 993 г. подписал с Ляо мирный договор, по которому обязался очистить от чжурчжэней левобережье р. Ялуцзян [Воробьев, 1975. С. 37], и предпринял для этого решительные действия. В 994–995 гг. корейское войско под командованием Со Хи покорило часть чжурчжэней и на их территории возвел несколько крепостей [История Кореи, 1960. С. 159]. В результате многие чжурчжэни вынуждены были покинуть территорию Кореи. По всей видимости, именно в середине 90-х гг. X в. Ханьпу со своим младшим братом Баохоли и совершил известный корейский исход [Шавкунов, 2007. С. 62].

Анализ известных дат рождения представителей раннечжурчжэньской знати показывает, что старшие сыновья у потомков Ханьпу рождались, когда их отцам было от 18 до 20 лет. Следовательно, отец Угуная (Шилу) должен был родиться в самом начале XI в., его дед (Суйкэ) – в начале 80-х гг. X в., а прадед (Бахай) – ближе к середине 60-х гг. Как было сказано ранее, Ханьпу прожил в роду Ваньянь около 20 лет. Значит, он умер приблизительно в 1015 г., когда его сыну (Улу) должно было быть под 70 лет, а внуку (Бахаю) – около 50 лет (для того времени оба возраста были достаточно почтенными). Учитывая известные даты жизни их потомков,

предположение о том, что они могли не дожить до конца правления Ханьпу, будет вполне реальным.

Если следовать приведенным выше расчетам, то на долю следующих за Ханьпу двух вождей (Суйкэ и Шилу) приходится около 25 лет правления рода Ваньянь. Это даже больше, чем суммарное время нахождения у власти двух подряд сыновей и внуков Угуная. При этом есть основания полагать, что Шилу и вступил в должность, и умер в достаточно молодом возрасте. По крайней мере, когда он начал вводить свои «законы и распоряжения», еще были живы два его дяди, а его старший сын Угунай заменил отца в возрасте около 20 лет от роду. Да и сами летописи сообщают, что Шилу неожиданно скончался во время возвращения из очередного похода [Малявкин, 1942. С. 43; История Золотой империи, 1998. С. 89].

Таким образом, расклад по времени рождения и сроков правления всех вождей рода Ваньянь, расположенных между Ханьпу и Угунаем, вполне укладывается в среднестатистические данные, имеющиеся по двум последующим поколениям вождей и императоров чжурчжэней. Исключение же из этого списка даже двух персонажей дает основание утверждать, что остальные предшественники Угуная были такими же долгожителями, как и Ханьпу. Это допущение представляется намного менее реальным, чем данные приведенных выше расчетов.

С приведенными логическими построениями прекрасно увязывается следующее обстоятельство. Угунай являлся пятым потомком Ханьпу. Если исходить из того, что между поколениями было в среднем 18 лет, то получается, что между годами рождения обоих вождей должно было пройти около 90 лет ($18 \times 5 = 90$). Если Угунай родился в 1020 г., то Ханьпу мог родиться в 930 г. Наиболее вероятное время его исхода из Пинчжоу относится к 993 г., когда Ханьпу было 63 года, что идеально соответствует сведениям из «Цзинь ши», по которым он переселился на территорию Маньчжурии, когда ему было свыше 60 лет.

Возвращаясь к ближайшим потомкам Ханьпу, следует отметить, что реальность их существования, включая Улу и Бахая, имеет дополнительные подтверждения. Так, в «Цзинь ши» сообщается о присвоении в 1135 г. особых названий для мест захоронения этих, а также других ваньяньских вождей, отмеченных в летописи. Иными словами, чжурчжэни знали о конкретных местах, в которых захоронены конкретные люди, в том числе и Улу с Бахаем.

Таким образом, следует признать, что содержащиеся в летописях письменные данные о первых вождях племени Ваньянь не имеют каких-либо заметных логических противоречий. Если бы родословная предков чжурчжэньских императоров была сознательно фальсифицирована, то составителям «Цзинь ши» пришлось бы очень потрудиться, чтобы избежать в тексте различного рода неувязок. По всей видимости, эта родословная не содержит вымышленных персонажей, и поэтому нет веских оснований сомневаться в ее достоверности.

Список литературы / References

- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 758 с.
Bichurin N. Ya. (Iakinif). Sbranie svedenij po istoricheskoj geografii Vostochnoj i Sredinnoj Azii [Collection of information on the historical geography of East and Middle Asia]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1960, 758 p. (in Russ.)
- Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий и киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., Тип. Имп. академии наук, 1857. 235 с.

- Vassiliev V. P. Istorija i drevnosti vostochnoj chasti Srednej Azii ot X do XIII veka, s prilozheniem perevoda kitajskih izvestij i kidanyah, chzhurchzhenyah i mongolo-tatarah [The history and antiquities of the Eastern part of Central Asia from X to XIII century, with the application translation of Chinese news about Kidan, Jurchen and Mongol-Tatars]. 1857, 235 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
Vorobiev M. V. Chzhurchzheni i gosudarstvo Czzin' (X v. – 1234 g.) [Jurchen and the Jin state (X century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1975, 448 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.
Vorobiev M. V. Kul'tura chzhurchzhe'nej i gosudarstva Czzin' (X v. – 1234 g.) [The culture of Jurchen and Jin state (X century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1983, 368 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
Vorobiev M. V. Man'chzhuriya i vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevnejshih vremen do IX veka vkluchitel'no) [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times till the IX century inclusive)]. Vladivostok, Dal'nauka, 1994, 410 p. (in Russ.)
- История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.
Istorija Zolotoj imperii / Per. G. M. Rozova, komment. A. G. Malyavkina [History of the Golden Empire]. Novosibirsk, Institut Archaeologii i Ethnografii SO RAN, 1998, 288 p. (in Russ.)
- История Кореи. Т.1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 418 с.
Istorija Koreyi [History of Korea]. Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, Vol. 1, 418 p. (in Russ.)
- Кычанов Е. И.** Чжурчжэни в XI веке // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. С.269–281.
Kuchanov E. I. Chzhurchzhe'ni v XI veke [Jurchen in the XI century] // Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Novosibirsk, 1966, Sibirskij arheologicheskij sbornik, Vip. 2, p. 269–281. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** История чжурчжэней (XI–XII вв.) // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С.579–637.
Larichev V. E. Istorija chzhurchzheney (XI–XII v.) [History of Jurchen (XI–XII centuries)] // Materialy po drevnej istorii Sibiri. Ulan-Ude, 1964, p. 579–637. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
Larichev V. E. Tajna kamennoj cherepahi [The mystery of stone tortoises]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd., 1966, 254 p. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 205–224.
Larichev V. E. Navershie pamyatnika knyazyu Zolotoj imperii (Ussurijsk, Primorye) [The finial of the monument to the Prince of the Golden Empire (Ussuriysk, Primorye)] // Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Bronzovy'j i zhelezny'j vek Sibiri. Novosibirsk, Nauka, 1974, Vip. 4, p. 205–224. (in Russ.)
- Малявкин А. Г.** Цзинь-ши // Сборник научных работ пржевальцев. Харбин: 1942. С. 41–58.
Malyavkin A. G. Czzin'-shi [Jin-Shi] // Sbornik nauchnyh работ przhevalcev. Harbin: 1942, p. 41–58. (in Russ.)
- Окладников А. П.** Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 292 с.
Okladnikov A. P. Dalekoe proshloe Primorya [The distant past of Primorye]. Vladivostok, 1959, 292 p. (in Russ.)
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973. 440 с.
Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya [The distant past of Primorye and the Amur region]. Vladivostok, dalnevostochnoe knizhnoe izd., 1973, 440 p. (in Russ.)

Шавкунов В. Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5. С. 57–64.

Shavkunov V. E. Elan epohi chzhurchzhe`nej [Elan of the era of the Jurchen] // Bulletin of DVO RAN. Vladivostok, 2007, № 5, p. 57–64. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Шавкунов Владимир Эрнстович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Пушкинская 89, Владивосток, 690001, Россия, vshavkunov@yandex.ru)

Vladimir E. Shavkunov, Candidate of Science (History), senior research associate of the Laboratory of archaeology of the Amur region, Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS (89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation, vshavkunov@yandex.ru)

УДК 929.62
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-65-76

Гербы рода Датэ

А. А. Речкалова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В работе рассмотрена трансформация визуального облика гербов рода Датэ на примере письменных и материальных источников. Процесс формирования геральдического наследия этого крупного феодального клана начался сравнительно рано – в конце XII в., и, как и у многих других представителей военного сословия, на протяжении нескольких веков иконография гербов была подвержена постоянным изменениям и относительную стабильность приобрела лишь к середине XIX в. В ходе изучения геральдического наследия этого рода проявился естественный дисбаланс в количестве и качестве исторических источников при изучении более ранних и более поздних геральдических изображений. Нижняя граница хронологических рамок исследования определяется концом XVI – началом XVII в., а верхняя граница – серединой XIX в., поскольку именно этим периодом датируется основной массив известных на данный момент материальных носителей геральдических изображений. Анализ геральдической истории рода Датэ поставил под вопрос целесообразность разделения гербов, принадлежавших одному кровнородственному объединению, на официальные и неофициальные. Эта классификация, разработанная в эпоху Эдо для регламентации использования геральдики, не подтверждается известными на данный момент источниками.

Ключевые слова

Геральдика, ка-мон, род Датэ, официальный герб, неофициальный герб

Для цитирования

Речкалова А. А. Гербы рода Датэ // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-65-76

Emblems of the Date Clan

Anastasiya A. Rechkalova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Emblems (*kamon*) of the Date clan are a typical example of accumulated heraldic symbols within one blood-related association. However, the number of *kamon* can be considered incredible even for the Japanese military society. Historical sources confirm that the heads of the Date clan used at least eight emblems for individual and family identification and

© А. А. Речкалова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

two heraldic symbols that were applied as a decorative element of personal belongings and architectural ensembles of different years.

Since the end of the 12th century, when the founder of the Date clan received the first *kamon* from Minamoto no Yoritomo as a reward for faithful service in the war against the Ōshū Fujiwara clan, and until the end of the Edo period when the feudal system ceased to exist, the design and status of the emblems have been changed many times. This paper studies the visual transformation of the Date clan emblems between the end of the 16th – mid 19th centuries, as the majority of preserved historical sources are dated as part of this period. The analysis of artifacts and documents showed that the highest increase in the number of *kamon* of the Date family occurred between the last third of the 16th century – first third of the 17th century. The new emblems included those that heads of the clan received as a reward for faithful service and those that they created as a declaration of aesthetic principles. Furthermore, the range of tangible objects, which were marked with emblems, significantly expanded. *Kamon* became an integral part of everyday life and in many cases, the emblems were not only a mark of property but also a decorative element. Probably, for this reason, the composition of *kamon* is both stabilized and complicated.

Keywords

Heraldry, *kamon*, Date clan, official coat of arms, unofficial coat of arms

For citation

Rechkalova A. A. Emblems of the Date clan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 65–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-65-76

История гербов рода Датэ представляет собой типичный для японского военного сословия пример аккумуляции нескольких геральдических символов внутри одного кровно-родственного объединения за тем исключением, что геральдическую коллекцию княжества Сэндай¹ можно назвать беспрецедентно обширной: восемь гербов, чье использование представителями рода Датэ подтверждено письменными и вещественными источниками, и еще две эмблемы², которые встречаются в качестве декоративного элемента на личных вещах и в убранстве архитектурных ансамблей разных лет.

Основная сложность в изучении японской родовой геральдики, или 家紋 *ка-мон* (букв. «семейный герб»), заключается в том, что иконография и статус гербов многократно менялись на протяжении существования рода. Относительную стабильность японская геральдическая система приобрела только к концу эпохи Эдо (1603–1868), в то время как сама история геральдики военного сословия в Японии началась значительно раньше. В ходе изучения геральдического наследия этого рода проявился естественный дисбаланс в количестве и качестве исторических источников при изучении более ранних и более поздних геральдических символов. Недостаток фактического материала не является порождением современного состояния исторической науки, даже в наиболее ранних письменных памятниках (рубеж XVII–XVIII вв.) первые попытки обобщения сведений о семейных гербах *ка-мон* сталкивались с проблемой отсутствия исторических источников, относящихся к предшествующим историческим эпохам.

В первую очередь, эта проблема касается древнейшего из гербов рода Датэ, а именно 三引兩紋 *мицу хикирэ:-мон* (букв. «три вертикальные черты», перенос. «три дракона»)³. О его происхождении приходится судить по письменным источникам конца XVII – начала XVIII в. Со-

¹ Феодалное княжество Сэндай-хан 仙台藩 (1600–1871) располагалось на территории современных префектур Мияги, Иватэ и Фукусима.

² Имеются в виду эмблемы 薺 *надзуна* (букв. «пастушья сумка») и 鴛鴦の丸 *оси-но мару* (букв. «утки-мандаринки, расположенные друг напротив друга»), которые в рамках данной статьи рассматриваться не будут. Геральдический статус этих эмблем не подтверждается историческими источниками [Войтишек, Речкалова, 2017. С. 68–84].

³ Здесь и далее названия гербов приводятся по [Такасава Хитоси, 2011].

гласно трактату «О гербах» (御紋之事 *Го-мон-но кото*)⁴, полевая ширма с изображением герба 二つ引両紋 *футацу хикирё:-мон* (букв. «две вертикальные черты», перенос. «два дракона») была пожалована основателю рода Датэ Томомунэ (1129–1199) сёгуном Минамото-но Ёритомо (1147–1199) вместе с уездом Датэ провинции Муцу⁵ за участие в походе 1189 г. против северной ветви рода Фудзивара. Герб *мицу хикирё:-мон* – это видоизмененная последующими поколениями эмблема *футацу-хикирё:*, к которой последующие поколения добавили еще одну черту и которую вписали в окружность⁶.

Вещественные источники также имеют сравнительно позднее происхождение и датируются рубежом XVI–XVII вв. В коллекции Музея города Сэндай (преф. Мияги) хранятся принадлежавшие 17-му главе рода Датэ Масамунэ (1567–1636) деревянные чаши, которые украшены вариацией герба *мицу хикирё:-мон*, более известной как *しない三引紋* *синай мицу хики-мон* (букв. «три изогнутые внутрь вертикальные линии»). Вертикальные черты внутри окружности изогнуты вправо и влево.

В коллекции храма Дзуйган-дзи 瑞巖寺 (Мацусима, преф. Мияги) хранится меч 大脇指 дайвакидзаси, пожалованный в 1655 г. Датэ Тадамунэ (1600–1658) в погребальный комплекс Дзуйходэн 瑞鳳殿, где расположена могила его отца Масамунэ [Датэ Ясумунэ, 1997]. На мече изображены два герба – *九曜紋* *куё:-мон* (букв. «девять звезд») и *мицу хикирё:-мон*, композиция последнего отличается тем, что толщина черт внутри окружности меньше линии окружности, к которой они прилегают плотно, без какого-либо зазора. В храме выставлена статуя Датэ Масамунэ в доспехе, на нагрудной части которого также изображен герб *синай мицу хики-мон*.

На гарде меча⁷ из поминального комплекса Кансэндэн 感仙殿, где расположена могила Датэ Тадамунэ, изображена эмблема *футацу-хикирё:*, которая, по всей видимости, не использовалась родом уже на протяжении нескольких столетий. Вероятно, этот пример является единичным случаем использования устаревшей формы герба, поскольку в отделке еще одного меча из того же комплекса (*しない三引九曜紋糸巻きの太刀*)⁸ использованы гербы *синай мицу хики-мон* и *куё:-мон*, а гарда украшена изображением *кири-мон*. Герб *синай мицу хики-мон* встречается также на шлеме и наручных щитках парадного доспеха Тадамунэ (*黒漆五枚胴具足*)⁹ и на его печати¹⁰.

⁴ Трактат также известен как 御紋之事吟味仕候覚 *Го-мон-но кото гимми сико:каку* и состоит из следующих частей: текст «О семейных гербах» (家之紋之事 *Ути-но мон-но кото*), 1686 г., автор неизвестен; отчет о результатах изучения архивных и вещественных источников, составленный в 1705 г. ученым-конфуцианцем Юса Бокусай (1658–1734); результаты опроса представителей рода Датэ и их вассалов, проведенного Юса Бокусай в 1705 г. Рукопись и факсимильные издания не сохранились, памятник дошел до наших дней в составе более позднего корпуса текстов «Исторические источники рода Датэ» (伊達氏史料 *Датэ-си сирё:*, 1888). Трактат «О гербах» – это старейший из известных на данный момент обобщающих трудов, посвященных исключительно геральдике рода Датэ.

⁵ Уезд Датэ, совр. преф. Фукусима. Название рода произошло от топонима.

⁶ Эта гипотеза также изложена в «Генеалогии, составленной в эру Кансэй» (寛政重修諸家譜 *Кансэй тё:сю: сёкафу*, 1789–1801) / Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки // 寛政重修諸家譜 *Кансэй тё:сю: сёкафу*. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2577293?tocOpened=1> (дата обращения 26.04.2018). Описание трактата «О гербах» см. [Такахаси Акэми, 1998. С. 2; Датэ Ясумунэ, 2010. С. 1].

⁷ Электрон. коллекция храма Дзуйган-дзи. URL: <http://www.zuiganji.or.jp/museum/index.html> (дата обращения 26.04.2018).

⁸ Электрон. коллекция поминального комплекса Дзуйходэн. Подробнее см. URL: <http://www.zuihoden.com/document/introduce/> (дата обращения 26.04.2018).

⁹ Частная коллекция.

¹⁰ Электрон. коллекция Музея города Сэндай. Здесь и далее подробнее см. URL: <https://www.city.sendai.jp/museum/shuzohin/shuzohin/index.html> (дата обращения 26.04.2018).

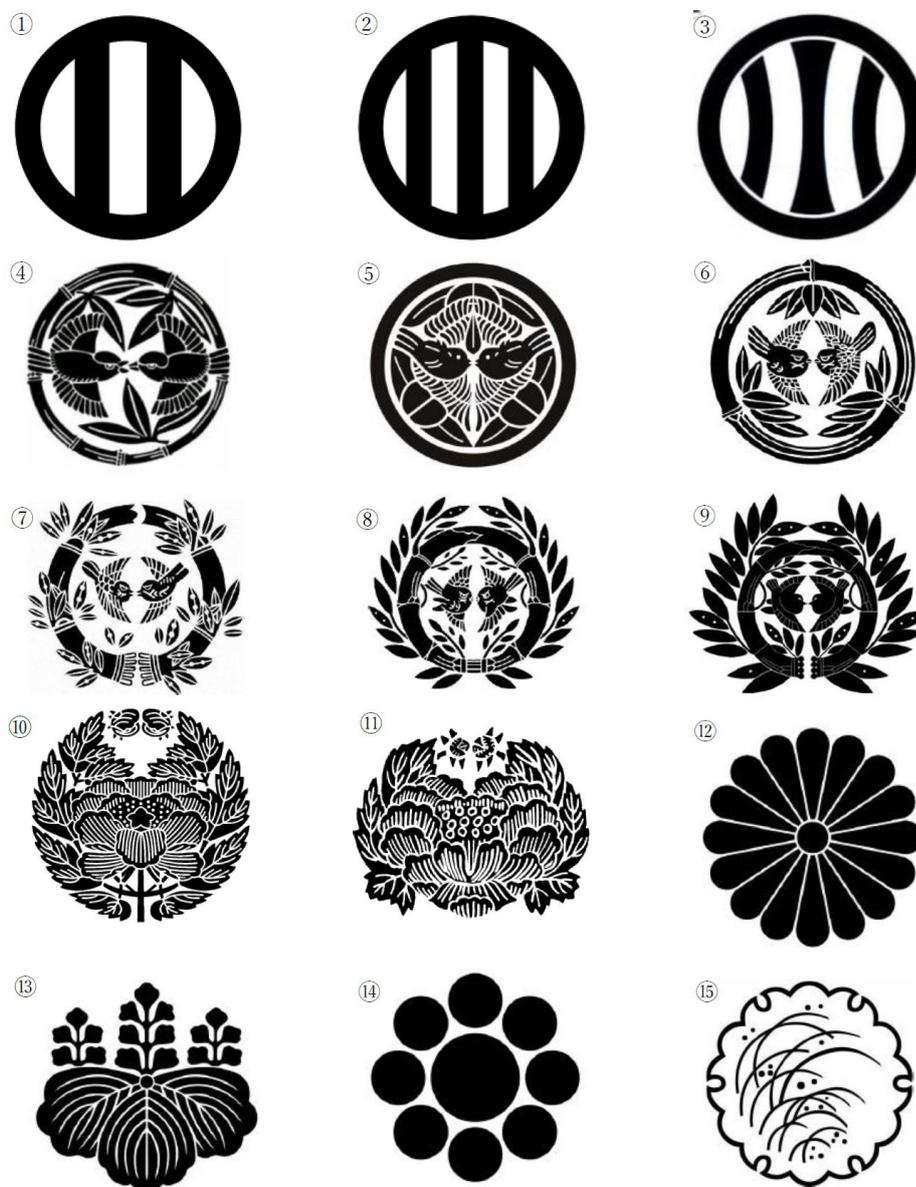

Рис. 1. Гербы рода Датэ: 1 – 二つ引両紋 *футацу хикирё*:-мон (букв. «две вертикальные черты», перенос. «два дракона»); 2 – 三引両紋 *мицу хикирё*:-мон (букв. «три вертикальные черты», перенос. «три дракона»); 3 – 横しない三引紋 *ёко синай мицу хики-мон* («три изогнутые внутрь вертикальные линии»); 4, 5, 6, 7, 8, 9 – вариации герба *竹に雀紋 такэ-ни судзумэ-мон* («воробьи в бамбуке»); 10 – 近衛牡丹紋 *Коноэ ботан-мон* («пион рода Коноэ»); 11 – 蟹牡丹紋 *кани ботан-мон* («крабообразный пион») или *仙台牡丹 Сэндай ботан* («пион Сэндая»); 12 – 菊紋 *кику-мон* («хризантема»); 13 – 桐紋 *кири-мон* («павловния»); 14 – 九曜紋 *кюё*:-мон («девять звезд»); 15 – 雪薄紋 *юки сусуки-мон* («мискант на снегу»). По: [Такасава Хитоси, 2012. С. 231–233, 172–175, 254–255, 123–127, 132–134, 190–192, 163]

Fig. 1. Emblems of the Date clan: 1 – Futatsu hikiryō mon (lit. "two vertical lines", fig. "two dragons"); 2 – Mitsu hikiryō mon (lit. "three vertical lines", fig. "three dragons"); 3 – Yoko shinai mitsu hiki mon ("three vertical lines curved inwards"); 4, 5, 6, 7, 8, 9 – Variation of Take ni suzume mon ("sparrow and bamboo"); 10 – Konoe botan mon ("peony of Konoe clan"); 11 – Kani botan mon ("crab-shaped peony") or Sendai botan ("peony of Sendai"); 12 – Kiku mon ("chrysanthemum"); 13 – Kiri mon ("paulownia"); 14 – Kuyō mon (nine stars); 15 – Yuki susuki mon ("miscanthus and snow"). After: [Takasawa Hitoshi, 2012. pp. 231–233, 172–175, 254–255, 123–127, 132–134, 190–192, 163]

Герб *мицу хикирё:-мон* изображен на дверях поминального комплекса Дзэннодэн 善心殿, на территории которого располагается могила 19-го главы рода Датэ Цунамунэ (1640–1711), а также на артефактах, найденных во время раскопок на территории комплекса. Вписанные в окружность черты практически не изогнуты, расстояние между ними существенно увеличено по сравнению с более ранними изображениями.

Гораздо больше вещественных источников с изображением *мицу хикирё:-мон* в сочетании с другими гербами рода Датэ сохранилось со второй половины эпохи Эдо. По косвенным признакам можно заключить, что композиция с изогнутыми чертами считалась чем-то вроде древней формы герба *мицу хикирё:-мон*, поскольку встречается преимущественно на вещественных источниках, призванных воссоздать образы более ранних эпох. Для личных вещей и парадных доспехов главы рода Датэ предпочитали использовать более современный вариант с прямыми чертами.

Примером синхронного использования герба *мицу хикирё:-мон* и его вариации *синай мицу хики-мон* могут послужить источники периода правления 20-го главы рода Датэ Ёсимура (1680–1752). Например, на портрете ¹¹ кисти Датэ Ёсимура и на живописном свитке «Поколения семьи Датэ» (伊達家歴代画真, 1724 г.) ¹², созданном по его приказу, доспехи первого главы рода Датэ Томомунэ украшены гербом *синай мицу хики-мон*. Но для парадных доспехов (金小札五枚胴具足) ¹³, расписанной золотом лаковой шкатулки для хранения веера (竹に雀三引両紋蒔絵箱) ¹⁴ и других личных вещей Датэ Ёсимура выбирал герб *мицу хикирё:-мон*. Причем на большинстве источников ширина вертикальных черт сопоставима с шириной линии окружности, в которую они вписаны, и расстояние между ними довольно большое. Встречаются как артефакты, где черты и окружность существенно отделены друг от друга, так и такие, где расстояние между элементами композиции не слишком большое.

Со второй половины XVIII в. композиция герба *мицу хикирё:-мон* практически не менялась и состояла из трех вертикальных черт, вписанных в окружность, но не соприкасавшихся с ней. В иконографии конца XVIII – середины XIX в. встречаются примеры, где расстояние между чертами и окружностью составляет более 1 мм, однако в подавляющем большинстве оно составляло 1 мм и меньше. Стабильность композиции этого герба могла быть связана с ограничением сферы его применения в связи с утратой популярности.

Истоки герба 竹に雀紋 *такэ-ни судзумэ-мон* (букв. «воробьи в бамбуке») связывают с именем 15-го главы рода Датэ Харумунэ (1519–1578). Согласно трактату «О гербах», изначально он принадлежал роду Уэсуги, с которым род Датэ был связан кровными узами. Мать 14-го главы Датэ Танэмунэ (1488–1565) была дочерью хозяина провинции Этиго, а его третий сын был обещан роду Уэсуги для усыновления. Для скрепления родственного союза глава рода Уэсуги Сададзанэ (1478–1550) преподнес в дар роду Датэ семейную реликвию – меч Усами Нагамицу 宇佐美長光太刀 ¹⁵ вместе с правом использовать герб *такэ-ни судзумэ-мон*. В результате междоусобной войны внутри клана Датэ (天文の乱 Тэмбун-но ран, 1542–1548) переговоры об усыновлении прекратились, что привело к вражде между кланами Датэ и Уэсуги. Несмотря на нарушение договора, Датэ Харумунэ, встав во главе рода после свержения отца, не стал возвращать реликвию и отказываться от использования герба *такэ-ни судзумэ-мон* [Датэ Ясумунэ, 2010. С. 4; Такахаси Акэми, 1998. С. 2, 9; Овада Ясумунэ, 2018. С. 39].

¹¹ Коллекция храма Мансёдзи 満勝寺 (г. Сэндай, преф. Мияги). URL: <http://www.manshouji.jp/> (дата обращения 26.04.2018).

¹² Коллекция Музея города Сэндай.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Коллекция Музея города Сэндай.

С момента появления в роду Датэ герб *такэ-ни судзумэ-мон* имел особую связь с военной амуницией. Чаще всего упоминания о нем связаны с полевыми ширмами и военными доспехами. По всей видимости, авторитет герба был довольно высок, так как с одной стороны, род Уэсуги контролировал обширные территории региона Канто, а с другой стороны, был связан с аристократическим родом Кадзюдзи – боковой ветвью рода Фудзивара.

Наиболее ранние источники с изображением герба *такэ-ни судзумэ-мон* датируются концом XVI в., т. е. тем периодом, когда род возглавлял Датэ Масамунэ. В трактате «О гербах» композиция этого герба на рубеже XVI–XVII вв. описывается следующим образом: «без ветвей и росы, листья прорисованы [непосредственно] из сучьев» [Такахаси Акэми, 1998. С. 2, 9]. Этому описанию соответствуют расписанная золотом лаковая подставка для мечей (金梨地竹に雀九曜紋刀掛け)¹⁶. Еще одна особенность геральдического изображения этого периода связана с положением клювов у фигур воробьев: у правой фигуры клюв открыт, а у левой – закрыт¹⁷.

Известно крайне мало источников, относящихся ко второй трети XVII в., наиболее примечательные среди них – боевой доспех Датэ Цунамунэ (黒漆五枚胴具足) и посмертная статуя Датэ Тадамунэ¹⁸. Гораздо больше источников сохранилось со времен правления Датэ Цунамура (1659–1719) и Датэ Ёсимура (1680–1752). В этот период иконография герба существенно диверсифицируется. При сохранении ранних вариантов композиции с меньшим количеством листьев появляются также и структурно более сложные изображения с большим количеством элементов. Например, как на чаше 竹に雀紋松竹朱漆絵椀類 *Такэ-ни судзумэ-мон мацутаке сюуруси-э ванруй*¹⁹, или на шелковом кимоно 白絹地竹に雀紋松竹梅鶴亀銀描絵小袖 *Сирогину-ти такэ-ни судзумэ-мон мацутакезуме цурукамэ гинкакиэ косодэ*²⁰. В обоих случаях внутри бамбуковых побегов с трех сторон располагается по три листа, что делает композицию максимально приближенной к оригинальному гербу, полученному от рода Уэсуги²¹.

В начале XVIII в. композиция герба продолжает усложняться, и на шкатулке для хранения генеалогии рода Датэ²² (金梨地竹に雀紋蒔絵箱)²³, изготовленной по приказу Датэ Цунамура в 1711 г., и на инструментарии по случаю совершеннолетия (竹に雀九曜紋蒔絵元服道具)²⁴ листья изображены как с внутренней, так и с внешней стороны бамбуковых побегов. Причем количество листьев в скоплениях варьируется от трех до пяти.

Во второй половине эпохи Эдо герб приобрел окончательную композицию. У бамбука появились корни и ветви, количество побегов увеличилось до четырех, листья начали украшать каплями росы и рисовать из ветвей, которые окружают побеги как с наружной, так и с внутренней стороны. Конфигурация фигур воробьев также изменилась: одну из них зритель видит со спины, другую – анфас. Спина и голова воробьев окрашены в охристо-коричневый цвет. До последней трети XVIII в. преобладала композиция с 52 листьями, где 32 листа располагались с внешней стороны и 20 – с внутренней. Такой вариант композиции герба *такэ-ни судзумэ-мон* можно видеть на расписанной золотом по лаку шкатулке для хранения веера-

¹⁶ Коллекция Музея города Сэндай. Подставка датируется рубежом XVI–XVII вв.

¹⁷ Такое положение клювов воплощает концепцию 阿吽 *а-ун* – японская транслитерация первой и последней букв санскритского алфавита. Концепция *а-ун* – это символическое воплощение начала и конца всех вещей, сакральный звук «слово силы», наивысшая мантра.

¹⁸ Установлена в храме Сэнгакуин 仙岳院 (г. Сэндай, преф. Мияги).

¹⁹ Коллекция Музея города Сэндай.

²⁰ Там же.

²¹ Это совпадает с описанием герба, приведенным Юсай Бокусай в трактате «О гербах», в части, где зафиксирована беседа с Хатия Хикосукэ.

²² Речь идет о генеалогии, написанной регентом *камтаку* Коноэ Иэхиро 近衛家熙 (1667–1739)].

²³ Коллекция Музея города Сэндай.

²⁴ Там же.

опахала²⁵ (竹に雀三引両紋蒔絵箱), на кото²⁶ третьей дочери Датэ Ёсимура, на черном лакированном коробе для полковых знамен (黒漆塗隊旗箱)²⁷, на книжной полке (黒漆塗雪薄竹に雀紋桜枝散蒔絵厨子棚)²⁸ и пр.

В последней трети XVIII в. на изображениях герба количество листьев остается прежним, но меняется их конфигурация – 30 листьев с внешней стороны и 22 листа с внутренней стороны бамбуковых побегов. Количество бамбуковых побегов возросло до восьми, положение и количество листьев стало более унифицированным, свободное пространство между ними максимально сократилось. Изменилось также положение клювов воробьев: у обеих фигур клюв находится в открытой позиции «а». В коллекции Музея города Сэндай можно найти массу примеров использования герба *такэ-ни судзумэ-мон* с такой композицией. Например, лаковые изделия и доспехи, принадлежавшие четырем главам рода – Датэ Тикамура (1796–1812), Датэ Нарийэси (1798–1828), Датэ Нарикунэ (1817–1841), Датэ Ёсикунэ (1825–1874). Однако самым известным экспонатом является походная накидка с узором в виде пятицветных горошин разного размера (紫羅背板地五色水玉模様陣羽織 *Мурасаки расэита дзисёку мидзу тама монё: дзимбаори*)²⁹, по легенде принадлежавшая Датэ Масамунэ.

Согласно трактату «О гербах», герб *牡丹紋 ботан-мон* (букв. «пион») был получен родом Датэ от аристократического рода Коноэ. В подтверждение приводится письмо Коноэ Мотохиро 近衛基熙 (1648–1722) от 1680 г. к Датэ Цунамура с разрешением использовать герб *牡丹紋 Коноэ ботан-мон* (букв. «пион рода Коноэ») [Такахаси Акэми, 1998. С. 13; Датэ Ясумунэ, 2010. С. 5].

Сохранилось много вещественных источников, позволяющих проследить иконографию герба *ботан-мон* с момента его появления у рода Датэ до настоящего времени. Наиболее раннее происхождение имеет шкатулка (金梨地牡丹紋蒔絵旗箱)³⁰ для хранения родовой реликвии – темно-синего боевого знамени без узоров. Вероятно, герб нанесли на шкатулку незадолго после получения разрешения на его использование, заменив им древнейший герб рода Датэ – *мицу хикирё:-мон*. Его композиция практически идентична оригинальному гербу рода Коноэ.

По всей видимости, представители рода Датэ придавали большое значение праву использовать герб *ботан-мон*, поскольку таким образом они демонстрировали свою связь с благородным родом Коноэ. Тем не менее, композиция герба недолго оставалась неизменной. Уже в правление Датэ Ёсимура появляется видоизменное изображение, которое затем при его сыне

²⁵ При жизни Датэ Цунамура веер почитался как родовое сокровище, поскольку по бытовавшему в то время преданию был пожалован первым главой рода Датэ Томомунэ храму Накамура Хатимангу 中村八幡宮 в исторической провинции Симоцукэ. Согласно «Исторической хронике Датэ Цунамура» (青山公治家記録 *Ко:дзан ко:дзикэ кироку*), в феврале 1679 г. мастеру по лаку, который отреставрировал этот веер, были подарены три комплекта сезонной одежды, а мастеру, изготовившему мешочек для хранения веера, была пожалована эллипсоидная монета, обернутая в серебряную фольгу (白銀 *хакугин*).

²⁶ Инструмент создан в 1691 г., примечателен богатым декором из морских раковин. Коллекция Ассоциации сохранения культурного наследия Датэ Увадзима (宇和島伊達文化保存会 *Увадзима Датэ бунка ходзонкай*). URL: <http://wwwb.pikara.ne.jp/off-date/index.html> (дата обращения 26.04.2018).

²⁷ Под полковыми знаменами подразумеваются изготовленные в 1677 г. по приказу Датэ Цунамура флаги, на которые были нанесены названия святилищ Сиогама-дзиндзя 鹽竈神社 и Камэока Хатиман-гу 亀岡八幡, а в 1722 г. по приказу Датэ Ёсимура они были изготовлены и расписаны мастером Дзимёин Мотоо 持明院基雄. Короб для хранения знамен был изготовлен в том же году. Экспонируется в Музее города Сэндай.

²⁸ Коллекция Музея Тёкокан (г. Сага, преф. Сага). Подробнее см. URL: <http://www.nabeshima.or.jp/collection> (дата обращения 26.04.2018).

²⁹ По всей видимости, накидка была создана во второй трети эпохи Эдо. В пользу этой гипотезы говорит композиция герба, характерная для последней трети XVIII – нач. XIX вв.: с внешней стороны бамбуковых побегов изображено 30 листьев и между ними практически нет пустот. Экспонируется в Музее города Сэндай.

³⁰ Коллекция Музея города Сэндай.

Датэ Мунэмура получило название 蟹牡丹紋 кани *ботан-мон* (букв. «крабообразный пион»), или 仙台牡丹 *Сэндай ботан* (букв. «пион Сэндая»).

Герб кани *ботан-мон* вместе с классическим вариантом Коноэ *ботан-мон* можно увидеть на нагрудной пластине доспеха Датэ Ёсимура³¹; на шкатулке для хранения секретных бумаг (伊達成宗秘伝書箱)³² и на личных вещах Датэ Мунэмура. Еще при жизни последнего было принято решение вернуться к оригинальной композиции герба, поэтому к роду Коноэ было вновь послана просьба о разрешении использовать их герб. Род Коноэ ответил принципиальным согласием, однако в письме в уклончивой форме высказан совет немного изменить композицию гербов дочерей и родственников князя Датэ³³. Тем не менее, несмотря на все усилия по возвращению к исходной композиции герба, род Датэ продолжал параллельно использовать и вариацию кани *ботан-мон*.

Гербы 菊紋 *кику-мон* (букв. «хризантема») и 桐紋 *кири-мон* (букв. «павловния») появились у рода Датэ приблизительно в одно время и из одного источника, поэтому есть смысл рассмотреть их историю вместе. Согласно трактату «О гербах», Тоётоми Хидэёси (1537–1598) пожаловал их Датэ Масамунэ в конце XVI в. [Такахаси Акэми, 1998. С. 4].

В пользу этой версии говорят и вещественные источники. Короткий меч (鎬藤四郎短刀), который Датэ Масамунэ получил в дар от Тоётоми Хидэёси, хранится в ларце (蒔絵二重短刀箱)³⁴. Наружный бок ларца украшен ромбообразным узором, внутри каждого ромба изображен герб *кику-мон*. Внутренний бок выполнен в совершенном ином стиле: черная лаковая поверхность расписана золотыми изображениями герба *кири-мон*. Гербы *кику-мон* и *кири-мон* также украшают доспех³⁵, который Тоётоми Хидэёси пожаловал в 1590 г. Датэ Масамунэ [Ситтэокитай камон то мё:дзи, 2016. С. 24–25; Такахаси Кэнъити, 1974. С. 146–148].

Известно довольно много источников периода правления Датэ Масамунэ, которые связаны с гербами *кику-мон* и *кири-мон*. Например, подставка для мечей³⁶ начала XVII в., украшенная 16-лепестковой хризантемой *кику-мон* и цветами павловнии с пятью и семью лепестками *го-ситти кири-мон*; внутренние поверхности шкатулки для поэтической антологии «Собрание старых и новых песен Японии» (古今和歌集 *Кокинвакасю*)³⁷ заполнены изображениями герба *кири-мон*; на гарде и отделке длинного меча 拵え *косираэ*³⁸ из поминального комплекса Дзуйходэн изображены два герба вместе – *кири-мон* и 葵紋 *аой-мон* (букв. «копытень стебельчатый»)³⁹. В архитектурном ансамбле комплекса Дзуйходэн, а также на главных воротах раз-

³¹ Коллекция Музея города Сэндай.

³² В 1679 г. в архивах княжества были обнаружены секретные записи Датэ Наримунэ (1435–1487), для хранения которых и была изготовлена шкатулка. Точная дата изготовления шкатулки неизвестна, предположительно в правление Датэ Ёсимура. Экспонируется в Музее города Сэндай.

³³ При жизни Датэ Мунэмура случилась междоусобная война между главным родом Сэндай Датэ и ветвью рода Увадзима Датэ из-за права на обладание гербом Коноэ *ботан-мон*. Глава рода Датэ обратился к роду Коноэ с просьбой запретить боковой ветви Увадзима Датэ использовать этот герб, однако род Коноэ предпочел не вмешиваться во внутриклановое противостояние. В итоге роду Увадзима Датэ удалось отстоять право на использование герба Коноэ *ботан-мон* [Такахаси Акэми, 1998. С. 14].

³⁴ Коллекция Художественного музея Хомма (本間美術館 *Хомма бидзюцукан*). Г. Саката, преф. Ямагата. URL: <http://www.homma-museum.or.jp/collection/#collection039> (дата обращения 26.04.2018).

³⁵ Коллекция Музея города Сэндай.

³⁶ Коллекция Музея города Сэндай.

³⁷ Частная коллекция. Начало эпохи Эдо.

³⁸ Включает в себя ножны (*сая*), рукоять (*цука*), крепящуюся к хвостовику клинка посредством клинышка (*мэкуги*), кожаное покрытие рукояти (*самэгава*), оплетку шнуром (*цука-ито*), муфту (*хабаки*), гарду (*цуба*), декоративную вставку (*мэнуки*), навершие рукояти (*цука-гасира*) и т. д.

³⁹ По всей видимости, этот меч имеет некоторое отношение к роду Токугава. Подробнее см. Электрон. Коллекцию коллекции поминального комплекса Дзуйходэн.

рушенного во Вторую мировую войну замка Сэндай можно увидеть изображения гербов *кику-мон* и *кири-мон*⁴⁰.

Датэ Тадамунэ вслед за своим отцом продолжил активно использовать эти гербы, однако после его смерти наметилась тенденция к сокращению сферы их применения. В трактате «О гербах» можно найти строки, лично надиктованные князем Датэ Цунамура, в которых говорится, что поскольку эти гербы принадлежали императору, их использование было ограничено [Такахаси Акэми, 1998. С. 14]. Со времен правления Датэ Цунамура до наших дней дошла шкатулка для хранения свитков поэтической антологии «Сто стихотворений ста поэтов» (百人一首 *Хякунин иссю*) императора Госай 後西天皇 (1637–1685)⁴¹. Крышка шкатулки расписана гербами *кику-мон* и *кири-мон*, чье использование было санкционировано подписью императора.

Со второй половины XVIII в. до наших дней дошли единичные источники с изображениями гербов *кику-мон* и *кири-мон*. Герб *кику-мон* украшает зеркало 十六菊紋蓬莢柄鏡 и шкатулка для его хранения. Однако эти примеры являются скорее исключением из правил.

В трактате «О гербах» происхождение герба 九曜紋 *куё:-мон* (букв. «девять звезд») ⁴² связывается с именем Датэ Масамунэ, который попросил род Хосокава уступить ему этот герб. В подтверждение этой версии Юса Бокусай приводит такие вещественные источники, как принадлежавший Масамунэ веер-опахало, его похоронную табличку в комплекте с чашей и подставкой под нее [Такахаси Акэми, 1998. С. 16]. К сожалению, упомянутые источники не сохранились, но в музейных коллекциях можно найти другие экспонаты, принадлежавшие Датэ Масамунэ. Среди них упоминавшаяся уже шкатулка для хранения бумаги *тандзаку* и маленькая кожаная сумка 水牛制胴乱 *суйгю: до:ран*⁴³. Герб *куё:-мон* часто встречается в ансамбле поминального комплекса Дзуйходэн и на вещественных источниках, найденных при его раскопках. Например, на отделке меча статуи Датэ Масамунэ, изготовленной в 1676 г. мастером Кано Ясунобу (1614–1685).

Сын и внук Датэ Масамунэ продолжили традицию использования герба *куё:-мон*. Его изображения встречаются в ансамбле поминальных комплексов Кансэндэн и Дзэннодэн, а также на артефактах, найденных во время их раскопок (в том числе на парадных доспехах Датэ Тадамунэ и на его личной печати, на доспехах Датэ Цунамура и в отделке его складного ножа). Герб *куё:-мон* также украшает шнур для ношения меча на портрете Тадамунэ⁴⁴, написанном в последние годы его жизни.

Впоследствии сфера применения герба *куё:-мон* начала сокращаться. Во второй половине эпохи Эдо утварь, принадлежавшая роду Датэ, все чаще была отмечена гербом *такэ-ни судзумэ-мон*, а не *куё:-мон*. Все последующие главы княжеств продолжали использовать герб *куё:-мон* для украшения доспехов, но уже в сочетании с другими гербами – *мицу хикирё:-мон*, *такэ-ни судзумэ-мон* и *ботан-мон*.

Согласно трактату «О гербах», самый поздний герб в коллекции рода Датэ – 雪薄紋 *юки сусуки-мон* (букв. «мискант на снегу») появился в правление Датэ Масамунэ [Такахаси Акэми, 1998. С. 16]. Эта гипотеза подтверждается и вещественными источниками. Его изображение

⁴⁰ При раскопках руин замка было обнаружено множество декоративных накладок для головок гвоздей 釘隠し *кугикакуси*, замаскированных под гербы *кику-мон* и *кири-мон*. Хранятся в коллекции Музея города Сэндай.

⁴¹ Коллекция Художественного музея Номура (野村美術館 *Номура бидзюцукан*), Киото. URL: <http://nomura-museum.or.jp/> (дата обращения 26.04.2018).

⁴² Считается, что десять звезд – это солнце, луна, огонь, вода, дерево, металл, земля и два узла – северный Раху и южный Кету. Концепция десяти звезд тесно связана с верой в бодхисаттву Мёкэн 妙見菩薩 – бога Полярной звезды, который почитался как защитник воинов [Нумата Райсукэ, 1968. С. 277–289]. Возможно поэтому герб *куё:-мон* часто наносился на доспехи глав княжества, в отличие, например, от гербов *кику-мон*, *кири-мон* и *сусуки-мон*.

⁴³ Коллекция Музея города Сэндай.

⁴⁴ Коллекция храма Дзуйган-дзи.

встречается на седле и стремянах Датэ Масамунэ (朱漆雪薄紋鞍鐙)⁴⁵, а также на летнем кимоно из белого шелка (白絹縮地雪薄紋単衣)⁴⁶, которое Масамунэ пожаловал роду Сугано.

Трактат «О гербах» сообщает, что особенную привязанность к гербу юки сусуки-мон питал Датэ Тадамунэ [Там же]. Однако вещественные источники не подтверждают эту гипотезу. Зато сохранились примеры использования этого герба и его вариаций в период правления Датэ Цунамунэ. В частности, при раскопках погребального комплекса Дзэннодэн была найдена подставка для зеркала, богато декорированная узором в форме снежинок (雪論 юкирон) и плюща (蔦 цута). Этот источник не похож на типичный пример погребального мужского инвентаря, настолько ярко и празднично выглядит.

С конца XVII в. герб юки сусуки-мон благодаря своему изяществу в основном использовался для декорирования различной утвари, одежды и предметов искусства. Например, им украшено *кото* 花鳥山水蒔絵⁴⁷, а также уже упоминавшееся *кото* дочери Датэ Ёсимура, вариация этого герба была использована для украшения пояса кимоно матери Датэ Цунамура. В целом, на данный момент известно крайне небольшое количество источников с изображением герба юки сусуки-мон.

Таким образом, история гербов рода Датэ началась еще в конце XII в., однако современный уровень исторических знаний не позволяет реконструировать развитие семейных гербов со столь раннего времени. Судя по отрывочным данным более поздних источников, до начала эпохи Эдо гербы были преимущественно простыми по форме, с небольшим количеством элементов в композиции, часто несимметричными. На материальных носителях их размещали редко, гипотеза о массовом использовании вассалами гербов сюзерена как средства идентификации на поле боя⁴⁸ не подтверждается ни письменными документами, ни результатами археологических раскопок.

Активный прирост количества семейных гербов в роду Датэ пришелся на последнюю треть XVI в. – первую треть XVII в. и в целом совпал с последними крупными военными кампаниями как внутри Японии, так и за ее пределами. Причем среди появившихся гербов представлены те, что были пожалованы в награду за верную службу, и те, что были приобретены в силу эстетических пристрастий главы рода. При этом существенное расширение геральдической коллекции не повлекло за собой утрату в силу ненадобности составных частей этой коллекции.

Мирное время эпохи Эдо наложило свой отпечаток на развитие геральдики военного сословия. Акцент в функционале гербов сместился с военной сферы в область утилитарных потребностей и прикладного искусства. Все чаще гербы стали появляться не на военной амуниции, а на лаковой посуде, музыкальных инструментах, повседневной и парадной одежде, сундуках, шкатулках и других предметах обихода. Использование гербов в повседневной жизни стало более регулярным. Гербы не только и не столько выполняли функцию маркирования собственности, но выступали как самостоятельный декоративный элемент. Вероятно, именно это привело к усложнению композиции гербов. Изображения начали тяготеть к симметрии; стабилизировалось количество, размер и расположение элементов. Однако тенденция к незначительным изменениям облика герба под влиянием эстетических предпочтений, политических обстоятельств и иных факторов сохранялась вплоть до упразднения феодальной системы в Японии.

⁴⁵ Этот источник является единственным в своем роде примером использования этого герба на военной амуниции. Экспонируется в Музее города Сэндай.

⁴⁶ Коллекция Музея города Сэндай.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Подробнее см. [Нихон монсё: дайdzукан, 1978. С. 17].

Анализ исторического развития геральдики рода Датэ ставит под вопрос принцип разделения семейных гербов на официальные и неофициальные, а также целесообразность выделения «главного герба рода». Письменные и вещественные источники наглядно демонстрируют, как изменения в эстетических предпочтениях того или иного главы рода на разных исторических этапах влияли на статус гербов, их визуальный облик и функциональное содержание. Отсюда можно сделать вывод о нестабильном положении семейных гербов *ка-мон*, об их подверженности влиянию различных факторов.

Список литературы / References

- Войтишек Е. Э., Речкалова А. А.** Политические игры с благовониями: даймё Датэ Масамунэ и его увлечения изящными искусствами // Японские исследования. 2017. № 3. С. 68–84.
Voytishkek E. E., Rechkalova A. A. Political Games with Incense: daimyo Date Masamune and his Passion for Japanese Traditional Arts. Japanese studies in Russia. Moscow, 2017, № 3, p. 68–84. (in Russ.)
- Датэ Ясумунэ.** Датэкэ кэйфу то камон [伊達泰宗。伊達家系譜と家紋]. Генеалогия и геральдика рода Датэ // Сэндай: Датэ тайдзан бунко. 1996. Т. 1, № 2. 8 с. (на яп. яз.)
Date Yasumune. Dateke keifu to kamon [伊達泰宗。伊達家系譜と家紋]. Genealogy and heraldry of Date clan. Sendai, Date taizan bunko, 1996, vol. 1, №2, 8 p. (in Jap.)
- Датэ Ясумунэ.** Кёгаминэ Датэкэ ходзё: то соно рэкиси. [伊達泰宗。経ヶ峯伊達家墓所とその歴史]. Погребальный комплекс рода Датэ в Кёгаминэ и его история // Сэндай: Датэ тайдзан бунко. 1997. Т. 1, № 3. 8 с. (на яп. яз.)
Date Yasumune. Kyogamine Dateke hojō to sono Rekishi [伊達泰宗。経ヶ峯伊達家墓所とその歴史]. Kyogamine grave area of Date clan. Sendai, Date taizan bunko and its history, 1997, vol. 1, №3, 8 p. (in Jap.)
- Нихон монсё:** дайdzукан [日本紋章大図鑑]. Иллюстрированное руководство по японской геральдике. Токио: Синдзинбуцу о:райся, 1978. 112 с. (на яп. яз.)
Nihon monshō daizukan [日本紋章大図鑑]. Illustrated Guide of Japanese heraldry. Tokyo, Shinjinbutsu ōraisha, 1978, 112 p. (in Jap.)
- Нумата Райсукэ.** Нихон монсё:гаку [沼田頼輔。日本紋章学]. Японская геральдика. Токио: Дзимбуцу о:райся, 1968. 1385 с. (на яп. яз.)
Numata Raysuke. Nihon monshogaku [沼田頼輔。日本紋章学]. Japanese heraldry. Tokyo, Jinbutsu ouraisha, 1968, 1385 p. (in Jap.)
- Овада Ясумунэ.** Сэнгоку бусё:-но ка-мон-но химерарэта надзо [小和田泰経。戦国武将の家紋の秘められた謎]. Загадки, спрятанные в гербах военачальников эпохи Сэнгоку // Рэки-сидзин, 2018. № 86, С. 38–47. (на яп. яз.)
Owada Yasumune. Sengoku bushō no kamon no himerareta nazo [小和田泰経。戦国武将の家紋の秘められた謎]. The mysteries hidden behind the emblems of the generals of Sengoku era. Rekisijin, 2018, №86, pp. 38–47. (in Jap.)
- Ситтэ окитай камон то мё:дзи** [知っておきたい家紋と名字]. Все, что вы хотели знать о семейных гербах и родовых именах. Токио: Такарадзимаса, 2016. 111 с. (на яп. яз.)
Shitte okitai kamon to myōji [知っておきたい家紋と名字]. All that you want to know about emblems and family names. Tokyo: Takarajimasha, 2016, 111 p. (in Jap.)
- Такахаси Акэми.** Датэкэ-но ка-мон-ни кан суру иккё:-сацу [高橋あけみ。伊達家の家紋に関する一考察]. Размышления о семейном гербе рода Датэ // Бюллетень Городского музея Сэндай № 19/ Сэндай: Сэндай-си хакубуцукан, 1998. С. 1–41. (на яп. яз.)
Takahashi Akemi. Dateke no kamon ni kan suru ikkō satsu [高橋あけみ。伊達家の家紋に関する一考察]. Thoughts about emblems of Date clan. Bulletin of the City Museum of Sendai. Sendai, №19, 1998, p. 1–41. (in Jap.)
- Такахаси Кэнъити.** Даймёкэ-но ка-мон [高橋賢一。大名家の家紋]. Семейные гербы крупных феодалов даймё. Токио: Акита сётэн, 1974. 310 с. (на яп. яз.)
Takasawa Kenishi. Daimyōke no kamon [高橋賢一。大名家の家紋]. The emblems of the Japanese feudal lords. Tokyo: Akita shoten, 1974, 310 p. (in Jap.)

Такасава Хитоси. Мё:дзи кара хику. Ка-мон-но дзитэн [高澤等。苗字から引く。家紋の事典]. Энциклопедия семейных гербов. От каждой фамилии. Токио: То:кио:до:, 2011. 592 с. (на яп. яз.)

Takasawa Hitoshi. Myōji kara hiku. Kamon no jiten [高澤等。苗字から引く。家紋の事典]. Encyclopedia of emblems. From the name to the emblem. Токио: Тōкүōдō, 2011, 592 p. (in Jap.)

Такасава Хитоси, Тикано Сигэру. Ка-мон-но дзитэн [高澤等、千鹿野茂。家紋の事典]. Энциклопедия семейных гербов. Токио: То:кио:до:, 2012. 358 с. (на яп. яз.)

Takasawa Hitoshi, Chikano Shigeru. Kamon no jiten [高澤等、千鹿野茂。家紋の事典]. Encyclopedia of emblems. Токио: Тōкүōдō, 2012, 358 p. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Речкалова Анастасия Александровна, аспирант кафедры востоковедения, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, rechkalova.nasutya@gmail.com)

Anastasiya A. Rechkalova, postgraduate student, Novosibirsk state university (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, rechkalova.nasutya@gmail.com)

УДК 94 (5)+ 7.03

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-77-89

Эволюция курильниц в контексте развития ароматической культуры в Китае

Е. Э. Войтишек, Яо Сун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В работе рассматривается история развития различных видов курильниц как части традиционной культуры Китая. Появление первых курильниц как разновидности ритуальных сосудов фиксируется в погребениях династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.). Через анализ различных видов и функций курильниц анализируются основные тенденции эволюции сосудов. При этом отмечается влияние контактов Китая с регионами, расположенными вдоль Шелкового пути. Несмотря на длительные периоды расцвета и упадка в производстве курильниц, отражающие сложные процессы историко-культурного развития и социально-политической ситуации в целом, в настоящее время функции курильниц в Китае остаются достаточно широкими: их используют в религиозных ритуалах в буддийских и даосских храмах; в бытовых и санитарно-гигиенических нуждах; в лечебно-профилактических целях. Курильницы являются неперенным элементом храмовой и парковой архитектуры, частью богатейшей азиатской аромакультуры и объектом многих видов декоративно-прикладного искусства, где используются сюжеты и образы, базирующиеся на традиционных ценностях китайской культуры. Это говорит о большой устойчивости многотысячелетней китайской цивилизации и высокой адаптивности аккультурационных моделей в условиях длительных межнациональных взаимодействий.

Ключевые слова

Ароматическая культура, Китай, благовония, курильницы, декоративно-прикладное искусство, ритуал, религиозные практики, межкультурные контакты

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Яо Сун. Эволюция курильниц в контексте развития ароматической культуры в Китае // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 77–89. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-77-89

Evolution of Censers Within the Development of Incense Culture in China

Elena E. Voytishek, Yao Song

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article explores the history of the development of different types of censers used as part of China's traditional culture. The earliest evidence of the first censers being used as a type of ritual vessel can be found in records of the Western Han

© Е. Э. Войтишек, Яо Сун, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

dynasty (206 BC–8 AD) burials. Through the meticulous analysis of the types, styles and functions of censers spanning over a course of more than two thousand years as China's incense culture developed, key trends of their evolution are explored. Furthermore, the article also studies China's active contacts with countries and regions located along the Great Silk Road which played a direct role in the formation and development of different varieties of these ritual vessels.

Despite the long periods of prosperity and decline in the production of censers, reflecting the complex processes of historical and cultural development and the socio-political situation as a whole, the functions of censers in China remain quite widespread. Censers are used in religious rituals in Buddhist and Taoist temples, for domestic, sanitary and hygienic needs, and for medical and prophylactic purposes. Censers are an indispensable element of temple and park architecture, part of the richest Asian aroma-culture and a part of many kinds of arts and crafts, which use stories and images based on traditional values of Chinese culture. This shows the great stability of the multi-thousand-year-old Chinese civilization and the high adaptability of acculturation models within the conditions of long-term interethnic interactions.

Keywords

Incense culture, China, fragrance, censer, arts and crafts, ritual, religious practices, intercultural contacts

For citation

Voytishchik E. E., Yao Song. Evolution of censers within the development of incense culture in China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 77–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-77-89

Использование китайской цивилизацией ароматических веществ и благовоний имеет очень длительную историю, что сделало возможным рождение богатейшей специфической культуры с большим разнообразием инструментария для возжигания и воскурения ароматического сырья. Среди техник и приемов освоения ароматических снадобий ярко выделяется традиция изготовления курильниц, где сжигали и куда помещали различные виды благовоний растительного и животного происхождения.

Специальные курильницы для возжигания ароматического сырья появились не ранее, чем при династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.)¹. Очевидно, возникновение таких сосудов было вызвано запросами и нуждами общества, а также распространением в среде знати мистических учений и практик, связанных с обретением бессмертия. Косвенным доказательством этого предположения является большое количество курильниц, найденных в захоронениях эпохи Хань. Среди находок выделяется особый тип курильниц 博山炉 *бошаньлу* в виде горы, которые можно считать своеобразными предшественниками всех курильниц, известных в Китае [Чэнь Цингуан, 1994. С. 33–36].

Название горы Бошань 博山 (букв. «универсальная гора») связывалось с мифологическими представлениями древних китайцев о двух важнейших обителях бессмертных небожителей – на священной горе на острове Пэнлай 蓬萊 в заливе Бохай в Восточном море, а также на горе Тайшань 泰山 в провинции Шаньдун, одной из пяти священных гор даосизма, являющейся символом верховной власти императора и величия мироздания². Дизайн этих изделий был связан с даосскими представлениями о физическом бессмертии. Курильницы *бошаньлу*

¹ При этом многие китайские ученые (Гао Минши, Ли Минчжу, Фу Цзинлянь, Цзя Тяньмин, У Букун, Чжан Фань, Линь Сяньюнь и др.) склонны возводить истоки практики воскурения ароматического сырья ко времени, предшествующему даже эпохам Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н. э.), усматривая в неолитических керамических сосудах 豆 *доу* и бронзовых треножниках 鼎 *дин* времени государства Шан (XIV–XI вв. до н. э.) древнейшие прототипы ритуальных курильниц эпохи Хань.

² Чэнь Цзюнькай. Чжунго гудай бошаньлу дэ цзаосин цзи яньбянь [陈钧锴. 中国古代博山炉的造型及演变]. Формы курильниц и их эволюция в Древнем Китае // Цзунхэ луньтань. Да утай, 2014. С. 254–256 / 1994–2018 China Academic Journal Electronic Publishing House. С. 254. URL: <http://www.cnki.net> (дата обращения 5.08.2018). (на кит. яз.). При этом горный массив Тайшань выступает не только символом мироздания и императорской власти, но и «священной горой» даосской космографии, образуя пару с мифическим архипелагом Пэнлай.

обычно изготавливали из металла или керамики, при этом верхнюю часть (крышку) оформляли в виде горы (山山 *сяньшань*), где, по даосским понятиям, обитали бессмертные. В оформлении крышки присутствуют выгравированные фигурки легендарных святых и мифологических животных, а среди горных пиков искусно замаскированы отверстия, через которые выходит ароматный дым от благовоний.

Этот вид курильниц просуществовал около 700 лет, сохранив свою популярность вплоть до V–VI вв. В эпоху Северных и Южных династий, или Наньбэйчао (420–589) курильницы с рельефом в виде гор были так популярны, что само слово *бошаньлу* стало употребляться в значении «сосуд для воскурения благовоний» или «благовония» [Фу Цзинлян, 2011. С. 20–22].

В эпоху Восточная Хань (25–220) по мере распространения буддийского вероучения в Китай стали ввозиться новые виды благовоний и специй. Одновременно с этим обосновывались идейные концепции по их применению, совершенствовались способы и приемы их использования. С течением времени вместе с появлением практики окуривания одежды ароматным дымом и с активным строительством буддийских храмов и монастырей при династиях Вэй, Цзинь и эпохе Наньбэйчао (V–VI вв.) была заложена традиция использования разнообразных курильниц в повседневной жизни. При эпохе Тан (618–907) техника литья из золота и серебра вместе с искусством обжига фарфора достигли впечатляющих высот, что обеспечило расцвет массового производства курильниц. Некоторые типы изделий эпохи Тан (такие, как трехцветные керамические курильницы 三彩瓷炉 *саньцай цылу* и курильницы в виде треножника 三足炉 *саньцзюлу*) благополучно дожили до эпохи Сун (X–XIII вв.) [Чжоу цин., 2004. С. 107].

Благодаря существованию Великого Шелкового пути, который способствовал развитию культурных и торговых обменов между Востоком и Западом, в Китае появилось огромное число новых, не известных еще ароматических веществ и специй. В свою очередь, это способствовало распространению практики воскурения благовоний среди непривилегированных сословий, а также осознанию роли и значения применения ароматических веществ в повседневной жизни. Постепенно оценка и понимание роли аромакультуры привели к формированию традиционных художественных форм для выражения персональных вкусов и пристрастий.

К примеру, миниатюрные переносные курильницы 手炉 *шоулу* с дугообразной ручкой (букв. «ручная курильница»), появившиеся в эпоху Тан, демонстрируют совершенно уникальный стиль в декоративно-прикладном искусстве. Эти изделия, известные еще как 袖炉 *сюлу* (букв. «курильница из рукава»), 手薰 *шоусюнь* (букв. «[приспособление] для обогрева и ароматизации рук») и 火龙 *холун* (букв. «огненный дракон»), изготавливались в основном из бронзы и предназначались для обогрева рук в холодную зиму. Такие курильницы наполняли кусочками древесного угля или растительной золой и держали в ладонях, тем самым сохраняя тепло. Аристократия и сановники часто использовали такие предметы не только для обогрева рук и окуривания одежды, но и для демонстрации своего высокого социального статуса [Цзинь Инъюань, Чжан Чжэнван, 2008. С. 1–5].

В эпоху Тан, во время правления императрицы У Цзэтянь и императора Сюань-цзуна, появилась еще одна уникальная разновидность курильниц, которая представляла собой круглый шар, составленный из двух сферических частей с прорезями для выхода дыма. Такие курильницы назывались 薰球 *сюньцю* («ароматный шар») или 香囊 *сяннан* («ароматическая подвеска»), что в определенном смысле соответствуют современному понятию «ароматическое саше». Вся конструкция представляла собой две полусферы, соединенные между собой длинной цепью. Внутри сферы в самом центре с помощью подшипника укрепляли крошечную

чашечку, которая тем самым не переворачивалась, как бы ни раскачивался сам шар [Гао Фэн, 2001. С. 38]³.

Династия Сун (960–1279) была отмечена оживлением южных районов страны. Туда в больших количествах поступали заморские благовония, аромакультура процветала пышным цветом, пронизывая все слои населения. Именно тогда было сформулировано понятие 文人四艺 *вэньжэнь сыи* (букв. «четыре искусства “человека культуры”»), которое объединяло следующие таланты и умения: воскурение благовоний 焚香 *фэньсян*, приготовление чая 烹茶 *пэнча*, живопись 挂画 *гуахуа* и аранжировку цветов 插花 *чахуа* [Чжан Фань, Цзян Юэцинь, 2014. С. 45]. Этот комплекс высочайших духовных стандартов китайские интеллектуалы брали за основу дальнейшего развития культуры и искусства. В эти годы общество видело залог своего прогресса в подражании великим образцам прошлого, и потому в дизайне и форме курильниц нашел свое выражение принцип простоты.

Техника изготовления фарфора («каменной керамики») достигла своего пика в период Северной Сун в центрах обжига, вошедших в историю культуры под именами пяти школ 汝 汝, Гуань 官, Гэ 哥, Цзюнь 钧 и Дин 定, где были сосредоточены все крупнейшие мастера по изготовлению селадонных изделий. В результате деятельности этих центров было произведено огромное количество курильниц, но керамика школы Жу из уезда Баофэн провинции Хэнань по праву считалась одной из лучших. Наиболее узнаваемым элементом школы Жу стало использование глазури с эффектом агата небесно-голубого цвета (天青色 *тяньцин сэ*), отличающейся оттенками зеленого цвета, перетекающими в сине-лазоревый, а также глазури теплого розового цвета, дающей серо-зеленую палитру после обжига. Эта глазурь отличается деликатной структурой, кристально чистыми и сбалансированными слоями и настолько красива, что достойна такого сравнения: 雨过天晴云破处 «будто рассеиваются облака после дождя, и небо проясняется» (букв. «дождь прошел, небо прояснилось, облака лишились девственности») [Дагуань..., 2006. С. 15]. Необыкновенным изяществом отличается и уникальный узор на поверхности керамических изделий школы Жу: он образован тонкими трещинками, напоминающими то рыбу чешую, то паутину, то крылья цикады. Еще одной характерной чертой керамики школы Жу являлся сам метод обжига, при котором глазурирование осуществлялось на подпорке, из-за чего на дне изделий оставался маленький выпуклый кружок. Элегантная и изысканная керамика школы Жу не только поставлялась к императорскому двору, но и в целом в производстве селадонных изделий заслужила в истории искусства отменную репутацию.

На протяжении монгольской династии Юань (1271–1368), охватывающей период менее сотни лет, традиции изготовления курильниц наследовали стиль сунских изделий. При этом особой популярностью пользовались курильницы малых и средних размеров [Фоцзяо дэ., 2003. С. 1]. С объединением Китая под властью юаньских правителей был завершен период разделения страны на три государства (Сун, Цзинь и Западное Ся), что вместе с развитием экономики обеспечило выход к морскому Шелковому пути. Через порты в Гуанчжоу, Минчжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу на юге страны вывозилось огромное количество керамических и фарфоровых изделий. Это означало, что центры производства китайского фарфора (селадона) стали окончательно перемещаться в южные части страны [Peace and Harmony, 2011. P. 188].

³ Подобное хитроумное приспособление было изобретено в Европе спустя 1000 лет, в соответствии с теорией гироскопа, сформулированной французским физиком Ж. Фуко только в 1850 г. Впоследствии оно стало широко применяться на Западе в морском деле и авиастроении. В эпоху Тан такие приспособления для ароматизации помещения уже высоко ценили китайские императрицы и наложницы: они повсюду брали их с собой. Так, Ян Гуйфэй, любимая наложница императора Сюань-цзуна, была большой любительницей этих «ароматных шаров». Рассказывают, что такая курильница была обнаружена возле тела Ян Гуйфэй, когда Сюань-цзун приказал своим людям найти женщину после ее казни [Гао Фэн, 2004. С. 264].

В период династии Мин (1368–1644) в технологии изготовления курильниц произошли значительные сдвиги – прежде всего, это касалось материалов: в бронзу, керамику и фарфор стали добавлять древесную, бамбуковую и каменную крошку. Рождение курильниц *сюаньдэ* (宣德炉), появившихся в одноименный период Сюань-дэ (1426–1435), ознаменовало кульминационный момент в истории изготовления этих изделий. Настоящим ценителем таких курильниц считался покровитель изящных искусств, император Сюань-цзун (宣宗) [Цянь Ханьдун, 2009. С. 15–16]. С целью улучшения качества сосудов и утвари для проведения различных ритуалов в императорском дворце он приказал министрам и ремесленникам организовать производство новой серии курильниц с использованием лучших видов поставляемой из Сиама желтой меди (风磨铜), куда стали добавлять более 30 ингредиентов, включая золото, серебро, олово и драгоценные минералы. Император приказал также изучить известные каталоги художественных изделий древности ⁴, чтобы по лучшим образцам прошлого снова изготавливать изысканные фарфоровые изделия для императорской коллекции. В результате были созданы сотни настоящих шедевров, которые стали классическими образцами изящного искусства для будущих поколений, а название «курильницы сюаньдэ» стало употребляться в качестве синонима понятия «китайские бронзовые курильницы» [Гуань Хуэйцзюань, Чжэн Цзямао, Чжэн Цихан, 2004. С. 79].

К сожалению, китайские бронзовые курильницы не выдержали испытаний временем – в результате долгого периода исторической турбулентности, связанной со сменой династий и политических курсов, традиция их изготовления была утрачена. Приходится глубоко сожалеть, что многие изделия безвозвратно исчезли. Годы правления последнего минского императора Чжу Юцзяня, правившего под девизом Чун-чжэнь (1627–1644), были омрачены внутренними и внешними беспорядками, вследствие чего с целью получения бронзы для чеканки монет обедневший императорский двор был вынужден переплавить курильницы, изготовленные высокопрофессиональными мастерами за три поколения. Финансовые затруднения продолжали терзать страну и во время правления цинского императора Сянь-фэн (1851–1861, личное имя И-чжу), когда многие бронзовые курильницы, собранные в коллекции благодаря усилиям предыдущих поколений, постигла та же участь. В конце XIX в. и в течение почти всего XX в. бронзовые курильницы также переживали сложные времена и несли невосполнимые потери, как и многие другие культурные ценности. Претерпев подобные потрясения, курильницы сюаньдэ практически исчезли. Этим обстоятельством объясняется трепетное отношение знатоков и экспертов к уцелевшим изделиям, их знаменитым репликам и тем экземплярам, которые изготавливаются на личные средства частными лицами в настоящее время.

Еще один важный аспект развития культуры благовоний связан с исламом, который имеет длительную историю в Китае и представляет собой доминирующую религию в тех районах, где проживают китаезыязычные мусульмане *хуэй-цзу*. Основатель династии Мин, император Тай-цзу (Чжу Юаньчжан, 1328–1398) и его семья оказывали большое почтение исламу, тем более что установлением своей власти Тай-цзу был обязан поддержке мусульманских генералов. При императоре Тай-цзу было переведено и издано много мусульманских текстов, построено немало мечетей в Сиани, Нанкине, в южных провинциях Гуандун, Фуцзянь, Юннань и др. [Peace and Harmony, 2011. P. 191]. Несомненен вклад мусульманской культуры в развитие производства сосудов и утвари для возжигания благовоний (например, бронзовые курильницы

⁴ Имеются в виду иллюстрированные каталоги эпохи Сун – сборник «Сюаньхэ богуту» (宣和博古图), в 30 томах, содержащий описания 839 бронзовых изделий с древнейшего периода Шан до эпохи Тан, и сборник «Каогу ту» (考古图), в 10 томах, содержащий описания древних ритуальных бронзовых сосудов и изделий из нефрита (URL: <https://baike.baidu.com/>, дата обращения 11.07.2018).

с сакральными надписями, прославляющими Пророка), что напрямую связано с ритуальной и религиозной практикой ислама⁵.

Помимо бронзовых курильниц сюаньдэ, в эпоху Мин был очень популярен другой вид сосудов для курений – фарфоровые курильницы. Зачастую на их ажурной крышке или внешних стенках изображены благоприятные символы либо сцены с цветочными мотивами. Большинство курильниц минского периода были выполнены в бело-голубой палитре и наследовали формы и дизайн предшествующих эпох. В то же время особая изысканность фарфоровых курильниц с богатым цветовым решением добавляет этим изделиям стилистического разнообразия.

В период Чэн-хуа (1465–1487) династии Мин очень ценились селадоновые курильницы в стиле 簋 *гуй*, которые в древности, в эпоху Чжоу наравне с бронзовыми треножниками 鼎 *дин* служили жертвенными ритуальными сосудами. Бронзовые сосуды *гуй* в эпоху Чжоу были массивными, тяжелыми и демонстрировали могущество и социальный статус правителя. Количество сосудов *дин* и *гуй* было строго определено и различалось в зависимости от ранга их обладателя – будь то император, его сановники, князья или ученые мужи [Pease and Harmony, 2011. P. 193].

Правители маньчжурской династии Цин (1644–1911) немало усилий прилагали для культивирования ритуалов, связанных с поклонением предкам. Эти тенденции доминировали во время правления императора Канси (1654–1722), который наделял курильницы беспрецедентно высоким значением. Уровень мастерства при изготовлении таких сосудов достиг своего пика при императоре Цянлуне (1711–1799). Особый шик изделиям придавали не только различные цвета глазури, но и элегантные формы, величественные детали. Среди таких курильниц выделялся тип сосудов под названием 鉢式炉 *бошилу* (букв. «курильница в форме чаши бо») [Цян Ханьдун, 2009. С. 15–16]. Что касается развития технологии изготовления курильниц в период вплоть до установления Китайской Республики, то надо отметить приемы ажурной резьбы, активное применение цветной глазури, позолоты и пр. Одновременно происходило увеличение разнообразия форм изделий, а также видов материалов, из которых они создавались. Репрезентативные работы этого периода представлены фарфоровыми курильницами Цзиндэ (景德瓷炉), а также изделиями местных региональных гончарных центров [Чжан Хайя, 2010. С. 106–110].

Художественные изделия с перегородчатой эмалью (掐丝珐琅 *цясы фалан*), называемые в Европе как *cloisonné enamel* (клоизоновый фарфор), в Китае известны с середины XV в. по названию периода, когда они появились⁶ – 景泰藍 *цзинтай лань* (букв. «голубой Цзинтай»). Зародившись предположительно в Греции, эта старинная техника для декоративного оформления металлических изделий в результате межкультурных контактов в период монгольского правления в Евразии появилась и в Китае. С помощью этой техники украшали различные сосуды, но обычно это были бронзовые изделия, декорированные по поверхности золотыми или бронзовыми нитями. Элементы декора покрывались голубой павлиньей эмалевой глазурью с вкраплениями других цветов, зачастую с использованием таких драгоценных камней,

⁵ Говоря о заслугах мусульман в развитии культуры благовоний, надо упомянуть и о знаменитом мореплавателе Чжэн Хэ (Саид-хаджи, 1371–1435), известном при дворе императоров династии Мин под именем «евнух Саньбао». Он возглавил семь морских военно-торговых экспедиций в течение 1405–1433 гг. в страны Индокитая, Индонезии, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Из своих путешествий он привез немало специй и благовоний (перец, пачули, гвоздика, мускус, камфора, сандал, аквилария и др.), о чем свидетельствует масса исторических документов [Су Цимин, 2005. С. 86–106]. Тем самым ароматическое сырье (благовония и специи) поступало в Китай не только через сухопутные маршруты Шелкового пути (丝绸之路 *сычжоу чжи лу*), но и морским путем (香料之路 *сянляо чжи лу*) через Аравию [Pease and Harmony, 2011. P. 191].

⁶ Годы Цзин-тай 景泰 эпохи Мин охватывают период 1450–1456 гг.

Рис. 1. Китайские курильницы: 1 – курильница бошаньлу с золотой инкрустацией 错金博山炉 *cuojin boshanlu*, династия Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.). Найдена в уезде Маньчэн провинции Хэбэй в погребении Лю Шэна 刘胜 (известен также под именем Цзин-ван 靖王), приходящегося сыном шестого императора Цзин-ди (156–141 гг. до н. э.) и сводным старшим братом могущественного У-ди (156–87 до н. э.), седьмого императора династии Хань. Признана национальным сокровищем. (По: <http://www.hebeimuseum.org.cn/contents/176/956.html>; дата обращения 17.08.2018); 2 – переносные ручные курильницы 手炉 *shoulu*, династия Тан (618–907); 3 – курильница «ароматный шар» 薰球 *xunqiu*, династия Тан; 4 – фарфоровые курильницы школ Жу 汝 и Гуань 官, династии Сун (960–1279) и Юань (1271–1368); 5 – бронзовые курильницы 宣德炉 *xuande-lu*, династия Мин (1368–1644); 6 – селадоновая курильница в стиле 簋 *gui*, династия Мин; 7 – мусульманские бронзовые курильницы с сакральными надписями, династия Мин; 8 – большая курильница с элементами из перегородчатой эмали 掐丝珐琅大薰炉 *qiasi falang daxunlu*, династия Цин (1644–1911); 9 – нефритовые сосуды для хранения ароматической эссенции 碧玉薰香瓶 *biyu xunxiangping*, династия Цин (По: Peace and Harmony, 2011. Рис. 1.2–9, с. 185–200). Коллаж И. А. Аксенова

Fig. 1. Chinese censers: 1 – *boshanlu* censer featuring a gold inlay *cuojin boshanlu*, Western Han dynasty (206 BC – 8 AD). Recognized as a national treasure. Found in Mancheng county of the Hebei province in Liu Sheng's burial 刘胜 (also known as Jing-wang 靖王), the son of the sixth emperor Jing-di (156–141 BC) and the older stepbrother of the powerful Wu-di (156–87 BC), the seventh emperor of the Han dynasty; 2 – portable hand-held censers *shoulu*, Tang dynasty (618–907); 3 – «Aromatic Ball» censer *xunqiu*, Tang dynasty; 4 – porcelain censers from Ru 汝 and Guan 官 schools, Song (960–1279) and Yuan (1271–1368) dynasties; 5 – bronze censers *xuande-lu*, Ming dynasty (1368–1644); 6 – celadon censer in *gui* style, Ming dynasty; 7 – muslim bronze censers with sacred inscriptions, Ming dynasty; 8 – large censer with cloisonné enamel elements *qiasi falang daxunlu*, Qing dynasty (1644–1911); 9 – jade vessels for storing aromatic essences *biyu xunxiangping*, Qing dynasty

как голубой сапфир. Весь процесс завершался сложными процедурами, включая обжиг, шлифовку и золочение [Мин цин фаланци..., 1999. С. 13]. Яркое и броское, искусство перегородчатой эмали пережило расцвет в годы Цзин-тай и достигло апогея при императоре Цяньлуэ 乾隆 (1711–1799, годы правления 1736–1795). В период его царствования украшенные эмалью сосуды (курильницы, кухонная утварь, столовые приборы, канцелярские принадлежности и др.) использовались и во время религиозных церемоний, и в повседневной жизни [Бэйцзин гуньи..., 1983. С. 20].

Курильницы в виде печатей 印香炉 *инь-сянлу*, называемые еще 篆香炉 *чжуань-сянлу*, представляют собой совершенно уникальный тип изделий. В верхней части крышки этих курильниц вырезаны причудливые узоры, часто в виде стилизованных иероглифов с благопожелательным значением («счастье», «долголетие» и др.). Через отверстия этих узоров затейливыми струйками выходит дым от сгорающих благовоний, который называют «ароматной печатью» 印香 *инь сян*. Среди таких изделий есть многоярусные курильницы. Нижний ярус представляет собой ящичек для хранения мелких инструментов (лопаточек, скребков, метелочек и пр.), средний ярус приспособлен для хранения ароматического порошка или благовоний в виде палочек, спиралей, стружки, а верхний ярус предназначен для их возжигания. Такие курильницы использовались для окуривания помещения при отпугивании насекомых, а также в качестве своеобразного таймера для отсчета времени, которое определяли по горстке пепла, оставшегося на дне курильницы после прогорания ароматической пудры. Курильницы в виде печатей отличались большим разнообразием: их изготавливали круглыми, квадратными, в виде цветка бегонии, лепестка, веера и др. Поскольку их дизайн изобилует художественными образами, популярными в литературе и искусстве, эти курильницы очень ценили представители интеллигенции и ученого сословия ⁷.

Нефритовые курильницы 碧玉香炉 *биюй сянлу* – наиболее изысканные и роскошные изделия, выгодно отличающиеся от хрупких фарфоровых и толстостенных бронзовых курильниц, бывших в моде во времена династий Мин и Цин. Преимущество таких благородных и изящных материалов, как нефрит, слоновая кость, агат и некоторые другие, состояло в том, что они отражали не только достижения материальной культуры, но и отношение общества к благовониям и ароматам. К примеру, в период расцвета династий Суй и Тан появление новых форм сосудов для воскурения ароматических материалов отражало растущий спрос на эти изделия со стороны общества. Увлечение красивыми и элегантными изделиями в стиле древних курильниц бошаньлу в танскую эпоху привело к тому, что при их изготовлении наряду с бронзой стали широко использоваться такие ценные материалы, как золото, серебро и нефрит [Чжан Хайя, 2010. С. 106–110; Фоцзяо дэ..., 2001. С. 108].

На рубеже XIX–XX вв. период, отмеченный в истории культуры Китая невероятным взлетом производства курильниц, различающихся по стилю, форме и материалу, постепенно пошел на спад. Западная агрессия, непрерывные социальные потрясения, военно-политические конфликты и экономические кризисы не способствовали развитию элитарных искусств. Определенную роль в отмирании важных функций традиционных форм культуры ароматов сыграла постепенная вестернизация и вынужденная модернизация китайского общества по европейскому образцу. Активное использование благовоний ограничивалось лишь ритуальными буддийскими и даосскими практиками в храмах. Только с конца XX в. и особенно в последнее время, на фоне мировых глобализационных процессов, в Китае наблюдается очередной всплеск

⁷ Одним из крупнейших специалистов по изготовлению курильниц в виде печатей слыл уроженец маленького городка Шиган близ города Наньтун в провинции Цзянсу, мастер Дин Юэху (丁月湖, 1829–1879). Будучи хорошим каллиграфом и художником, он искусно изготавливал курильницы из металла и камня. Разработав множество оригинальных и инновационных моделей, он навсегда вошел в историю китайского декоративно-прикладного искусства [Peace and Harmony, 2011. P. 198].

Рис. 2. Современные китайские курильницы: 1 – курильницы в виде печатей 印香炉 *инь-сянлу*, с узорами в виде стилизованных иероглифов с благопожелательным значением (из коллекции Е. Э. Войтишек); 2 – металлическая курильница с выгравированным текстом «Сутры сердца совершенной мудрости» (般若波羅蜜多心經 *божэ боломидо синь цзин*), одной из важнейших сутр буддизма Махаяны, которая читается ежедневно во всех буддийских храмах мира. На четырех гранях вырезаны более крупно иероглифы, составляющие буддийские афоризмы: 觀若空色 *гуань жэ кун сэ* «созерцать истину и пустотность чувств»; 香意舍 *сян и шэ* «пристанище ароматных дум»; 無罣礙 *у гуа ай* «отсутствие преград»; 一真諦 *и чжэн ди* «истинное просветление». Через эти прорезы выходит ароматный дым, сопутствующий медитации (из коллекции Е. Э. Войтишек). Коллаж И. А. Аксенова

Fig. 2. Modern Chinese censers: 1 – censer in the form of 印香炉 *yin-xianglu* “aromatic stamps”, with patterns resembling stylized hieroglyphs with a benevolent meaning (personal collection of E. Voytishek); 2 – metal censer with engraved text «The Heart of the Perfection of Wisdom» (般若波羅蜜多心經 *bore bolomido xin jing*), one of the key Mahayana sutras which is read daily in all Buddhist temples of the world. Each of the four sides also features a separate Buddhist aphorism: 觀若空色 *guan re kong se* «**contemplate the truth and emptiness of feelings**»; 香意舍 *xiang yi she* «**refuge of aromatic thoughts**»; 無罣礙 *wu gua ai* «**absence of barriers**»; 一真諦 *yi zheng di* «**true enlightenment**». The fragrant smoke that seeps through the engraved text slots is used to harmoniously accompany meditation (personal collection of E. Voytishek)

интереса к теме ароматов и благовоний, их роли и функциям в современном обществе: издается масса специализированной литературы; проводятся фестивали, выставки и ярмарки; поощряются научно-практические исследования в области истории и специфики ароматической культуры, изучения свойств и функций различных видов благовоний, использующихся как в медицинских и лечебных целях, так и в религиозных практиках [Войтишек, 2017; Войтишек, Измайлова, 2014. С. 122–123].

По мнению китайских исследователей, это явление влечет за собой определенный возврат к ценностям традиционной китайской культуры, которая через атрибутику благовоний снова вернулась в повседневную жизнь людей. Как бы ни была обширна территория страны, китайская нация на протяжении тысячелетий использовала одни и те же паттерны и приемы в процессе создания предметов и образов материальной и духовной культуры. Эволюция курильниц как часть культуры ароматов, транслирующая эти смыслы и образы от одного поколения к другому, служит тому ярким подтверждением [Чжоу Цзячжоу, Цзян Цзюньвэй, Чэнь Юньи, 2010. С. 1–2].

Что касается курильниц, то в настоящее время их функции в Китае остаются достаточно широкими: их используют повсеместно и ежедневно в религиозных ритуалах в буддийских и даосских храмах, а также в бытовых и санитарно-гигиенических нуждах. В лечебно-профилактических целях их активно используют врачи традиционной китайской медицины, когда речь идет о простуде, психосоматических заболеваниях, болезнях легких или просто душевном успокоении. Курильницы больших размеров являются неременным элементом традиционной храмовой и парковой архитектуры не только в Китае, но и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Наконец, курильницы как часть богатейшей азиатской ароматической культуры являются объектом многих видов декоративно-прикладного искусства, вызывая искреннее восхищение у многих поколений ценителей прекрасного. Эти изысканные изделия до сих пор ассоциируются с элегантным образом жизни и служат определенным критерием социального статуса их обладателей.

Рис. 3. Современная курильница *бошаньлу*
(из коллекции Е. Э. Войтишек)
Fig. 3. Modern censer boshanlu
(personal collection of E. Voytishek)

В этих условиях и на новом этапе социального развития в Китае теперь уже «добровольное» увлечение западной культурой (включая ароматерапию в медицинском и бытовом аспектах) спровоцировало появление различного инструментария. Среди этого разнообразия выделяются интересные, фантазийные сосуды и курительницы, шкапулки и футляры для благовоний, в изготовлении которых используются новые идеи и инновационные технологии в дизайне. Центрами производства таких изделий, как правило, остаются южные и юго-восточные районы материкового Китая, а также Гонконг и Тайвань. Однако при этом основную долю всей художественной продукции составляют изделия, использующие сюжеты и образы, базирующиеся на традиционных ценностях китайской культуры. Это говорит о большой устойчивости многотысячелетней китайской цивилизации и высокой адаптивности аккультурационных моделей в условиях длительных межнациональных взаимодействий.

Список литературы / References

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая древесина аквиларии в буддийских и даосских практиках Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, Вып. 4: Востоковедение. С. 44–52.
Voytishkek E. E. Aromaticheskaya drevesina aquilarii v buddiiskih i daoskih praktikah Kitaya [Aromatic agarwood in China's Buddhist and Taoist practices]. *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*, 2017, vol.16, iss. 4: Oriental Studies, p. 44–52 (in Russ.)
- Войтишек Е. Э., Измайлова М. В.** «Человек культуры» вэньжэнь и развитие китайского искусства благовоний: опыт культурно-антропологического исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, Серия: История, филология. 2014. Т. 13, Вып. 4: Востоковедение. С.114–125.
Voytishkek E. E., Izmailova M. V. “Chelovek kulturi” wenren I razvitie kitaiskogo iskusstva blagovonij: opit kulturno-atropologicheskogo issledovaniya [“A man of culture” wenren and the development of Chinese incense art: experience of the historical and culturological study] // *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*, 2014, vol.13, iss. 4: Oriental Studies, p. 114–125 (in Russ.)
- Бэйцзин гунъи мэйшу цзи [北京工艺美术集。王绎，王明石主编]。Коллекции изделий прикладного искусства Пекина / Гл. ред. Ван Цзянь, Ван Минши. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 1983. 163 с. (на кит. яз.)
 Beijing gongyi meishu ji [北京工艺美术集]。A collection of products of applied arts of Beijing / Ed. by Wang Jiang, Wang Mingshi. Beijing, Beijing chubanshe, 1983. 163 p. (in Chin.)
- Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]。The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011. 289 p. (на кит. и англ. яз.)
 Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]。The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011, 289 p. (in Chin. and Eng.)
- Гао Фэн.** Чжунго цию ишу лунь [高丰。中国器物艺术论]。Введение в искусство технических приспособлений Китая. Тайюань: Шаньси цзяоюй чубаньшэ, 2001. 338 с. (на кит. яз.)
Gao Feng. Zhongguo qiwu yishu lun [高丰。中国器物艺术论]。Art theory of China technical devices. Taiyuan, Shanxi jiaoyu chubanshe, 2001, 338 p. (in Chin.)
- Гао Фэн.** Чжунго шэцзи ши [高丰。中国设计史]。История конструкторских идей в Китае. Синин: Гуанси мэйшу чубаньшэ, 2004. 342 с. (на кит. яз.)
Gao Feng. Zhongguo sheji shi [高丰。中国设计史]。The history of design in China. Xining, Guangxi meishu chubanshe, 2004, 342 p. (in Chin.)
- Гуань Хуэйцзяоань, Чжэн Цзямао, Чжэн Цихан.** Вэнью юй чжунго гудай шичан цзинцзи [管慧娟，郑家茂，郑启航。文物与中国古代市场经济]。Памятники культуры и ранняя рыночная экономика в Китае. Ухань: Хуачжун шифань дасюэ чубаньшэ, 2004. 307 с. (на кит. яз.)

- Guan Huijuan, Zheng Jiamao, Zheng Qihang.** Wenwu yu zhongguo gudai shichang jingji [管慧娟, 郑家茂, 郑启航. 文物与中国古代市场经济]. Cultural monuments and early market economy in China. Wuhan, Huazhong shifan daxue chubanshe, 2004, 307 p. (in Chin.)
- Дагуань – бэйсун жуяо тэчжань [大观 北宋汝窑特展. 林柏亭主编]. Обзор изделий со специальной выставки фарфора Жу времен династии Северная Сун / Гл. ред. Линь Байтин. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 2006. 215 с. (на кит. яз.)
Daguan – beisong ruyao tezhan [大观 北宋汝窑特展]. Grand View. Special Exhibition of Ju Ware from the Northern Sung Dynasty / Ed. by Lin Baiting. Taipei, National Palace Museum, 2006, 215 p. (in Chin.)
- Ли Минчжу.** Сяньхай лю те – лу, янь, сян, хуа, ча, ли. Гуцзинь сян и вэньхуа дагуань [李明珠. 香海六帖 – 炉, 烟, 香, 花, 茶, 礼. 古今香艺文化大观]. Шесть встреч с аромакультурой – курильницы, табак, благовония, цветы, чай, этикет. Обзор искусства и культуры ароматов древности и современности. Тайбэй: Исторический музей Тайбэя, 2006. 119 с. (на кит. яз.)
Li Mingzhu. Xiang hai liu tie – lu, yan, xiang, hua, cha, li. Gujin xiang yi wenhua daguan [李明珠. 香海六帖 – 炉, 烟, 香, 花, 茶, 礼. 古今香艺文化大观]. Six meetings with aroma culture-incense burners, tobacco, incense, flowers, tea, etiquette. An overview of the art and culture of the aromas of antiquity and modernity. Taipei, Museum of the history of Taipei, 2006, 119 p. (in Chin.)
- Мин цин фаланци чжаньлань тулу [明清珐琅器展览图录. 陈夏生主编]. Каталог выставки клоизонового фарфора эпох Мин и Цин / Гл. ред. Чэнь Сяшэн. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 1999. 290 с. (на кит. яз.)
Ming qing falangqi zhanlan tulu [明清珐琅器展览图录]. Exhibition catalogue of cloison porcelain of the Ming and Qing dynasties / Ed. by Chen Xiasheng. Taipei, National Palace Museum, 1999, 290 p. (in Chin.)
- Су Цимин.** Чжэн хэ юй хайян вэньхуа: чжэн хэ ся сиян любай чжоунянь тэчжань [蘇啓明. 鄭和與海洋文化: 鄭和下西洋六百周年特展]. Чжэн Хэ и культура мореплавания: выставка к 600-летию путешествий Чжэн Хэ на Запад. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 2005. 175 с.
Su Qiming. Zheng he yu Haiyang wenhua: zheng he xia xiyang liubai zhouniang tezhan [蘇啓明. 鄭和與海洋文化: 鄭和下西洋六百周年特展]. Zheng He and seafaring culture: exhibition for the 600th anniversary of Zheng He's travels to the West. Taipei, National Palace Museum, 2005, 175 p. (in Chin.)
- Фоцзяо дэ сян юй сянци [佛教的香与香器 // 全佛文化事业]. Благовония и аксессуары в буддизме // Задачи всебуддийской культуры. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. 232 с. (на кит. яз.)
Fojiao de xiang yu xiangqi // Quan fo wenhua shiye [佛教的香与香器 // 全佛文化事业]. Incense and accessories in Buddhism // Tasks of all Buddhist culture. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003, 232 p. (in Chin.)
- Фу Цзинлянь.** Чжунго сян вэньхуа [傅京亮. 中国香文化]. Китайская культура благовоний. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с. (на кит. яз.)
Fu Jingliang. Zhongguo xiang wenhua [傅京亮. 中国香文化]. Chinese culture of aromas. Jinan, Qilu shushe, 2011, 316 p. (in Chin.)
- Цзинь Иньюань, Чжан Чжэнван.** Чжунго миньцзянь шоулу цзяньшан [金银源, 张正望. 中国民间手炉鉴赏]. Наслаждение китайскими народными ручными курильницами. Сучжоу: Гуусюань чубаньшэ, 2008. 180 с. (на кит. яз.)
Jin Yingyuan, Zhang Zhengwang. Zhongguo minjian shoulu jianshang [金银源, 张正望. 中国民间手炉鉴赏]. Enjoying Chinese folk hand incense burners. Suzhou, Guwuxuan chubanshe, 2008, 180 p. (in Chin.)
- Цянь Ханьдун.** Жичжао сяньлу: чжунхуа гу цы сяньлу вэньхуа цзии [钱汉东. 日照香炉: 中华古瓷香炉文化记忆]. Сияние курильниц: Воспоминания о культуре древних фарфоровых курильниц в Китае. Шанхай: Шанхай вэньхуа чубаньшэ, 2009. 239 с. (на кит. яз.)
Qian Handong. Rizhao xianglu: zhonghua gu ci xianglu wenhua jiyi [钱汉东. 日照香炉: 中华古瓷香炉文化记忆]. The glow of incense burners: Memories of the culture of ancient porcelain incense burners in China. Shanghai, Shanghai wenhua chubanshe, 2009, 239 p. (in Chin.)

- Чжан Фань, Цзян Юэцинь.** Чэньсян шоуцан жумэнь байкэ [张梵, 姜跃进. 沉香收藏入门百科]. Элементарная энциклопедия по аквиларии. Пекин: Хуасюэ гуньэ чубаньшэ, 2014. 156 с. (на кит. яз.)
Zhang Fan, Jiang Yuejin. Chenxiang shoucang rumen baike [张梵, 姜跃进. 沉香收藏入门百科]. Elementary encyclopedia of the aloeswood. Beijing, Huaxue gongye chubanshe, 2014, 156 p. (in Chin.)
- Чжан Хайя.** Фоцзяо сяньпинь юй сянци цюаньшу [张海雅. 佛教香品与香器全书]. Полное собрание аксессуаров и инструментария, использующегося при воскурении благовоний в буддизме. Тайбэй: Шанчжоу чубань, 2010. 208 с. (на кит. яз.)
Zhang Haiya. Fojiào xiāngpǐn yǔ xiāngqì quǎnshū [张海雅. 佛教香品与香器全书]. Complete collection of accessories and tools used in the resurrection of incense in Buddhism. Taipei, Shangzhou chuban, 2010, 208 p. (in Chin.)
- Чжоу Цзячжоу, Цзян Цюньвэй, Чэнь Юньи.** Сян дянь [周家胄, 江俊伟, 陈云轶. 香典]. Свод сведений о благовониях. Чуньцин: Чуньцин чубаньшэ, 2010. 560 с. (на кит. яз.)
Zhou Jiāzhou, Jiāng Jùnwei, Chén Yúnyì. Xiāng diǎn [周家胄, 江俊伟, 陈云轶. 香典]. Summary of information on fragrances. Chongqing, Chongqing chubanshe, 2010, 560 p. (in Chin.)
- Чжоу цин хань тан вэньхуа яньцзю** [周秦汉唐文化研究. 黄留珠, 魏全瑞主编]. Исследования культуры периодов Чжоу, Цин, Хань, Тан / Гл. ред. Хуан Лючжу, Вэй Цюаньжуй. Пекин: Саньцин чубаньшэ, 2004. 366 с. (на кит. яз.)
Zhou qīng hán tāng wénhuà yánjiū [周秦汉唐文化研究]. Studies of culture of Zhou, Qing, Han, and Tang periods / Ed. by Huang Liuzhu, Wei Quanrui. Beijing, Sanqing chubanshe, 2004, 366 p. (in Chin.)
- Чжунго тунши** [中国通史. 高明士主编]. Сводная история Китая / Гл. ред. Гао Минши. Тайбэй: Унань тушу чубаньшэ. 2007. 336 с. (на кит. яз.)
Zhōngguó tōngshǐ [中国通史]. A complete history of China / Ed. by Gao Mingshi. Taipei, Wunan tushu chubanshe, 2007, 336 p. (in Chin.)
- Чэнь Цингуан.** Гугун лиши сян цзюй тулу [陈擎光. 故宫历史香具图录]. Каталог по истории инструментария культуры благовоний музея Гугун. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 1994. 310 с. (на кит. яз.)
Chen Qingguang. Gugong lishi xiang ju tulu [陈擎光. 故宫历史香具图录]. Catalog on the history of art objects of the culture of incense of the Palace Museum. Taipei, National Palace Museum, 1994, 310 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

20.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, зав. кафедрой востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, orient@lab.nsu.ru)

Elena E. Voytishkek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, orient@lab.nsu.ru)

Сун Яо, аспирант, преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, orient@lab.nsu.ru)

Song Yao, postgraduate student (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, orient@lab.nsu.ru)

УДК 655.11

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Особенности читательской аудитории в контексте корейской книгопечатной культуры раннего Чосона (XIV–XVI века)

М. А. Витченко

*Новосибирский государственный университет, МАУК МКЦ «Сибирь-Хоккайдо»
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Изучение истории книгопечатания в Корее не может считаться полным без детального рассмотрения состава читательской аудитории, поскольку именно наличие потребителя печатной продукции придает смысл всему книжному делу. Ознакомление с социально-экономическим и культурным контекстом первой половины эпохи Чосон позволяет выявить некоторые черты, характерные для дальневосточного региона. Довлеющая роль конфуцианства обуславливала «двуязычие» издаваемой книжной продукции. После изобретения национальной письменности читательская аудитория «высокой» литературы, написанной на китайском языке, и «низкой», написанной на корейском, различалась не только по социальному статусу, но и по гендерному составу. Отсутствие сформированного книжного рынка при высоком спросе оказывало влияние на социальный состав читателей, поскольку приобретение книг было приравнено по значимости к покупке редких материальных ценностей. Данное обстоятельство создавало ореол элитарности вокруг книжной продукции.

Ключевые слова

Книгопечатание, книжное дело, читательская аудитория, Чосон, конфуцианство, *янбан*

Для цитирования

Витченко М. А. Особенности читательской аудитории в контексте корейской книгопечатной культуры раннего Чосона (XIV–XVI века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 90–98. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Features of Korean Book Culture Readership of Early Joseon (XIV–XVI Centuries)

Maria A. Vitchenko

*Novosibirsk State University, Municipal cultural center “Siberia-Hokkaido”
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study of printing history in Korea, like in any other country, cannot be considered complete without a detailed consideration of the readership, since the presence of the consumer of printed books gives meaning to the whole cycle of the book business. Review of the socio-economic and cultural context of the first half of the Joseon period makes it possible to identify certain features of the Far Eastern region. The dominant role of Confucianism created conditions for

© М. А. Витченко, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

the “bilingualism” of published book products. After the invention of national writing, the readership of “high” literature written in Chinese, and “low”, written in Korean, differed not only among social positions but also between genders. Hanmun literature remained the prerogative of men of the noble class (*yangban*), while most women of the same class read stories, novels and other books published in Korean.

The main part of the readership was represented by an educated noble stratum – the *yangban*. In the time of the Joseon kingdom, this class was the main producer and consumer of knowledge and culture as aristocratic scientists made up only about 10% of the Korean population. Another literate social group, roughly equal in numbers, was the *jungin* class (literally “middle man”). They were usually “technical experts” – translators, scribes, astronomers, accountants, doctors, lawyers, and musicians. This class also included provincial officials of the lower ranks. The lack of a formed book market with sufficiently high demand also exerted a unique influence on the social composition of the readers, since the acquisition of books was equated to the acquisition of rare material values, which created an aura of elitism and high significance around book production and all its related phenomena and processes.

Keywords

Book-printing, book business, reader, readership, Joseon, Confucianism, *yangban*

For citation

Vitchenko M. A. Features of Korean book culture readership of early Joseon (XIV–XVI centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 90–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Первые годы правления династии Ли (период Чосон, 1392–1910) в Корее были ознаменованы продолжением борьбы за укрепление власти Ли Сонге (вана Тхэджо), ослаблением роли корёской аристократии и повышением роли служилого сословия, в связи с чем была учреждена новая система управления чиновничеством.

С приходом к власти новой династии начался процесс перераспределения земли и других источников доходов, исходя из способностей каждого представителя служилого сословия. Активная деятельность на благо государства позволяла достичь тогда высокого положения. Это было хорошим стимулом для проявления личной инициативы [Курбанов, 2009. С. 142].

При подборе государственных чиновников в то время обязательно учитывалась степень образованности претендента. При этом основным условием получения хорошей должности было, прежде всего, безупречное знание конфуцианского канона и полное соответствие ему. Среди пяти этических норм конфуцианства образованность (知 кор. *чи*) имела особое значение, поскольку считалось, что только обладавшие знанием люди могут постичь смысл гуманности, истины и справедливости. Именно поэтому образование изначально понималось как важнейшая составляющая всей конфуцианской системы. В связи с этим выдающийся корейский философ Чо Гванджо (趙光祖, 1482–1519) указывал, что человек, даже являясь носителем прекраснейших душевных качеств, непременно обязан приобщаться к науке¹. Очевидно, что перед обществом уже тогда со всей остротой стоял вопрос о необходимости знаний и стремлении к наукам.

Духовная жизнь эпохи Чосон опиралась, в основном, на конфуцианство, постулаты которого, в основном, касались освящения государственной и публичной власти. Его четко сформулированные этико-поведенческие нормы, предусматривавшие беспрекословное подчинение младших старшему, а подданных – государю, весьма импонировали правящей элите и соответствовали интересам господствующего класса.

¹ Корнеева, 2009. Представления об образовании и учености в корейской литературе периода Чосон: 1392–1910. URL: <http://www.dissercat.com/content/predstavleniya-ob-obrazovanii-i-uchenosti-v-koreiskoi-literature-perioda-choson-1392-1910#ixzz3SMu3kt9L> (дата обращения 14.03.2018).

Окончательному становлению в Корее конфуцианства как официальной идеологии способствовало введение государственного экзамена *квэго* в 958 г. Экзамен проходил ежегодно, а иногда один раз в два-три года. Важнейшими экзаменационными предметами были древнекитайский язык, конфуцианские каноны, классическая философия и история. Чиновники должны были показать знание конфуцианских догм, открыв тем самым дорогу к служебной карьере. На основании результатов *квэго* чиновник мог рассчитывать на получение очередного ранга, а значит – на продвижение по службе. В связи с этим конфуцианство стало играть еще более важную роль в системе образования феодальной Кореи [Пак Хису, Толстокулаков, 2005. С. 39].

На рубеже XIV–XV вв. с приходом к власти династии Ли конфуцианство стало не только государственной идеологией, но и официальным религиозным культом. С этого момента и вплоть до конца XIX в. вся общественно-политическая и социальная система Кореи регулировалась исключительно конфуцианской традицией².

В соответствии с одним из ключевых положений функциональной концепции книговедения, разработанной отечественными учеными А. И. Барсуком, И. Е. Баренбаумом [Баренбаум, 1986; Барсук, 1971], исследование истории книжного дела в любом регионе будет неполным без анализа читательской аудитории, иными словами – потребителей книжной продукции. Для этого необходимо проанализировать гендерную, возрастную и социальную принадлежность читающего населения в первой половине эпохи Чосон.

Корейское общество XV–XIX вв. в южнокорейской историографии принято характеризовать как «общество *янбанов* и чиновников» (*янбан гваллё сахве*) в противоположность корёскому «обществу аристократии» (*квиджок сахве*). Очевидно, под новой характеристикой корейского общества позднего средневековья и начальным периодом Нового времени имеется в виду большая социальная мобильность правящего класса Чосон по сравнению с эпохой Корё (X–XIV вв.).

Основную часть читательской аудитории представляла образованная благородная прослойка – *лэбан* *янбан* (букв. «[представители] двух групп», то есть гражданские и военные чины). Во времена королевства Чосон этот класс был основным производителем и потребителем знаний и культуры. При этом ученые-аристократы составляли около 10% населения Кореи [Nahm, 1996. P. 102].

Понятие *янбан* объединяло представителей гражданского или военного чиновничества. Независимо от того, был ли занимаемый чиновником пост гражданским или военным (первый считался более престижным, чем последний), *янбан* был, по сути, литератором. Он должен был занимать общественную должность, следовать конфуцианской доктрине посредством ее изучения и самосовершенствования, а также помогать культивировать моральные стандарты общества Чосон³.

Определяющей характеристикой представителей класса *янбан* в эпоху Чосон были его научные знания и устремления – в частности, интерес к конфуцианской классике и неоконфуцианской мысли. Многочисленные тексты, написанные членами этого класса, дают представление о книгах, которые они изучали, новых идеях, которые они разрабатывали, о том, как они рассуждали и как формировали государственную политику. Их работы неизменно были написа-

² При этом буддизм после прихода к власти династии Ли все же не утратил своего влияния на духовную сторону жизни народа. Гонения на буддизм не имели под собой идеологических причин, закрытие монастырей было вызвано желанием сократить их экономическую мощь. Несмотря на сокращение числа монастырей и понижение статуса монахов, памятники буддийской мысли появлялись и в XV–XVI вв. Поэтому тема буддийской литературы в рассматриваемый период требует отдельного детального исследования.

³ Lee Soyoungh. *Yangban: The Cultural Life of the Joseon Literati*. Department of Asian Art. The Metropolitan Museum of Art. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/yang/hd_yang.htm (дата обращения 06.03.2018).

ны на классическом китайском языке, предпочтительном способе изложения мыслей учеными людьми даже после создания корейского алфавита хангыль в 1443 г.⁴

Другой грамотной социальной группой был класс 中人 *джунин* (букв. «средний человек»), составлявший небольшую, но важную прослойку. Представители этого класса стояли на социальной лестнице ниже янбанской знати, но выше простых людей. Они обычно были «техническими экспертами» – переводчиками, писцами, астрономами, бухгалтерами, врачами, юристами и музыкантами. К этому классу также относились низшие провинциальные чиновники, которые следили за проведением бюрократических процедур на местах [Seth, 2010. P. 167; Kim, 2005. P. 95]⁵.

Таким образом, бюрократия в эпоху Чосон формировалась в процессе постоянного развития навыков в чтении, письме и анализе текстов на литературном китайском языке. Грамотность стала основным средством для вступления в ряды людей, которые стремились сформировать государство в неоконфуцианском стиле. Корейское общество той эпохи отличалось непрерывной «борьбой за грамотность». Анализ системы экзаменов на государственную должность показывает, каким образом различная степень образованности и владения литературным китайским языком способствовали продвижению кандидатов по карьерной лестнице. При этом королевская администрация должна была действовать осторожно, чтобы ограничить конкуренцию среди элиты, имеющей доступ к формальному образованию, поскольку многие социальные группы были исключены из системы экзаменов кваго по социальной и гендерной принадлежности [Cadavid, 2012. P. 12].

Образованность и начитанность были присущи не только чиновникам разных рангов, но и монархам. Некоторые из них достигли особых высот не только в получении, но также в производстве и пропаганде знаний. Так, ван Седжон считается в корейской историографии самым образованным монархом Чосона. Согласно королевским хроникам, рассказывающим о периоде его правления, Седжон сам читал классические конфуцианские произведения каждую свободную минуту, даже ночью, что привело его к тяжелой болезни глаз. Он также часто присутствовал на общих собраниях с представителями знати, где разъяснял им «Тэхак ёный» (大學衍義) – «Аналитический комментарий к «Великому учению» (кор. Тэхак, кит. 大學 Да сюэ), написанный в Китае в эпоху Сун (960–1279). Подавая пример своим приближенным, ван Седжон также изучал современный ему разговорный китайский язык, чтобы свободно общаться с посланниками из Поднебесной [Кан, 2015. С. 59].

Развитие идей просвещения считалось главным достижением эпохи Чосон. Конфуцианское образование представляло собой систему, при которой в столице и провинциальных центрах существовала сеть специальных учебных заведений. Практически все они занимались воспитанием своих подопечных в духе конфуцианской морали и этики, готовили кадры для государственного аппарата.

Наиболее значимыми в системе образования были такие учебные учреждения, как конфуцианская академия Сонгюнгван – столичное высшее учебное заведение, школы *сахак* – средние учебные заведения в Сеуле, *хянгё* и *совон* – средние учебные заведения в провинциях и *содан* – школы начального уровня, находящиеся в любом населенном пункте. Кроме этого, существовали специальные учебные заведения, созданные для обучения представителей ко-

⁴ Там же.

⁵ Судя по косвенным данным, их число составляло не более 10% от всего населения страны. В целом, доля всех грамотных людей в первой половине эпохи Чосон не превышала 20%, поскольку число свободных крестьян (сословие *санмин*) достигало приблизительно 80% от всего населения страны [Seth, 2010. Pp. 165–167; Nahm, 1996. Pp. 100–102].

ролевской семьи и чиновников, а также специализированные учебные заведения для лекарей, переводчиков, юристов, художников и математиков ⁶.

Следует отметить, что все упомянутые школы и академии предназначались для свободных людей, преимущественно благородного происхождения. При этом получение образования во многом оставалось мужской привилегией.

Уровень мужской грамотности был, несомненно, выше женской. Женщина фактически принадлежала мужчине, ее приоритетами были забота о муже, доме и детях. Большинство девочек из благородных семей умели читать и писать, но мальчики и девочки при этом учились раздельно. При этом девочки получали только те знания, которые были нужны в будущей семейной жизни.

Примечательно, что уровень женской грамотности был мало связан с конфуцианством – он определялся характером национальной корейской письменности [Ebrey, Walthall, 2014. P. 264]. *Хангыль* долгое время игнорировался мужчинами из прослойки образованной знати, поскольку считался простонародным, «низким» письмом. Женщины же утоляли свою интеллектуальную жажду, читая романы и другие популярные литературные произведения, написанные на родном языке *хангыль*.

Следует отметить, что его изобретение сыграло заметную роль в культуре Чосона. Ван Седжон при введении национальной письменности *хангыль* руководствовался не только амбициозными, но и нравственными соображениями. Он заявил, что новое письмо предназначено исключительно для воспитания простолюдинов. Можно предположить, что истинная цель создания *хангыля* преследовала политические мотивы, поскольку за этим стояло намерение укрепить королевскую власть путем культурного отделения от Китая. Тем не менее, новая письменность действительно повысила уровень грамотности среди простых людей, особенно среди женщин. Это означало, что литература могла охватить гораздо более широкую аудиторию, чем раньше, тогда как в период Корё (918—1392 гг.) чтение было доступно только избранным, владеющим китайской грамотой. По мере того как новый алфавит постепенно набирал популярность, стали появляться романы и стихи, написанные только на *хангыле*. Эти произведения были нацелены на читателей из среды простолюдинов ⁷.

Развитие печатных технологий в корейской культуре предполагало изготовление книг разными способами. В силу разных причин они могли быть напечатаны при помощи подвижного шрифта, изготовлены в виде оттисков с деревянных блоков. Наряду с этим, книги распространялись и в рукописном виде. Выбор способа печати определялся экономическими факторами (включая стоимость выпуска тиража, затраты на печать), временными рамками и характером целевой аудитории.

Во времена Чосон книги, напечатанные металлическим шрифтом, были доступны только дворянам и судебным чиновникам, живущим в Ханьяне. Простолюдины, жившие в провинциальных районах, использовали рукописные книги и издания, напечатанные с помощью деревянных блоков.

В рассматриваемый период издаваемая литература была ориентирована на читателей различного социального статуса, пола и возраста. На основании массива дошедших до нас источников есть возможность разделить жизнь корейского общества эпохи Чосон на несколько крупных сфер, требовавших фиксации и передачи знаний. Автором предлагается следующая классификация, суть которой состоит в соотношении тематической и видовой классификаций

⁶ Корнеева И. В. Представления об образовании и учености в корейской литературе периода Чосон: 1392–1910. URL: <http://www.dissercat.com/content/predstavleniya-ob-obrazovanii-i-uchenosti-v-koreiskoi-literature-perioda-choson-1392-1910#ixzz3SMY3kt9L> (дата обращения 14.03.2018).

⁷ Lee Yongik. Korean Society depicted in its Folklore – Goryeo and Joseon period. URL: <https://www.zum.de/whkmla/sp/0607/yongik/Yongiklee.html#intro> (дата обращения 07.03.2018).

на основе содержания издания. Так, весь массив средневековых корейских изданий можно структурировать следующим образом:

- 1) **художественные издания**, куда относятся собственно художественная литература.
- 2) **общественно-политические издания**, включающие в себя трактаты, связанные с политикой, устройством государства; работы в области уголовного и государственного права; конфуцианские трактаты и буддийские сочинения.
- 3) **научные издания**, представленные трудами по географии, картографии, землеописаниями; медицинскими трактатами; трактатами по искусству.
- 4) **производственно-технические издания** – работы по военному делу; трактаты по экономике; инструкции по ведению сельского хозяйства.
- 5) **учебные издания** в виде учебников по китайскому языку; произведений для преподавания этики, этикета, норм морали.
- 6) **справочные издания**, как то астрономические календари, справочники рифм китайского языка.
- 7) **официально-документальные издания**, представленные историческими сочинениями.

В ряде случаев наблюдается корреляция научных и производственно-технических изданий, справочной и учебной литературы.

Так, конфуцианская классическая литература была предназначена, в первую очередь, для образованных людей благородного класса. Дворяне читали конфуцианские книги (такие, как «Семь китайских классиков») и различные исторические сочинения. Женщины и простолюдины увлекались развлекательными фантастическими историями, а также назидательными конфуцианскими книгами – такими, как «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей» (三綱行實圖 *Самган Хэнсилдо*⁸) и «Четверокнижие для женщин» (女四書 *Ёсак*⁹). Для детей предназначались такие шедевры просветительской литературы старого Китая, как «Тысячелюбие» (千字文 *Чхонджамун*¹⁰) или «Малая наука» (小學 *Сохак*¹¹)¹² и др.

Несмотря на то, что китайский язык был письменным языком знати, в эпоху Чосон внимание уделялось также изучению разговорного китайского языка. Эти знания были необходимы во время дипломатических миссий и торговых поездок, поэтому навыки живой коммуникации были важной частью программы в некоторых специальных учебных заведениях. Студент, освоивший учебник «Старый китайский язык» (老乞大 *Ногольдэ*¹³), мог перейти к пособию «Почтовая станция семьи Пак» (朴通事 *Пактхонса*¹⁴), составленному на более высоком уровне.

⁸ Поучительные биографии из китайской и корейской литературы на образцы верного подданного, почтительного сына и преданной жены, год издания – 1481.

⁹ Издание включало назидательные сочинения «Наставления для женщины», «Женский литературный сборник», «Домашние уроки» и «Образцовое поведение для женщины».

¹⁰ Классический китайский мнемонический текст просветительского характера, используемый с VI в. для обучения детей и заучивания иероглифов. Широко известен в Корее и Японии. (Подробнее см. [Войтишек 2011. С. 100–102; Войтишек, Зайкина, 2003]).

¹¹ Ритмизованные и зарифмованные учебные тексты, созданные в просветительских целях в Китае в эпоху Сун (960–1279), в Корее эти тексты были объединены в специальный сборник.

¹² Chung Ahyoung. The Korea Times, Exhibition traces Joseon's reading culture. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/culture/2016/07/148_74476.html (дата обращения 06.03.2018).

¹³ Учебник разговорного китайского языка, впервые напечатанный во времена правления вана Седжона, переиздавался несколько раз с XIV по XVIII в., и даже был переведен на *хангыль* – под каждым китайским иероглифом была подписана транскрипция. Книга состоит из множества диалогов, в основном посвященных поездкам корейских купцов и их родственников в Пекин, ее центральные темы – путь в Китай, торговля, банкеты и медицина.

¹⁴ Учебник китайского языка содержал сведения по обычаям, культуре и быту. Этот учебник не ограничивался торговой тематикой и в более широком смысле касался повседневной жизни.

В состав корейских дипломатических миссий в Китай часто включался сотрудник, ответственный за сбор и составление списка новых слов и грамматических конструкций разговорного китайского языка, которые позже использовались в следующих версиях учебников.

В условиях постоянных контактов с Китаем активизировалась подготовка переводчиков. Поскольку они в социальном плане занимали промежуточное положение между дворянами и простолюдинами (называясь средним классом чжунин), преимущества их профессии были весьма очевидны. Правительство назначало официальных переводчиков на должности дипломатов, аудиторов и сборщиков налогов. Переводчики обладали некоторыми торговыми привилегиями и могли продвигаться вплоть до 3-го ранга в 18-уровневой правительственной иерархии. Возможность выезда за границу и знакомство с иностранными культурами рассматривались как особая привилегия, поскольку во время поездки среди прочих китайских товаров посланцы имели возможность приобрести книги в личное пользование¹⁵.

По мнению корейского философа, педагога и политического деятеля эпохи Чосон Ли И (李珥, 1536–1584, псевдоним Юль Гок), образованные люди обязательно должны были постоянно обращаться к китайским классическим сочинениям – «Четверокнижие» (四書 *Сасо*) и «Пятиканоние» (五經 *Огён*) [Кан, 2015. С. 103].

Наряду с «Великим учением» (*Тэхак*), входящим в «Четверокнижие», было популярно также сочинение «Тэхак хонмун» (大學或問), посвященное анализу тождества-отличия человеческой сущности и природных объектов. По этим произведениям читатели на основе изучения принципов морали и нравственных норм должны были воспитывать в себе конфуцианские добродетели.

Безусловно, в эпоху Чосон книги представляли собой не только интеллектуальную, но и большую материальную ценность. В это время книготорговля не была развита, тиражирование изданий было сопряжено с определенными временными и финансовыми затратами.

В этих условиях многие представители класса янбан стремились иметь дома личную библиотеку. Так, самой крупной частной коллекцией книг в первой половине эпохи Чосон считается собрание Ю Хвечхуна (柳希春, 1513–1577, литературный псевдоним Миам), видного конфуцианского ученого и чиновника высокого ранга. Его собрание составляло около 3500 томов, что является значительной цифрой для XVI в. [Там же].

Как было упомянуто выше, в первой половине эпохи Чосон книжный рынок практически отсутствовал, поэтому для пополнения книжной коллекции образованным людям приходилось искать разные способы. О методах, к которым пришлось прибегнуть упомянутому Ю Хвечхуну при создании своей личной библиотеки, можно достаточно подробно узнать из его дневниковых заметок «Миам ильги»¹⁶.

Ю Чвечхун, будучи крупным сановником, хорошо исполнявшим свои обязанности, нередко удостоивался особой чести получить книги в дар от вана. Пользуясь служебным положением, он мог также получать копии книг при распределении их из центральных административных офисов в провинциальные учреждения или обращаться с просьбами к членам посольской миссии в Китай, чтобы ему купили необходимые издания там. Помимо этого, в дворянской среде существовала традиция дарить книги друг другу или обмениваться ими. Знатный человек мог

¹⁵ Han Seung-dong, Korea Focus, The Secret of Joseon's Success in Foreign Language Education. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105714 (дата обращения 12.03.2018).

¹⁶ Эти подробные записи охватывают период в 11 лет, с 1567 по 1577 гг., и содержат не только ежедневные рабочие отчеты, но также детальные сведения о частной жизни Ю Хвечхуна и его семьи. «Миам ильги» значатся в списке Национальных сокровищ Кореи под номером 260 [Портал Национального культурного наследия Кореи. URL: http://www.heritage.go.kr/heri/cul/culSelectDetail.do?VdkVgwKey=12,02600000,36&pageNo=5_2_1_0 (дата обращения: 22.05.2018)]

позволить себе переписать понравившуюся книгу или поручить это кому-либо из своих подчиненных [Там же].

Подводя итоги, можно отметить, что прослойка грамотных людей в Чосонском обществе была весьма небольшой, и оставалась таковой достаточно долгое время, даже несмотря на появление и распространение национальной письменности. Возможности свободного приобретения книг для личного пользования так же были ограничены. При наличии множества планов и директив свободная рыночная книжная торговля в первую половину эпохи Чосон так и не появилась.

Наиболее распространяемыми видами литературы были классические китайские сочинения – конфуцианские трактаты, книги для начального обучения, труды по истории, земледелию, медицине, праву. Книги часто служили госаппарату как инструмент легитимизации и укрепления власти и использовались как средство для распространения конфуцианства, что накладывало отпечаток на жизнь общества, укрепляя его иерархичность.

Большая часть образованных людей занимала различные административные посты, куда они назначались благодаря знаниям классических китайских произведений. Таким образом, процесс чтения был ассоциативно связан с благородным происхождением, богатством и карьерой. По причине отсутствия книжного рынка и ограничений существовавшей системы тиражирования печатных изданий книги, особенно редкие, представляли большую материальную ценность даже для знатных людей. Людям приходилось прибегать к различным ухищрениям для получения необходимой литературы.

Такая ситуация создавала ореол элитарности и высокой значимости вокруг книжной продукции и всех связанных с ней явлений и процессов. Показательно, что черты подобного отношения можно увидеть и в современной корейской культуре.

Список литературы / References

Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга и социальный прогресс: Пятая всероссийская конференция по проблемам книговедения. М., 1986. С. 122–131.

Barenbaum I. E. Funkcional'nyj podhod i ego primenenie v knigovedenii // Kniga i social'nyj progress: Pyataya vserossijskaya konferenciya po problemam knigovedeniya [The Functional Approach and its Application in Book Science // The Book and Social Progress: The Fifth All-Russian Conference on Problems of Bibliology]. Moscow, 1986, p. 122–131. (in Russ.)

Барсук А. И. Вопросы общей теории книговедения // Книга: Исследования и материалы. Сб. 22. М., 1971. С. 5–34.

Barsuk A. I. Voprosy obshchej teorii knigovedeniya // Kniga: Issledovaniya i materialy. Vyp. 22 [Issues of the general theory of bibliography // Book: Studies and materials. Vol. 22]. Moscow, 1971, p. 5–34. (in Russ.)

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: НГУ, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. илл.

Voytishkek E. E. Game traditions in the spiritual culture of East Asia (China, Japan, Korea). Novosibirsk state university press: Novosibirsk, 2011, 311 p. (in Russ.)

Войтишек Е. Э., Зайкина В. О. Каноны цикла «Сань-бай-цянь» («Три-сто-тысяча») в контексте просветительской литературы старого Китая и их нумерологическое значение // Материалы всерос. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, АмГУ, 2003. С. 176–182.

Voytishkek E. E., Zaikina V. O. Canons of the cycle “San-Bai-Qian” (“Three-hundred-thousand”) in the context of educational literature of old China and their numerological value // Mat. of the conf. “Russia and China on the far Eastern borders”. Blagoveschensk, Amur State Univ. Press, p. 176–182. (in Russ.)

- Курбанов С. О.** Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 680 с.
Kurbanov S. O. Kurs lekcij po istorii Korei: s drevnosti do konca XX v. [The course of lectures on the history of Korea: from antiquity to the end of the 20th century]. Saint Petersburg, 2009, 680 p. (in Russ.)
- Cadavid Francisco.** The Struggle for Literacy in Korea: An examination of literacy and the power of language in Korea, 1392–1945. MARSEA Program, Columbia University: MA Thesis, 2012. 35 p.
- Ebrey Patricia Buckley, Walthall Anne.** East Asia: A Cultural, Social, and Political History. Wadsworth, Cengage Learning, 2014. 575 p.
- Kim Zongsu.** The History and Future of Hangeul. Korea's Indigenous Script. Global Oriental, 2005. 208 p.
- Lee Seongmu.** The Rise of Chungin and their Characteristics // Korea: The Past and the Present (2 vols). Global Oriental, 2008. P. 477–482.
- Nahm Andrew C.** Korea: Tradition and Transformation — A History of the Korean People (second ed.). Elizabeth, NJ: Hollym International, 1996. 631 p.
- Seth Michael J.** A History of Korea: From Antiquity to the Present. Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 552 p.
- Кан Мёнгван.** Чхекполледыль Чосоньль мантыльда [강명관. 책벌레들 조선을 만든다]. Книжные черви создали Чосон. Пхурын ёкса, 2015. 380 с. (на кор. яз.)
Kang Myeongwan. Chekbolledeul Joseoneul mandeulda [강명관. 책벌레들 조선을 만든다]. Bookworms made the Joseon. Pureun Yeoksa, 2015, 380 p. (in Kor.)
- Син Янсон.** Чосон чхоги соджиса ёнгу [조선초기 서지사 연구]. Исследование библиографии начала эпохи Чосон, Хэан, 2012. Т. 1., 254 с., Т. 2, 254 с. (на кор. яз.)
Sin Yangseon. Joseon chogi seojisa yeongu [신양선. 조선초기 서지사 연구]. The study of the bibliography of the early Joseon era, Haean, 2012, Vol. 1, 254 p., Vol. 2, 254 p., (in Kor.)

*Материал поступил в редколлегию
 Received
 20.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Витченко Мария Андреевна, ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, vitchenko89@mail.ru)
Maria A. Vitchenko, assistant of the Chair of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, vitchenko89@mail.ru)

УДК 7.01 + 763 + 7.031.2
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-99-108

Эстетический феномен японской татуировки *ирэдзуми* и ее связь с искусством гравюры *укиё-э* (на примере графики Утагава Куниёси)

Е. Е. Малинина, Д. С. Головешко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Традиционная японская татуировка *ирэдзуми* – одно из наиболее ярких явлений, получивших свое развитие в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.). Переняв множество графических особенностей у японской гравюры *укиё-э*, татуировка вошла в жизнь эдосцев и заняла важное место. Обладателями изысканных изображений на коже становились рикши, рыбаки, куртизанки, пожарные, представители маргинальной прослойки общества; иногда *ирэдзуми* встречалась среди торговцев. Строгие меры эпохи Мэйдзи (1868–1912) заставили татуировку уйти глубоко в подполье, и только после окончания Второй мировой войны демократизация японских законов способствовала возрождению этой традиции. Сравнительный анализ гравюры Утагава Куниёси и одной из работ современного токийского мастера *ирэдзуми* Сёдай Хорисин позволяет судить о степени композиционных и тематических заимствований в традиции японской татуировки. Малоизученность эстетического феномена *ирэдзуми* в отечественном и зарубежном востоковедении, ее органичная связь с искусством японской гравюры обуславливает закономерность и актуальность обращения к данной проблематике.

Ключевые слова

Эпоха Эдо, гравюры, Утагава Куниёси, традиционная японская татуировка *ирэдзуми*

Для цитирования

Малинина Е. Е., Головешко Д. С. Эстетический феномен японской татуировки *ирэдзуми* и ее связь с искусством гравюры *укиё-э* (на примере графики Утагава Куниёси) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 99–108. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-99-108

Aesthetic phenomenon of the traditional Japanese tattoo and its connection with the art of Japanese woodblock prints (based on examples of Utagawa Kuniyoshi's work)

Elizaveta E. Malinina, Daria S. Goloveshko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Traditional Japanese tattooing widely known as 入れ墨 *irezumi* is one of the brightest arts with strong roots dating back to the Edo period (XVII–XIX centuries). As it developed in open cultural spaces of the Edo period, *irezumi* adopted

© Е. Е. Малинина, Д. С. Головешко, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

many graphic features of 浮世絵 *ukiyo-e* – Japanese woodblock prints, and quickly became a special body decoration. Despite being linked to *yakuza* culture, *irezumi* still contain numerous elements which correspond to the visual code of Asian culture represented in most pieces of eastern art. Unfortunately however, this aesthetic phenomenon remains poorly studied by scholars.

The most significant example of connection between the Japanese traditional tattoo and the art of Japanese woodblock printing is the frequent adoption of subjects and composition of Kuniyoshi's woodblock series "108 heroes of Water Margin". Comparative analysis of "Zhang Shun. White Stripe in the Waves" and *irezumi* based on this woodblock print confirmed that traditional Japanese tattoos imitate a composition of the particular *ukiyo-e* from the aforementioned series but the main distinguishing features of *irezumi* are the presence of additional elements such as cherry blossoms, peony, and a storm cloud-like background. Moreover, these additional elements which obviously represent a visual code of Asian culture, along with the bends of the human body, play a significant role in creating a special rhythm of the picture.

Comparing principles of Japanese tattoo aesthetic with statements given in "Manual of the Mustard Seed Garden" proved that *irezumi* can be considered a specific kind of art.

Keywords

Edo period, Utagawa Kuniyoshi's woodblock prints, traditional Japanese tattooing

For citation

Malinina E. E., Goloveshko D. S. Aesthetic phenomenon of the traditional Japanese tattoo and its connection with the art of Japanese woodblock prints (based on examples of Utagawa Kuniyoshi's work). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 99–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-99-108

Японское искусство эпохи Эдо (XVII–XIX вв.) считается одним из наиболее изученных, поскольку до наших дней дошло бесчисленное множество оригинальных произведений, сохранились и продолжают жить традиции, сложившиеся в то время. Тем не менее, искусствоведы и историки искусства уделяют вниманием еще одну живую богатую традицию, берущую начало в эпоху Эдо, – традицию японской татуировки, часто именуемой 入れ墨 *ирэдзуми*.

Такие изобразительные особенности *ирэдзуми*, как обилие элементов благожелательной символики, наличие черт, соотносящихся с национальной культурой Японии, обусловлены ее формированием в открытой городской среде [Gordon, 2003. P. 37–41] и контактом с демократичной культурой эпохи Эдо, в частности – с искусством гравюры 浮世絵 *укиё-э*. Безусловно, долгое время татуировка в Японии ассоциировалась с преступной средой, в связи с чем нельзя также исключать наличия у ее элементов набора дополнительных значений, хорошо известных только представителям субкультуры *якудза* [Мещеряков, 2003. С. 477]. Тесная связь татуировки и значений, придаваемых ей определенной средой, является сложностью для искусствоведческого изучения данного явления, однако в отношении *ирэдзуми* можно говорить о том, что относительно устойчивая совокупность элементов, используемых для создания композиции, уходит корнями глубоко в культуру стран Восточной Азии. В связи с этим изучение японской татуировки с позиций искусствоведения должно начинаться с установления связей между *ирэдзуми* и искусством среды, в которой татуировка и зародилась.

Заемствование японской татуировкой сюжетов из серии гравюр «108 героев романа "Речные заводы"» (или «Речные заводы»), созданной Утагава Куниёси по мотивам известного классического китайского романа, есть наиболее яркий пример обогащения традиции японской татуировки посредством заимствования китайского литературного сюжета, некогда используемого японской гравюрой *укиё-э*.

В тексте романа, созданного в XIV в. в Китае, содержатся упоминания о том, что тела некоторых членов разбойной группировки, предводителем которой в ходе развития сюжета стал

Чао Гай, были покрыты татуировками. В целях подтверждения данного тезиса не будет лишним обратиться к тексту самого романа. Например, показательной является момент знакомства У Юна с Юань Сяо-у: «У Юн увидел человека в рваной косынке, небрежно повязанной, и поношенной полотняной рубашке с распахнутым воротом. За ухом у него торчал гранатовый цветок, а на груди виднелась тёмно-синяя татуировка, изображающая барса» [Речные заводы, 1959. Т. 1. С. 208]. Интерес представляет также описание внешности Се Бао, известного под прозвищем Двуххвостый скорпион: «Ростом он тоже был более семи *чи*, с круглым лицом, темнокожий. На ногах у него выделялась татуировка, изображавшая двух страшных демонов» [Там же. Т. 2. С. 258]. Приведенные выше фрагменты дают некоторое представление о том, как выглядели татуировки самих героев, и том, как, вероятно, могли выглядеть татуировки китайцев, живших в исторических реалиях, описанных в романе.

Первое появление романа в Японии датируется 1757 г. Не исключено, что образовавшаяся к тому моменту маргинальная прослойка, для которой наличие тюремных меток или татуировок считалось нормой, в значительной мере повлияла на успех произведения: в какой-то степени люди могли отождествлять себя с благородными разбойниками, а потому охотно читали роман. Рост популярности сюжета «Речных заводов», адаптированного и для театра *кабуки*, дал толчок росту спроса на татуировки, из-за чего их носителями становились и некоторые мещане. В период 1827–1830 гг. прославленный Утагава Куниёси посвящает событиям шумевшего романа серию гравюр, которые впоследствии становятся настоящей сенсацией [Исао Тосихико, 1995. С. 80–81; Friedman, 2015. Р. 257]. Предположительно, художник взял за основу скудные описания изображений и, чтобы сделать образы героев более экспрессивными, гиперболизировал описания, дал татуировкам «разрастись» по их телам, что, вне всяких сомнений, понравилось зрителю. Таким образом, среди поклонников *ирэдзуми* распространилось не только копирование татуировок героев (хитросплетения цветов, летящих драконов, тигров, языков пламени и др.), но и подражание гравюрам Куниёси. Последнее можно объяснить форматом и особенностями композиций в знаменитой серии «портретов воинов» 武者絵 *муся-э*¹.

Каждая из сцен «Речных заводов», вышедшая из-под руки мастера Утагава Куниёси, является самостоятельным произведением, связанным с романом и циклом гравюр на контекстуальном уровне. Сцены вписываются в формат прямоугольной, не слишком вытянутой по вертикали доски, на поверхность которой помещаются две наиболее важные составляющие композиции: герой и объект, с которым он взаимодействует. Композиции, помещенные в подобные рамки, удобны для перенесения в виде татуировки на тело, как правило, на поверхность спины.

Из написанных Куниёси сцен «Речных заводов» наиболее часто в традиционных японских татуировках воспроизводится сюжет, где изображен разламывающий решетку Чжан Шунь². Эту гравюру мы возьмем в качестве образца для сопоставительного анализа (рис. 1).

Центральную позицию занимает сам герой, с видимым усилием распирающий прутья решетки. Его брови сведены к переносице, нос сморщен, что говорит как о сильном физическом напряжении, так и о гневе, злости; уголки рта, удерживающего кинжал, приподняты в оскале. Герой практически обнажен, его тело покрывают узоры татуировки в конфигурации, близкой к современной (при этом границы татуировки образуют полы «халата»). В Чжан Шуня летят

¹ Букв. «портреты воинов». Муся-э – жанр *укиё-э*, в котором была создана серия гравюр «108 героев романа «Речные заводы»».

² Японская гравюра: Чжан Шунь. Белая лента в воде. 108 героев романа «Речные заводы» // Персональный сайт каллиграфа Олега Рахманова. URL: http://www.hi-braa.spb.ru/nihhon/engraves/108heroes_suikoden.php?img=Suikoden30&irezumi=_tattoo (дата обращения 26.09.2018).

Рис. 1. «Чжан Шунь. Белая лента в воде». Гравюра из серии Утагава Кунийёси «108 героев романа “Речные заводи”». По: <http://www.hi-braa.spb.ru>
 Fig. 1. “Zhang Shun. White Stripe in the Waves”. Woodblock print from “108 heroes of Water Margin” by Utagawa Kuniyoshi. Source: <http://www.hi-braa.spb.ru>

стрелы, но его поза несмотря ни на что остается открытой, тем самым демонстрируется бесстрашие героя перед лицом смерти. Потоки воды, бегущие под ногами Чжан Шуня, наводят на мысли о его прозвище «Белая лента в воде», которое ему дали за его необычайный талант к плаванию и нырянию [Речные заводы, 1959. Т. 2. С. 528].

Для данной композиции, как для всей серии гравюр, характерно гипертрофированное изображение мускулатуры. Мышцы прорисовываются четкими, контрастирующими с кожей линиями, не свойственными выбранному художником телосложению.

Поскольку практически все пространство гравюры занимает тело Чжан Шуня, роль предметов, с которыми взаимодействует герой, сведена к минимуму. Фактически они служат декорациями, создают необходимый для сцены антураж. Подобный минимализм отличает многие портретные работы Куниёси [Хасимото Осаму, 1995. С. 24–37]. Прутья решетки выглядят массивными, однако они изогнуты и разорваны так, будто на их форму повлиял взрыв, а не физическая сила героя — Куниёси преувеличивает возможности Чжан Шуня в экспрессивных целях. Кроме того, не будет лишним отметить эффект «наслаивания» обоюдно направленных движений, создаваемый художником с помощью противопоставления векторов полета стрел и векторов, по которым изгибаются прутья решетки, течет вода и движется сам герой. Таким образом, движение вправо «прорывается» через разреженный поток стрел, направленный влево, что, безусловно, оживляет композицию [Даниэль, 1990. С. 78–84].

Во взятой нами гравюре превалирует теплая цветовая гамма: Куниёси использует красный цвет и теплые зеленые оттенки (в некоторых коллекциях хранятся копии данной гравюры, выполненные в более холодных тонах, что обусловлено особенностями процесса ксилографической печати).

В качестве примера для сравнения мы взяли фотографию одной из работ токийского мастера *ирэдзуми*, известного под именем Сёдай Хорисин³ (рис. 2). Примечательно, что значительную долю работ этого мастера составляют именно татуировки, созданные на основе гравюр из серии «Речные заводы». В своем интернет-портфолио С. Хорисин размещает фотографии, отображающие разные этапы работы над той или иной татуировкой. Даты размещения фотографий, а также изменения, запечатленные на них, дают представление о том, как долго создается татуировка и какие шаги предпринимает мастер на определенном этапе.

На представленной фотографии можно видеть уже завершенную композицию. Автор татуировки пытается добиться максимального сходства с образцом и в то же время привнести множество деталей, делающих татуировку уникальной, отличной и от оригинальной гравюры, и от остальных созданных им *ирэдзуми*. Приступая к детальному анализу данной татуировки, следует рассматривать части композиции, двигаясь от центра к периферии, что объясняется особенностями организации ее основных элементов, которые практически полностью повторяют организацию образца.

Тем не менее, ритм *ирэдзуми* в значительной степени отличается от ритма, задаваемого Утагава Куниёси, причиной чему является соединение траекторий движения декоративных элементов, введенных в композицию мастером татуировки, движения Чжан Шуня и изгибов человеческого тела [Волкова, 1974. С. 29–30]. Плоскость гравюры позволила художнику развернуть два обоюдно направленных движения, однако изгиб спины предполагает работу с другими векторами, что заставляет мастеров татуировки «подгонять» исходное изображение под особенности телосложения своего клиента. На рассматриваемой нами татуировке, в пер-

³ Сёдай Хорисин, Токио // Страница мастера *ирэдзуми* на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/horishin.syodai/photos/a.787006038023293.1073741828.786950474695516/1387775764612981/?type=3&theater> (дата обращения 30.04.2018).

Рис. 2. Тагуировка *ирэдзуми*, созданная на основе гравюры «Чжан Шунь. Белая лента в воде».

Мастер Сэдай Хорисин. По: <https://www.facebook.com/pg/horishin.syodai>

Fig. 2. *Irezumi* Tattoo based on “Zhang Shun. White Stripe in the Waves” by Shodai Horishin.

Source: <https://www.facebook.com/pg/horishin.syodai>

вую очередь, взгляд привлекает плоскость треугольника, стороны которого пролегают между верхней частью лица героя, изгибом его колена и серединой бедра его правой ноги, и чем дальше взгляд реципиента направляется от центра к периферии, тем более заметным становится круговое движение элементов против часовой стрелки. Сёдай Хорисин изменил ритм композиции и вместе с тем создал другой эффект восприятия: «прорыв» Куниёси сменился пульсацией и закручиванием.

Справедливо заметить, что восприятие движения в композиции татуировки напрямую зависит от точки, с которой реципиент будет смотреть на изображение. Однако именно в возможности посмотреть на *ирэдзуми* под иным углом кроется главная особенность композиции татуировки. Мастер может брать известное произведение в качестве основы, но менять масштаб смыслового центра композиции, тем самым регулируя объем пространства свободного для изменения ритма и достройки изображения с помощью дополнительных деталей.

Дополнительные детали в рассматриваемом нами случае представляют собой цветы и лепестки сакуры, ассоциирующиеся у японцев со скоротечностью бытия, наталкивающие на мысли о «печальном очаровании вещей». Немаловажную роль в татуировке высокой степени покрытия играет такое декоративное дополнение, как фон, выполняющий сразу несколько функций: он объединяет все сюжеты, расположенные на разных частях тела, заполняет пустоты, формирует границы татуировки, превращая ее в подобие одежды, и, что самое важное, задает ей динамику, смену ритма в зависимости от точки зрения. Нередко фон представлен в виде грозового неба, воздушных потоков, бурного моря и т. д. Другими словами, фон татуировки предстает в форме необузданной стихии, неотъемлемой части японской природы, которой японцы покоряются испокон веков [Человек и мир..., 1985. С. 48–49]. В татуировке С. Хорисина в качестве фона выступают тяжелые черные тучи, вызывающие у реципиента чувство тревоги и приближения непредсказуемых изменений.

С помощью заполнения заднего плана чернильно-темными тучами Сёдай Хорисин усиливает контрастность цветовой гаммы, дает изображению глубину, акцентирующую внимание реципиента на фигуре героя. Мастер татуировки практически полностью повторяет четкие контуры гравюры Куниёси, лишь слегка изменяя пропорции тела героя в сторону худобы, смягчая линии складок на набедренной повязке.

Анализ этих произведений доказывает, что мастера *ирэдзуми* готовы заимствовать композицию и основное содержание гравюр Утагава Куниёси, однако использование *укиё-э* как идейного и композиционного ориентира не переходит в копирование. Фактически мастера татуировки держатся довольно далеко от оригинального изображения и вводят авторские детали. Однако ни внешняя схожесть изображения *ирэдзуми* с признанным шедевром, ни смелость композиционных решений, принимаемых С. Хорисином, не могут дать ответа на вопрос, насколько проанализированная нами татуировка близка к восточному искусству. В связи с этим встает необходимость поиска критериев, определяющих «художественность» татуировки.

«Иногда копии могут быть технически выполнены лучше оригинального эскиза, однако копия лишена духа оригинала. Это не вопрос умений художника, а вопрос присутствия духа, сущности <...>. Настоящая эстетика японской татуировки предполагает наличие и красоты, и одухотворенности»⁴, – это слова мастера *ирэдзуми* Хориёси III, одного из старейших татуировщиков, живущих ныне. Другой мастер из Гифу, известный под именем Хорихидэ, в одном из интервью вспоминал слова своего учителя: «Люди ищут в татуировке только красоту, одна-

⁴ *The Secret Art of the Japanese Tattoo // Vice International YouTube Channel*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oybrdkBC13Y> (дата обращения 29.09.2018).

ко по-настоящему хорошая татуировка должна представлять собой не симпатичную картинку, а нечто большее. Она должна жить своей жизнью» (Цит. по: [Gilbert, 2000. P. 83]).

Содержание приведенных цитат свидетельствует о том, что татуировка, будучи так или иначе вовлеченной в дальневосточную художественную традицию, обязана отвечать критериям правильной картины в понимании, данном в основополагающих трактатах об искусстве Востока. Например, в китайском произведении XVII в. «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» перечисляются признаки, которые должно содержать в себе настоящее произведение искусства. Согласно данному трактату, дух (*ци*) является первичным, а форма его воплощения – вторична, таким образом, принцип изобразительной реальности сводится не к попытке достижения внешнего сходства, а к наполнению картины жизнью, эмоциональным и эстетическим опытом художника, познавшего изображаемый предмет. Один из главных признаков хорошей картины – движение, ведь движение есть неотъемлемая часть *ци* [Слово о живописи..., 2001. С. 351–356], поэтому эстетика традиционной японской татуировки должна быть преисполнена жизнью и движением. Изящность линий уходит на второй план, если мастер не может «оживить» татуировки, то нет смысла говорить о ее ценности как произведении искусства.

Живопись на Востоке, как правило, не знает предварительных набросков, характерных для классической западной живописи, а потому, согласно вышеупомянутому теоретическому трактату, «главное достоинство художника – умение воспроизвести по памяти, перенести на свиток возникший в душе «внутренний образ» предмета, выражающий его сущность» [Там же. С. 449].

Рассказывая о традиционной японской татуировке, Хориёси III не единожды акцентирует внимание на том, что работа татуировщика должна быть вдохновенной. По его мнению, человек не сможет научиться рисовать или создавать татуировки сходу, повинаясь творческому порыву, пока он привязан к эскизу. Несмотря на тот факт, что одна композиция может наноситься на тело человека по небольшому фрагменту в течение долгих лет⁵, каждый сеанс мастер может импровизировать. Мастер Хорикидэ из Гифу, рассуждая об особенностях творческого процесса, упоминает понятие *以心伝心 исин дэнсин* (букв. «понимание без слов»). С головой погружаясь в создание татуировки, мастер начинает ощущать, что его сердце и его руки думают об одном и том же, а потому мысль, пройдя через движения руки от самой души художника, без всякого искажения появляется на теле человека (Цит. по: [Gilbert, 2000. P. 87]). Весьма вероятно, что работа над созданием татуировки заключается не только в умении воплощать созревшую в уме идею, но еще и в умении подчинять технику вдохновению [Слово о живописи..., 2001. С. 347].

Учитывая описанные выше теоретические положения и специфику рассматриваемого явления, можно утверждать, что *ирэдзуми* – особый вид японского искусства. *Ирэдзуми*, будучи младшим современником «картин изменчивого мира» *укиё-э*, пожалуй, как ничто другое отражает неустойчивость вещей [Григорьева, 1979. С. 263]. Татуировка умирает вместе с носителем, проживая его жизнь, моменты слабости, минуты беспечного веселья, а ее традиция продолжает существовать в череде воспроизводимых раз за разом сюжетов давно ушедшей эпохи. По мнению японского исследователя Мацуда О., кто одним из первых начал изучать этот вопрос, татуировка является воплощением парадоксальной эстетики соединения чего-то живого и материального с фантастическим, органического и телесного с искусственным [Мацуда Осаму, 1972. С. 23; Мацуда Осаму, 2003. С. 210]. Могучий дракон, существовавший некогда лишь

⁵ *Adelstein J.* In Japan Tattoos Are Not Just For Yakuza Anymore // The official site of Japan Subculture Research Centre. URL: <http://www.japansubculture.com/in-japan-tattoos-are-not-just-for-yakuza-anymore/> (дата обращения 10.03.2018).

в мыслях художника, в сказках и легендах, посредством долгой процедуры введения пигментов обретает плоть и кровь на теле человека, чья жизнь хрупка и коротка.

Подводя итоги, следует отметить, что при изучении традиционной японской татуировки *ирэдзуми* необходимо обращаться к множеству аспектов и японской культуры, и восточноазиатской культуры в целом. Настоящая статья затрагивает лишь небольшую часть вопросов эстетики *ирэдзуми*, чья связь с искусством Японии очевидна, но дальнейшего изучения требует техника исполнения татуировки, связь с духовной сферой жизни японцев, семантика элементов, ее потенциал как инструмента ретрансляции японской культуры. Изучение японской татуировки может открыть исследователям новые грани понимания японского искусства.

Список литературы / References

- Волкова Е. В.** Эстетический анализ художественных произведений. М.: Знание, 1974. 47 с.
Volkova E. V. Jesteticheskiy analiz hudozhestvennykh proizvedenij [Aesthetic analysis of art]. Moscow, 1974, 47 p. (in Russ.)
- Григорьева Т. П.** Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 368 с.
Grigor'eva T. P. Japonskaja hudozhestvennaja tradicija [Japanese tradition of Art]. Moscow, 1979, 368 p. (in Russ.)
- Даниэль С. М.** Искусство видеть. СПб.: Искусство, 1990. 223 с.
Daniel S. M. Iskustvo videt' [The Art of Seeing]. Saint-Petersburg, 1990, 223 p. (in Russ.)
- Мещеряков А. Н.** Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. 556 с.
Meshherjakov A. N. Kniga japonskih simvolov. Kniga japonskih obyknovenij [Book of Japanese symbols. Boos of Japanese traditions]. Moscow, 2003, 556 p. (in Russ.)
- Слово о живописи из сада с горчиное зерно / Пер. и коммент. Е. В. Завадской. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. 508 с.
Slovo o zhivopisi iz sada s gorrichnoe zerno [Manual of the Mustard Seed Garden] / Trans. by E. V. Zavadskaia. Moscow, 2001, 508 p. (in Russ.)
- Человек и мир в японской культуре / Отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука, 1985. 280 с.
Chelovek i mir v japonskoj kul'ture [Human and world in Japanese culture]. Moscow, 1985, 280 p. (in Russ.)
- Ши Найань.** Речные заводи: В 2 т. / Пер. А. Рогачёва. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. Т. 1. 208с.; Т. 2. 258с.
Shi Nai'an. Rechnye zavodi [Water Margin] / Trans. By A. Rogachjov. Moscow, 1959, vol. 1, 208 p.; vol. 2, 258 p. (in Russ.)
- Friedman A. F.** The World Atlas of Tattoo. New Haven: Yale University Press, 2015. 257 p.
- Gilbert S.** Tattoo History: a Source book. Hong Kong, 2000. 216 p.
- Gordon A.** A Modern History of Japan: From Tokugawa times to the Present. New York: Oxford University Press, 2003. 384p.
- Исао Тосихико.** Тяки-тяки-но эдокко Куниёси [惠俊彦。チャキチャキの江戸っ子 国芳]. Истинное дитя эпохи Эдо: Куниёси // Куниёси. Борьба художников конца правления бакуфу. Токио: Синтё:ся, 1995. 118 с. (на яп. яз.)
Isa Toshihiko. Chaki-chaki no edokko Kuniyoshi [惠俊彦。チャキチャキの江戸っ子 国芳]. Veritable child of Edo: Kuniyoshi. Tokyo, Shinchousha, 1995, 118 p. (in Jap.)
- Мацуда Осаму.** Сисэй, сэй, си [松田修。刺青 性 死逆光の日本美]. Татуировка, суть, смерть: обратная сторона японской эстетики. Токио: Хэйбонся, 1972. 290 с. (на яп. яз.)
Matsuda Osamu. Shisei, sei, shi [松田修。刺青 性 死逆光の日本美]. Tattoo, essence, death: reverse light of Japanese beauty. Tokyo, Heibonsha, 1972, 290 p. (in Jap.)
- Мацуда Осаму.** Нихон ирэдзуми рон [松田修。日本刺青論]. О японской татуировке // Собрание сочинений Мацуда Осаму в 8 т. Токио: Исибунсёин, 2003. Т. 6. 723 с. (на яп. яз.)

Matsuda Osamu. Nihonirezumiron [松田修。日本刺青論]. About Japanese tattoo. Tokyo, Ishibun shoin, 2003, vol. 6, 723 p. (in Jap.)

Хасимото Осаму. Куниёси-но хё:дзё [橋本治。国芳の表情]. Выразительность в работах Куниёси // Куниёси. Борьба художников конца правления бакуфу. Токио: Синтё:ся, 1995. 118 с. (на яп. яз.)

Hashimoto Osamu. Kuniyoshi no hyoujou [橋本治。国芳の‘表情’]. Expression of Kuniyoshi’s works. Tokyo, Sinchousha, 1995, 118p. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

Received

07.06.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Малинина Елизавета Евгеньевна, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, malininae@yandex.ru)

Elizaveta E. Malinina, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, malininae@yandex.ru)

Головешко Дарья Сергеевна, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, golovenko.daria@gmail.com)

Daria S. Goloveshko, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, golovenko.daria@gmail.com)

УДК 811.521'36

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-109-121

Семантика идиом с компонентами 気 *ки* и 心 *когоро* и соматическими компонентами в современном японском языке

Н. В. Кутафьева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В данной работе на основе антропоцентрического подхода анализируются идиомы с компонентами 気 *ки* «дух, душа» и 心 *когоро* «сердце, душа» и соматизмами 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот». Цель работы – сравнить семантику идиом и описать их общие и специфические значения. У духа (души) отсутствует определенное местоположение в теле человека, данное значение могут передавать соматизмы, 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот» как емкости для души. Семантика идиом с компонентом 気 *ки* «дух, душа» связана с личностным восприятием ситуации, с компонентом 心 *когоро* «сердце» – с сердцем какместилищем для души, с соматизмом 頭 *атама* «голова» – с мыслительным процессом, из чувств – со злостью, с соматизмом 胸 *мунэ* «грудь» – с состраданием, с соматизмом 腹 *хара* «живот» – с истинными помыслами, намерениями и чувствами, связанными с инстинктом самосохранения и эгоистическими чувствами.

Ключевые слова

Японский язык, идиома, соматизм, семантика

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Семантика идиом с компонентами 気 *ки* и 心 *когоро* и соматическими компонентами в современном японском языке // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 109–121. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-109-121

The Semantics of Idioms with Components 気 “*ki*” and 心 “*kokoro*” and Somatic Components in Modern Japanese Language

Natalia V. Kutafeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Based on the anthropocentric approach, this article analyzes the meaning of idioms which contain the components 気 *ki* ‘spirit’ and 心 *kokoro* ‘heart’ and somatic components, 頭 *atama* ‘head’, 胸 *mune* ‘breast’, and 腹 *hara* ‘belly’. The analyzed idioms were taken by way of sampling from Japanese dictionaries. The aim of this study was to compare the meanings of idioms with component 気 *ki* ‘spirit’ and 心 *kokoro* ‘heart’ and idioms with somatic components and to describe their common and individual meanings. The opposition of the spirit and the body is absent in Japanese tradition, as the spirit and body are considered as a unity. The spirit (lexemes 気 *ki* and 心 *kokoro*) is not bound to a particular place in the human body so the given meaning may be expressed with the help of somatic words which are

© Н. В. Кутафьева, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

considered as vessels for the spirit. Most of the analyzed lexemes formed polysemantic idioms. In one of the expressed meanings, idioms may be synonyms: 1) Idiom semantics remain unchanged but the component composition varies. 2) Idioms with different components being stable semantically and structurally may be synonyms, component composition remains unchanged.

The meanings of idioms with component 気 *ki* 'spirit' are related to the feelings that characterize a person's attitude to a phenomenon or an object, or even their subjective perception of a situation. Idioms with component 心 *kokoro* 'heart' have meanings directly related to the 気 *ki* component as a spirit and as a vessel for the spirit. Idioms with components 頭 *atama* 'head', 胸 *mune* 'breast' and 腹 *hara* 'belly' describe the various characteristics of 心 *kokoro* 'heart'. Idioms with the somatic component 頭 *atama* 'head' are generally linked to the mental process; as for the feelings, with anger. The description of emotional state is profoundly connected with intellectual and rational activities. Idioms with component 胸 *mune* 'breast' generally express the meaning of 'feelings related to compassion'. Idioms with component 腹 *hara* 'belly' express the meaning 'genuine thoughts and intentions' on one side, and 'feelings related to the instinct of self-preservation and egoism' on the other.

Keywords

Japanese language, idiom, somatic expression, semantics

For citation

Kutafeva N. V. The Semantics of Idioms with Components 気 "ki" and 心 "kokoro" and Somatic Components in Modern Japanese Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 109–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-109-121

При анализе языковых явлений в современной лингвистике широко используется антропоцентрический подход, при котором человеческий фактор является определяющим, а язык и человек рассматриваются в неразрывной связи друг с другом. Данный подход предполагает рассмотрение сущности человеческой природы и ее проявлений в языке, в частности, в идиомах, которые содержат информацию о привычках, мировоззрении, особенностях вербального мышления носителей данного языка.

Японские и российские лингвисты¹ рассматривали различные проблемы японской идиоматики. Тем не менее, определение идиомы до сих пор остается предметом дискуссий, а для обозначения данного явления используются различные термины *イデオロム* *идиому* «идиома», *慣用句* *канъё:ку* «идиома», *慣用語* *канъё:го* «идиома», *熟語* *дзюкуго* «идиома, фразеологизм», *成句* *сэйку* «фразеологизм» [Гэнгогаку дайdzитэн, 1996. С. 51].

Далее рассмотрим признаки идиомы.

Существует мнение, что идиома состоит из двух или более слов; синтаксически и семантически представляет единое образование и функционирует как слово, т.е. обладает идиоматичностью, устойчивостью, воспроизводимостью и имеет четко выраженное метафорическое значение [Ито Макото, 1989. С. 382].

Считается, что в зависимости от частеречной принадлежности главного компонента идиомы могут быть именными, глагольными и адъективными [Коикэ Сэйдзи, 2003. С. 28].

Существует аксиома, что идиомы отражают быт человека, традиции, верования, взаимодействие с окружающим миром, а также специфику мировосприятия окружающего мира [Тумаркин, 2004. С.137].

Нас интересуют идиомы со следующими характеристиками:

¹ Японские лингвисты Сираиси Дайдзи, Иноуэ Мунэо – структура идиом, Мияти Ютака, Коикэ Сэйдзи – классификация идиом, Ито Макото, Исида Присцилла – сравнительная фразеология, российские японоведы С. А. Быкова – вопросы теории устойчивых словосочетаний, Т. М. Гуревич – фразеология как лингвокультурное явление, П. С. Тумаркин – специфика разговорной фразеологии.

- а) состоят из двух и более компонентов, обладающих собственным лексическим значением и свободно употребляющихся в других словосочетаниях;
- б) могут иметь прямое значение и метафорический перенос;
- в) являются глагольными или адъективными сочетаниями;
- г) описывают психофизическое состояние человека.

Соматизмы, являясь древним пластом лексики любого языка, обозначают тело в целом или его части и специфические для них действия, которые несут в дополнение к их природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы [Большой фразеологический словарь, 2006. С. 772].

В японском языке существует несколько слов для обозначения души: 氣 *ки*, 魂 *тама*, 心 *кокоро*. Лексема 氣 *ки* означает «воздух, дыхание, энергия, дух (душа)» и выражает идею фундаментальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и энергетической субстанции, которая лежит в основе устройства Вселенной [Духовная культура Китая, 2006. С. 549–551].

Лексема 魂 *тама* означает «душу, дух, жизненную силу, духовную энергию». Действия 魂 *тама* определяют сознание, чувства, мышление, психологические реакции человека и управляют телом. Лексема 心 *кокоро* означает «сердце, эмоциональное сознание» [Бакшеев, 2001. С. 209].

Мы провели анализ идиом, в состав которых входят компоненты 氣 *ки* и 心 *кокоро* и компоненты-соматизмы. Из японских словарей (включая «Большой японско-русский словарь» под ред. Н.И.Конрада, «Японско-русский фразеологический словарь» С.А.Быковой, «Большой словарь японского языка», «Японско-русский словарь» изд-ва «Кэнкю:ся», Толковые онлайн-словари японского языка Goo² и Weblio³, «Рэйкай канъё:ку дзитэн») методом сплошной выборки были отобраны примеры идиом⁴.

В данной работе мы использовали описательный, системно-классификационный методы, метод непосредственного наблюдения, а также метод компонентного анализа, с помощью которых мы провели анализ материала, обобщили результаты предшествующих исследований, определили национально-культурную специфику японских идиом, провели классификацию материала и выполнили перевод большей части анализируемых идиом.

Цель данной работы – сравнить семантику идиом с компонентами 氣 *ки* «дух, душа» и 心 *кокоро* «сердце, душа» и компонентами-соматизмами и описать их общие и специфические значения в современном японском языке.

В каждом из подразделов описания семантики идиом мы выделили подгруппы, выражающие их специфические значения. Все анализируемые нами компоненты являются полисемантическими, поэтому в переводе мы указываем значение, традиционно закрепившееся за данными лексемами в русской лексикографии.

Категория 氣 *ки* (яп. *ки*) является одной из основных категорий китайской философии, заимствованной в Японию. Это субстанция, благодаря изменению и движению которой существует Вселенная. Выделяются три уровня понятия: космогонический (универсальная субстанция Вселенной), антропологический (наполнитель человеческого тела), психологический

² Толковый онлайн-словарь японского языка Goo. URL: <http://dictionary.goo.ne.jp/srch/jn/> (дата обращения 13.02.2018),

³ Толковый онлайн-словарь японского языка Weblio. URL: <http://www.weblio.jp/content/> (дата обращения 10.02.2018).

⁴ С компонентом 氣 *ки* «дух, душа» – 122, с соматизмами 心 *кокоро* «сердце» – 50, 胸 *мунэ* «грудь» – 59, 頭 *атама* «голова» – 30, 腹 *хара* «живот» – 26. Примеры предложений, взяты с сайтов японских онлайн-словарей и из японского «Словаря идиом» [Рэнкай канъёку дзитэн, 2001].

(психологический центр или 心 «сердце», находящийся под влиянием воли и регулирующий чувство [Духовная культура Китая, 2006. С. 549–551].

В специальных областях знаний – таких, как традиционная китайская философия, медицина, боевые искусства и *бусидо*, лексема 気 *ки* продолжает использоваться в указанных выше значениях. Так, в «Ки итиго-но дзитэн» («Словарь одного слова 気 *ки*») рассматривается заимствование слова из китайского языка, значения, которые оно выражает в современном японском языке, а также анализируются значения и чтения слов, содержащих иероглиф 気 [Сато Киёдзи, 1996].

В словаре «Нихонго дайджитэн» приведено восемь значений: «воздух, атмосфера; то, что происходит в атмосфере, например, погода, климат; дыхание; особый элемент; запах, аромат; работа сердца, настроение; особая атмосфера; сознание; в китайской философии «жизненная энергия» [Нихонго дайджитэн, 1989. С. 438].

В «Японско-русском словаре» значения лексемы подразделяются на две группы: 1) «объективное существование: воздух; атмосфера; аромат; дыхание»; 2) «психофизические характеристики человека» [Японско-русский словарь, 2000. С. 223].

Мы рассмотрели идиомы с семантикой, связанной с чувственной стороной деятельности человека. После проведенного анализа были выделены следующие значения идиом с компонентом 気 *ки* (в скобках указано количество найденных примеров).

1. «Дух; чувства, настроение» (46). Описываются такие чувства, как переживание, волнение; радость, предвкушение, а также плохое или хорошее настроение; изменение настроения: 気が腐る *ки-га кусару* «быть в плохом настроении», 気が変わる *ки-га кавару* «настроение изменяется». Второй компонент – глаголы с прямым значением «быть возбужденным, успокоиться, изменяться, страдать, охладевать, конфликтовать и др.».

2. «Душа, характер» (23). В основном в сочетании с предикативными прилагательными передается значение «черты характера»: 気がいい *ки-га ийи* «добрый», 気が重い *ки-га омой* «флегматичный», 気が荒い *ки-га арай* «буйный». Второй компонент – прилагательные-антонимы, например, 大きい *оокий* «большой – 小さい *тшисай* «маленький», 強い *цуйй* «сильный – 弱い *ёвай* «слабый, 長い *нагай* «длинный» – 短い *мидзикай* «короткий»: 気が大きい *ки-га оокий* «великодушный», 気が小さい *ки-га тшисай* «скупой».

3. «Намерение, склонность, интерес» (18). Описываются значения «наличие / отсутствие желания делать что-то, склонность к чему-либо»: 気が向く *ки-га муку* «иметь желание сделать что-либо», 気が進まない *ки-га сусуманай* «не иметь желания делать что-либо». Второй компонент – глаголы с прямым значением «быть, делать, быть направленным, продвигать и др.»

4. «Дух, душа, сердце, состояние» (16). Проявляется значение компонента 気 *ки* «работа сердца»: 気が尽きる *ки-га цукиру* «обессилить, устать душевно», 気が張る *ки-га хару* «быть напряженным». Второй компонент – глаголы с прямым значением «иссякнуть, тянуть, раздуться и др.».

5. «Забота» (11). Передается значение «внимательность / невнимательность по отношению к кому-либо»: 気が付く *ки-га цуку* «заботливый», 気が散る *ки-га тиру* «становиться невнимательным». Второй компонент – глаголы с прямым значением «прикрепляться, быть тактичным, заботливым, внимательным, падать».

6. «Сознание, разум» (8). Описываются чувства, связанные с рациональной мыслью: 気がふれる *ки-га фурэру* «сходить с ума, терять рассудок», 気が違う *ки-га тигау* «помешаться, сойти с ума», 気を失う *ки-о усинау* «терять сознание». Второй компонент – глаголы со значением «терять, не знать, различаться, делать заново».

Далее рассмотрим семантику идиом, содержащих соматизмы. Мы вслед за Т. М. Гуревич считаем, что использование соматической лексики для номинации душевных качеств челове-

ка объясняется отсутствием в японской национальной традиции противопоставления души и тела. Духовные, моральные качества не концентрируются в одном месте и не ассоциируются с конкретным положением на теле человека, поэтому анатомические органы могут выступать в языке в качестве «вместилищ, емкостей» для душевных сил [Гуревич, 2006. С. 49–57].

Мы придерживаемся следующей гипотезы. Поскольку у души (лексемы 気 *ки* и 心 *когоро*) отсутствует определенное местоположение в теле человека, данное значение могут передавать соматизмы 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот» как «емкости» для души. При этом происходит метонимический перенос содержания «вместилище», происходит слияние внутреннего содержания вместилища с духовным центром человека.

В японском языке существуют выражения с прямым и переносным значением 心の中 *когоро-но нака* «в области сердца; в душе, мысленно про себя», 胸の中 *мунэ-но нака* «в области груди; внутренний мир, чувства, явления, о которых думают», 頭の中 *атама-но нака* «в голове; мысль, мнение, чувства», 腹の中 *хара-но нака* «в животе; в душе, в глубине сердца, про себя», в которых указанные соматизмы выступают как емкости для души, однако подобное выражение с компонентом 気 *ки* «дух, душа» отсутствует.

Рассмотрим далее идиомы с компонентом 心 *когоро* «сердце» и их семантику. Согласно японской традиции лексема 心 *когоро* изначально обозначала «сердце», но уже с VIII в. наряду с физическими характеристиками стала приобретать психологические и эмоциональные. В японской эстетике 心 *когоро* является основной категорией, это знак связанности вещей. У Вселенной одно сердце, и значит, каждое сердце является Вселенной, через 心 *когоро* происходит сакральная связь между вещью, человеком и Вселенной, осуществляется процесс интуитивного познания [Григорьева, 1993. С. 39–40].

Понимание японцами значения лексемы 心 *когоро* выражается в следующих идиомах. Идиомы с компонентом 心 *когоро* «сердце» имеют семантику «душа» (心を読む *когоро-о ёму* «досл. читать сердце; видеть истинные чувства другого человека») и семантику «местонахождение души» (心を開く *когоро-о хираку* «досл. раскрывать сердце; быть откровенным», 心を閉じる *когоро-о тодзиру* «досл. закрывать сердце; разрывать отношения»).

В словаре «Нихонго дайджитэн» приведены следующие значения лексемы 心 *когоро*: «психика; собственные мысли; мысль; настроение, чувства; симпатия; значение (слова); дух, душа» [Нихонго дайджитэн, 1989. С.695].

На основании значений, приведенных в «Японско-русском словаре», мы разделили значения лексемы 心 *когоро* «сердце» на две группы: 1) «эмоциональная и рациональная деятельность человека»; 2) «значения, не связанные с человеком» [Японско-русский словарь, 2000. С. 359–360]. Далее будут рассмотрены идиомы с компонентом 心 «сердце» из первой группы.

Лексема 心 *когоро* имеет следующие значения: «сердце (центральный орган кровеносной системы, физиологический орган): забота; характер; чувство; душа; мысль; воля», т. е. в одном из своих значений лексема выступает как соматизм. Следует отметить, что лексема 心 *когоро* занимает промежуточное место между лексемой 気 *ки* «дух, душа» и компонентами-соматизмами, и чаще используется как лексема, выражающая значения, связанные с эмоциональной и рациональной деятельностью человека, чем как соматизм. Мы выделили следующую семантику идиом с компонентом 心 *когоро* «сердце».

1. «Чувства, настроение» (18). Описываются такие чувства, как беспокойство, волнение; тоска; сочувствие; доверие; быть расстроенным, а также изменение настроения: 心が騒ぐ *когоро-га савагу* «волноваться, беспокоиться», 心を許す *когоро-о юрису* «доверять», 心が変わる *когоро-га кавару* «быть непостоянным». Второй компонент – глаголы с прямым значением «трудиться, утруждать, шуметь, позволять, изменяться».

2. «Забота» (12). Передается значение «внимательность / невнимательность по отношению к кому-либо, чему-либо»: 心に留める *kokoro-ni томэру* «внимательно относиться к чему-либо», 心を配る *kokoro-o кубару* «заботиться». Второй компонент – глаголы с прямым значением «заботиться». □

3. «Намерение, склонность, интерес, проявление рационального» (7). Передается значение «наличие / отсутствие желания делать что-либо»: 心を致す *kokoro-o итасу* «посвятить себя (работе)», 心をこらす *kokoro-o корасу* «посвящать себя чему-либо», 心を砕く *kokoro-o* кудаку «ломать себе голову, чтобы сделать что-то». Второй компонент – глаголы с прямым значением «делать, оказывать помощь, разбивать, отдаваться полностью». □

4. «Характер» (5). В сочетании с прилагательными, чаще всего, размера, передается значение «положительные и отрицательные черты характера»: 心が大きい *kokoro-ga окий* «великодушный, с широкими взглядами», 心が狭い/小さい *okoro-ga сэмай / тиисай* «мелочный, ограниченный».

5. «Воля» (4). Передается значение «осознанно делать что-либо»: 心を鬼にする *kokoro-o они-ни суру* «заботясь о ком-то, сознательно становиться строгим», 心を決める *kokoro-o кимэру* «решиться». Второй компонент – глаголы со значением «решать, склоняться».

8. «Воспоминание» (4). Передается значение «представлять себе что-либо»: 心に浮かぶ *kokoro-ni укабу* «представляться, вспоминаться», 心に描く *kokoro-ni эгаку* «представлять». Второй компонент – глаголы со значением «всплыть, запечатлеться, быть вырезанным».

Сравним семантику идиом с компонентами 気 *ки* «дух, душа» и 心 *kokoro* «сердце».

1. Большинство идиом с компонентами 気 *ки* (46) и 心 *kokoro* (18) выражают значение «чувство», но идиомы с компонентом 気 *ки* «дух, душа» передают широкий набор чувств от радости до печали, а идиомы с компонентом 心 *kokoro* «сердце» в основном передают значение «волнение, беспокойство, сочувствие», например, 気を吐く *ки-о хаку* «быть бодрым оживленным», 気が晴れる *ки-га харэру* «освободиться от грустных мыслей», 気を張る *ки-о хару* «переживать», 気に病む *ки-ни яму* «страдать»; 心が痛む *kokoro-ga итаму* «испытывать психологические страдания», 心を労する *kokoro-o ро:суру* «страдать по разным причинам», 心が騒ぐ *kokoro-ga савагу* «беспокоиться». Среди идиом с обоими компонентами преобладают идиомы, выражающие значение «печаль»,

Незначительное количество идиом с компонентами 気 *ки* в значении «разум» (8) и 心 *kokoro* «воля» (7) описывают интеллектуальную деятельность человека.

2. Идиомы с компонентом 気 *ки* «дух, душа» описывают состояние сердца, его реакцию на внешние явления, а идиомы с компонентом 心 *kokoro* «сердце» в основном описывают сердце как «ёмкость».

3. В идиомах с компонентом 気 *ки* душевные силы представлены как поток чувств или конкретное субъективное чувство (интерес, внимание, желание, энтузиазм, симпатия). Тем не менее, у духа (души) есть некоторая форма, поскольку на душу (лексема 気 *ки*) как на физический объект можно оказать воздействие. Ее можно 落とす *отосу* «ронять», 回す *мавасу* «вращать», 揉む *мому* «мять»: 気を落とす *ки-о отосу* «падать духом», 気を回す *ки-о мавасу* «подозревать, ревновать», 気を揉む *ки-о мому* «беспокоиться».

На сердце-«ёмкость» для души (лексема 心 *kokoro*) также можно воздействовать физически, его можно 動かす *угокасу* «двигать», 引く *хику* «тянуть», 打つ *уцу* «бить, ударять»: 心を動かす *kokoro-o угокасу* «растрогать», 心を引く *kokoro-o хику* «привлекать внимание, притягивать», 心を打つ *kokoro-o уцу* «поразить, произвести впечатление».

3. Лексемы 気 *ки* «дух, душа» и 心 *kokoro* «сердце» в сочетании с прилагательными образуют идиомы со значением «характер», но диапазон сочетаемости лексемы 気 *ки* шире, чем

у лексемы 心 *когоро*. Лексема 気 *ки* может сочетаться с прилагательными, выражающими следующие параметры:

- «размер»: 短い *мидзикай* «короткий», 長い *нагай* «длинный»: 気が短い *ки-га мидзикай* «нетерпеливый», 気が長い *ки-га нагай* «терпеливый»;
- «объем»: 大きい *оокий* «большой», 小さい *тиисай* «маленький»; 気が大きい *ки-га оокий* «великодушный», 気が小さい *ки-га тиисай* «малодушный, трусливый»;
- «количество»: 多い *оо* «многочисленный»: 気が多い *ки-га оо* «рассеянный».

Лексема 心 *когоро* «сердце» как «емкость» для души также сочетается с прилагательными, обозначающими объем: 広い *хирой* «широкий» / 大きい *оокий* «большой», 狭い *сэмай* «узкий» / 小さい *тиисай* «маленький»: 心が大きい / 広い *когоро-га оокий* / *хирой* «великодушный», 心が狭い / 小さい *когоро-га сэмай* / *тиисай* «мелочный».

4. Душа и сердце обладают силой, сочетаясь с прилагательным 強い *цуйэй* «сильный», что ассоциируется с такими чертами характера, как сила духа, целеустремленность, смелость, решительность, стойкость: 気が強い *ки-га цуйэй* «сильный духом», 心が強い *когоро-га цуйэй* «сильный сердцем, мужественный». Также они могут выражать слабость, неуверенность, сочетаясь с прилагательным 弱い *ёвай* «слабый»: 気が弱い *ки-га ёвай* «неуверенный, слабовольный», 心が弱い *когоро-га ёвай* «слабохарактерный».

Приведенные выше полисемантические идиомы 気が強い *ки-га цуйэй* и 心が強い *когоро-га цуйэй* в значении «быть мужественным, т.е. противостоять трудностям» являются синонимами, при этом компонентный состав идиомы варьирует: второй компонент сохраняется неизменным, а первый варьирует.

彼女は気 / 心が強いからどんなに仕事があついても、泣き言を言わずやり通す。カノドゼ ва *ки* / *когоро-га цуйэй* *кара* *доннани сигото-га кицукутэмо*, *накигото-о ивадзу яритоосу*. «Поскольку она сильна духом, какой бы трудной не была работа, она не жалуясь, выполняет ее до конца»⁵.

Идиомы 気が弱い *ки-га ёвай* и 心が弱い *когоро-га ёвай* в значении «слабовольный; человек, на которого нельзя положиться» также являются синонимами⁶.

気 / 心が弱い方の特徴とその改善方法について説明していきます。キ / *когоро-га ёвай ката-но токутэ*: *то сонно кайдзэн хо:хо: ни цуйтэ сэцумэй ситэ икimasу*. «Объясним особенности слабовольных людей, а также способы, как сделать лучше этих людей»⁷

Далее рассмотрим идиомы с компонентами-соматизмами, передающими значение «душа», в порядке физиологического расположения соответствующих органов у человека сверху вниз: голова – грудь – живот.

В словаре «Нихонго дайdzитэн» приведены следующие значения лексемы 頭 *атама*: часть, покрытая волосами; то, что выше шеи; работа головного мозга, мысль; волосы; верхняя часть, верх; раньше, с самого начала; начальник, босс [Нихонго дайdzитэн, 1989. С. 42].

В «Японско-русском словаре» приводятся следующие значения лексемы 頭 *атама*: голова; ум, мысли; образ мыслей, взгляды; руководитель; волосы; верхняя часть [Японско-русский словарь, 2000. С. 16–17].

На основании проведенного анализа мы выделили следующие значения идиом с соматизмом 頭 *атама* «голова».

1. «Мыслительный процесс»(14). К мыслительному процессу относятся ум, мысли, умственные способности: 頭が働く *атама-га хатараку* «соображать», 頭に浮かべる *атама-ни*

⁵ Толковый онлайн-словарь японского языка Weblio. URL: <http://www.weblio.jp/content/> (дата обращения 10.02.2018).

⁶ Японский сайт «характер» URL: <https://ai-uruoi.com/kokoro-yowai> (дата обращения 14.03.2018).

⁷ Японский сайт «характер» URL: <https://ai-uruoi.com/kokoro-yowai> (дата обращения 14.03.2018).

укабэру «мысленно представлять себе», 頭を使う *атама-о цукау* «думать, шевелить мозгами». Второй компонент – глаголы со значением «использовать, работать, выжимать, напрягать, входить».

2. «Голова, верх» (4). Осуществляются некоторые действия, связанные с головой: 頭を下げる *атама-о сагэру* «досл. склонить голову; гнуть спину перед кем-то», 頭が上がらない *атама-га агаранай* «досл. голова не поднимается; не смей сказать слова». Второй компонент – глаголы со значением «наклонять, не поднимать».

3. «Чувства» (11). Передаются следующие чувства:

– беспокойство, тревога, сопряженная с мыслью (6): 頭が痛む *атама-га итаму* «беспокоиться», 頭を悩ます *атама-о наямаясу* «ломать себе голову; беспокоиться». Второй компонент – глаголы со значением «болеть, держать»;

– злость, гнев, сдерживание злости (5): 頭に来る *атама-ни куру* «сердиться», 頭を冷やす *атама-о хиясу* «успокаиваться». Второй компонент – глаголы со значением «приходить, взбираться, охлаждать».

4. «Настроение» (1). Описывается актуальное состояние человека: 頭が重い *атама-га омой* «досл. голова тяжелая; быть в депрессии, хандрить».

Совершенно естественно, что большая часть идиом с компонентом 頭 *атама* «голова» связана с мыслительным процессом. Идиомы, передающие значение «чувство», т.е. описывающие действие душевных сил, также связаны с умственной деятельностью человека. Из набора человеческих чувств описывается только одно чувство, злость.

Идиомы с разными компонентами, выступая структурно и семантически как единое целое, могут быть синонимами. Так идиома с компонентом «голова» 頭が痛い *атама-га итай* «досл. голова болит; хандрить, быть в депрессии» и идиома с компонентом 気 *ки* «дух, душа», если в значении лексемы 気 *ки* проявляется рациональное начало, могут использоваться как синонимы, например, 気が重い *ки-га омой* «хандрить, впадать в меланхолию».

ほとんど勉強していないので、明日の試験のことを考えると頭が痛い / 気が重い。ホトんど ばんけ: *ситэ инай нодэ, асита-но сикэн-но кото-о кангаэру то атама-га итай / ки-га омой*. «Т.к. я почти не занимался, как подумаю о завтрашнем экзамене, голова болит» [Рэйкай канъё:ку дзитэн, 2001. С. 82].

В словаре «Нихонго дайджитэн» приведены следующие значения лексемы 胸 *мунэ*: «часть между головой и животом; сердце как физиологический орган; легкие; желудок; душа, мысли, разум» [Нихонго дайджитэн, 1989. С. 1923].

В «Японско-русском словаре» среди значений лексемы 胸 *мунэ* «грудь» выделяются следующие: «грудь; сердце, душа. легкие; желудок» [Японско-русский словарь, 2000. С. 1067–1068]. Мы рассмотрели значения «грудь, сердце, душа».

После проведенного анализа были выделены следующие значения идиом с компонентом 胸 *мунэ* «грудь».

«Чувства» (39)

– грусть, страдания, переживания (17): 胸が痛い *мунэ-га итай* «душа болит», 胸が騒ぐ *мунэ-га савагу* «беспокоит дурное предчувствие», 胸が詰まる *мунэ-га цумару* «чувствовать комок в горле». Второй компонент – глаголы со значением «шуметь, разрушаться, накапливаться, заполняться» или предикативные прилагательные со значением «больной, плохой»

– избавление от печали (4) 胸が晴れる *мунэ-га харэру* «испытать облегчение», 胸をなで下ろす *мунэ-о надэоросу* «вздыхать с облегчением». Второй компонент – глаголы со значением «проясняться, оставлять свободным».

– радость, ожидание (17): 胸が躍る *мунэ-га одору* «душа радуется», 胸がときめく *мунэ-га токимэку* «душа трепещет». Второй компонент – глаголы со значением «танцевать, прыгать, гореть».

– злость, избавление от злости (5): 胸が煮える *мунэ-га ниэру* «кипеть от злости», 胸を摩る *мунэ-о сасуру* «успокоиться». Второй компонент – глаголы со значением «кипеть, гладить».

2. «Мысль, сопровождающая чувства» (13): 胸に浮かぶ *мунэ-ни укабу* «прийти в голову, вспоминаться», 胸に手を置く *мунэ-ни тэ-о оку* «обдумать со всех сторон», 胸に余る *мунэ-ни амару* «не в силах решить». Второй компонент – глаголы со значением «всплывать, быть в избытке».

3. «Прятать, скрывать в душе» (7): 胸に納める *мунэ-ни осамэру* «скрывать в душе», 胸に畳む *мунэ-ни татаму* «сохранить в сердце, никому не рассказывать». Второй компонент – глаголы со значением «вкладывать, складывать».

Грудь в японской культуре является основным местом сосредоточения чувств, а идиомы с данным соматизмом выражают широкий набор чувств от светлых (радость, восхищение) до мрачных (грусть, страдание).

В японской лингвистике существует мнение, что чувства, зарождающиеся в груди, такие как печаль, восхищение и т.п., вызывают сочувствие другого человека. Это подтверждается сочетаемостью лексемы 胸 *мунэ* «грудь» с глаголами со значением «выражение сочувствия», такими как 思いやる *омоияру* «согласиться, сочувствовать», 察する *сассуру* «представлять себе», например, 胸の中に思いやる *мунэ-но ника-ни омоияру* «сочувствовать в глубине души», 胸の中に察する *мунэ-но нака-ни сассуру* «в глубине души понимать чувства другого человека» [Танака Сатоко, 2003. С. 120]. □

Идиомы с компонентом 心 *кокоро* «сердце» и компонентом 胸 *мунэ* «грудь» могут выступать синонимами, при этом компонентный состав идиомы варьирует: второй компонент сохраняется, а первый варьирует.

Так, идиомы 心が痛む *кокоро-га итаму* и 胸が痛む *мунэ-га итаму* в значении «чувствуя себя беспомощным, находиться в смятении» являются синонимами⁸.

酒に酔っていたとはいえ、女性に対してあんなことは言うべきではなかったと心 / 胸が痛む。 *Сакэ-ни ёттэ ита то ва из, дзёсэй ни тайситэ анна кото ва иубэки дэ ва нака-та то кокоро / мунэ-га итаму*. «Хотя и был пьяным, мучаюсь, оттого что мне не следовало говорить женщине такие вещи» [Рэйкай канъё:ку дзитэн, 2001. С. 50].

Идиомы 心に刻む *кокоро-ни кидзаму* и 胸に刻む *мунэ-ни кидзаму* в значении «не забывать, спрятав глубоко в сердце» являются синонимами.

「人間まじめに生きるのがいちばんだよ」という母の言葉を心 / 胸に刻んで、私は故郷をたった。 *Нингэн мадзимэни икиру но-га* то иу хаха-но котоба-о *кокоро / мунэ-ни кидзан-дэ, кокё:-о татта*. «Запечатлев в сердце слова матери «Самое главное для человека – жить порядочно», я покинул родные места» [Рэйкай канъё:ку дзитэн, 2001. С. 51].

Идиомы с компонентом «сердце» 心が騒ぐ *кокоро-га савагу* и компонентом «грудь» 胸が騒ぐ *мунэ-га савагу* в значении «чувство беспокойства, тревоги» также являются синонимами.

友達が次々と落第していくのを聞くと、自分もそうではないかと、心 / 胸が騒いでならない。 *Томодати-га цугицугито ракудай ситэ ику но-о кичу то, кокоро / мунэ-га савайдэ наранай*. «Услышав, как товарищи один за другим проваливаются на экзаменах, ужасно беспокоюсь, не случится ли это и со мной» [Рэйкай канъё:ку дзитэн, 2001. С. 49].

⁸ Толковый онлайн-словарь японского языка Weblio. URL: <http://www.weblio.jp/content/> (дата обращения 16.04.2018).

Живот в японской культуре является местом нахождения физических и моральных сил человека. С помощью лексемы 腹 *hara* описывается общее психофизическое состояние человека. По мнению одного из исследователей японских боевых искусств представления японцев о том, что 腹 *hara* – это центр жизни, местонахождение эмоций и души человека, привели к появлению обряда вспарывания живота 切腹 *сэппуку* (*харакири*), разрезать живот означает показать нравственную чистоту помыслов⁹.

В словаре «Нихонго дайджитэн» приведены следующие значения: «у животных – нижняя часть туловища, у млекопитающих – часть (место), где находятся внутренние органы, такие как желудок и кишки; орган пищеварения, в частности, кишечник; материнская утроба; душа (намерения, чувства)» [Нихонго дайджитэн, 1989. С.1590].

В «Японско-русском словаре» отмечены следующие значения: «живот (желудок, кишечник, утроба); корпус, внутренняя часть; душа (сердце, намерение, эмоции)» [Японско-русский словарь, 2000. С. 893].

Если живот рассматривается как орган пищеварения, внимание концентрируется на функции, т.е. на переваривании, усвоении, если же живот рассматривается как место, где находятся органы, внимание концентрируется на емкости, вместительности. Считается, что живот может рассматриваться как «емкость», в которой сосредоточен душевный мир личности [Баба Норико, 2002. С. 41].

Существуют идиомы, связанные с животом как органом пищеварения, например, 腹が減る *hara-ga хэру* и 腹がすく *hara-ga суку* «проголодаться», 腹がいっぱい *hara-ga иппай* «быть сытым». Существуют идиомы, связанные с животом как емкостью, например, 腹が立つ *hara-ga тацу* «сердиться», 腹を読む *hara-o ёму* «предполагать, что думает партнер».

Далее рассмотрим семантику идиом с соматизмом 腹 *hara* в значении «душа». Поскольку базовое слово в идиоме имеет переносное значение, значение идиомы в целом также является переносным.

Мы разделили значения идиом на две группы.

1. «Мысль, сопровождающая чувство» (16). Описываются характеристики индивида, такие как решимость, понимание, терпимость, и намерение: 腹は太い *hara-ga футой* «досл. живот толстый; терпимый, великодушный, не придирается по пустякам», 腹を割る *hara-o вару* «досл. разрезать живот; раскрыть истинные намерения, быть откровенным с собеседником», 腹を決める *hara-o кимэру* «решиться на что-то». Второй компонент – предикативные прилагательные со значением «толстый, черный, большой» или глаголы со значением «ставить, решиться».

2. «Чувства» (10). Выражается смех, а также такие чувства, как досада, обида, злость: 腹が振れる *hara-ga ёдзирэру* «надрываться от смеха», 腹に持つ *hara-ни моцу* «в глубине сердца затаить обиду», 腹が立つ *hara-ga тацу* «сердиться». К этой группе примыкают идиомы, выражающие изменение настроения, как правило, исчезновение злости, например, 腹が癒える *hara-ga иэру* «злость и досада проходят, и настроение улучшается, быть удовлетворенным». Второй компонент – глаголы со значением «держаться, стоять, разрываться».

Существует мнение, что в идиомах с соматизмом 腹 *hara* проявляются чувства, обусловленные инстинктом самосохранения и тенденция к противостоянию с окружающими [Танака Сатоко, 2003. С. 120].

Одним из значений идиом с компонентом 腹 *hara* «живот» является «решимость, готовность», т.е. описываются чувства противоположные душевному волнению, передаваемые с помощью идиом с компонентами 気 *ки* «дух, душа» и 心 *коро* «сердце».

⁹ Сайт Айкидобудо URL: <http://www.aikido-budo.ru> (дата обращения 17. 04.2018)

Идиомы с компонентом 腹 *хара* «живот» чаще связаны либо с чувством самосохранения, либо с эгоистическими чувствами, которые могут выступать в качестве предпосылки для конфликта интересов. Тогда как идиомы с компонентом 胸 *мунэ* «грудь» связаны с сочувствием к другому человеку.

Глагол, нейтральный с точки зрения сочувствия 明かす *акасу* «раскрывать», может употребляться с обеими лексемами: 腹の内を明かす *хара-но ути-о акасу* «сделать достоянием окружающих то, что на сердце», 胸の内を明かす *мунэ-но ути-о акасу* «сделать достоянием окружающих план, продуманный сердцем». Однако, если нужно передать эгоистичные, расчетливые чувства, японцы используют идиому с соматизмом 腹 *хара* «живот» и глаголом 探る *сагуру* «искать, разведывать»: 腹を探る *хара-о сагуру* «прощупывать намерения, настроение партнера», а не с соматизмом 胸 *мунэ* «грудь».

Итак, на основании проведенного анализа семантики идиом с компонентами 気 *ки* «дух, душа» 心 *кокоро* «сердце, душа» и компонентами-соматизмами мы пришли к следующим выводам. □

Поскольку в японской культуре телесное и духовное начало человека воспринимаются в единстве, душа и духовные качества не ассоциируются с определенным местом, а распределены по телу, это дает возможность использовать соматизмы и идиомы с ними для выражения значений «дух, душа, чувство, настроение, характер».

Рассматриваемые лексемы 気 *ки* «дух, душа, чувство, настроение», 心 *кокоро* «сердце», 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот» образуют в большинстве случаев полисемантические идиомы. В одном из значений идиомы могут образовывать синонимичные ряды. При этом наблюдается два варианта: а) семантика идиомы не изменяется, изменяется компонентный состав: второй компонент сохраняется, первый компонент варьирует; б) структурно и семантически, выступая как единое целое, идиомы с различными анализируемыми компонентами выступают как синонимы.

Значения идиом с компонентом 気 *ки* «дух, душа» связаны с чувствами, характеризующими отношение человека к явлению или предмету, его личностное восприятие ситуации.

Идиомы с компонентом 心 *кокоро* «сердце» передают значения, связанные непосредственно с компонентом 気 *ки* «дух, душа» и значения, связанные с сердцем как емкостью для души.

Идиомы с соматизмами 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот» описывают различные характеристики 心 *кокоро* «сердца».

Семантика идиом с соматизмом 頭 *атама* «голова» в основном связана с мыслительным процессом, из чувств – со злостью. Описание душевных сил глубоко связано с умственной, рациональной деятельностью. В этом случае идиомы с соматизмом 頭 *атама* «голова» могут быть соотнесены с идиомами с соматизмами 胸 *мунэ* «грудь» и 腹 *хара* «живот» со значением «понимание, принятие или осознание, при котором важное значение придается чувствам».

Общим значением для идиом с соматизмами 頭 *атама* «голова», 胸 *мунэ* «грудь», 腹 *хара* «живот» является значение «чувство злости».

Идиомы с соматизмом 胸 *мунэ* «грудь» в основном передают значение «чувства, связанным с состраданием». Идиомы с соматизмом 腹 *хара* «живот» с одной стороны передают значение «истинные помыслы, намерения», а с другой стороны – «чувства, связанные с инстинктом самосохранения и эгоистические чувства».

Основываясь на проведенном анализе, можно заключить, что знание и понимание семантики идиом с указанными выше компонентами помогает лучше понять японский национальный характер.

Список литературы / References

- Бакшеев Е. С.** Понятия «души», «жизни» и «сердца» в раннеяпонской духовной культуре // Япония 2000–2001. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 207–226.
Baksheev E. S. Ponyatiya 'dushi', 'zhizni' i 'serdtsa' v ranne yaponskoi duhovnoi kulture [Concepts of 'soul', 'life' and 'heart' in early Japanese culture] // Yaponiya. 2000–2001. Moscow, MAKS Press, 2001, P. 207–226 (in Russ.)
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006, 784 с.
 Bolshoi frazeologicheskii slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskii kommentarii [A Big dictionary of Russian phraseology. Meaning. Using. Culturological commentary]. Moscow, AST-PRESS BOOK, 2006, 784 p. (in Russ.)
- Быкова С. А.** Японско-русский фразеологический словарь. М.: Муравей-Гайд. 2000. 266 с.
Bykova S. A. Yaponsko-russkii phareologicheskii slovar [Japanese-Russian phraseologic dictionary]. Moscow, Muravei Gaid, 2000, 266 p. (in Russ.)
- Григорьева Т. П.** Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993. 460 с.
Grigoryeva T. P. Krasotoi Yaponii rozdennyi [Born by beauty of Japan]. Moscow, Iskusstvo, 1993, 460 p. (in Russ.)
- Гуревич Т. М.** Представление о душе в японской лингвокультуре // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №2. С. 49–57.
Gurevich T. M. Predstavlenie o dushe v yaponskoi lingvokulture [The Idea of soul in Japanese linguistic culture]. Vestnik of Moscow State University. Series 19. Linguistic and intercultural communication. 2006, no. 2, pp. 49–57. (in Russ.)
- Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
 Duhovnaya kultura Kitaya: encyclopediya [Spiritual culture of China. Encyclopedia in 5 vols. (Vol. 1: 2006)]. Moscow, Orient literature, 2006, 727 p. (in Russ.)
- Тумаркин П. С.** Лексика, фразеология, жест в японской разговорной речи. М.: Восток-Запад, 2004. 248 с.
Tumarkin P. S. Leksika, frazeologiya, zhest v yaponskoi razgovornoj rechi [Lexica, phraseology and gesture in Japanese speech]. Moscow, East-West, 2004, 248 p. (in Russ.)
- Японско-русский словарь. Токио: Кэнкюся, 2000. 1183 с.
 Yaponsko-Russkii slovar [和露辞典]. Japanese-Russian dictionary. Tokyo, Kenkyuusha, 2000, 1183 p.
- Баба Норико.** «Хара-га тацу»-но до:кидзукэ-ни кансуру хито ко:сацу 「馬場典子. 「腹が立つ」の動機付けに関する一考察」. О мотивах употребления идиомы «сердиться». Issues in language and culture. Университет Нагоя. 2002. № 3. Р. 31–44. (на яп.яз)
Baba Noriko. 'Hara-ga tatsu'-no doukizuke-ni kansuru hitokousatsu 「馬場典子. 「腹が立つ」の動機付けに関する一考察」. A study on the motivation of 'getting angry'. Issues in language and culture. University of Nagoya, 2002, № 3. P. 31–44. (in Jap.)
- Гэнгогаку дайджитэн 「言語学大辞典. 東京. 三省堂」. Большой словарь лингвистических терминов. Токио: Сансэйдо:, 1996. 1223 с. (на яп.яз)
 Gengogaku daijiten [言語学大辞典. 東京: 三省堂]. Japanese Russian dictionary, Tokyo, Sansedou, 1996, 1223 p. (in Jap.)
- Ито Макото.** Канъё:ку но ими ко:дзо 「伊藤眞. 慣用句の意味構造. 言語文化論集」. Семантическая структура фразеологизмов. Сборник по языку и культуре Вестник университета Цукуба. 1992. № 35. Р. 108–193. (на яп.яз)
Ito Makoto. Kan'yoku-no imi kouzou [伊藤眞. 慣用句の意味構造]. Semantic structure of phraseologic expressions. University of Tsukuba. Issues in language and culture, 1992, № 35, p. 108–193. (in Jap.)
- Коикэ Сэйдзи.** Канъё:ку-нобунсэки то соно о:ё: [小池清治. 慣用句の分析とその応用. 宇都宮大学国際学部研究論集]. Анализ идиом и их практическое использование // Сборник исследований международного отдела университета Уцуномия, 2003, № 16. С. 89–92. (на яп.яз)
Koike Seiji. Kan'yoku-ni bunseki to sono ouyou [小池清治. 慣用句の分析とその応用. 宇都宮大学国際学部研究論集]. Analysis of idioms and their practical using. Collection of studies of international department of University of Utsunomiya, 2003, № 16, p. 89–92. (in Jap.)

- Нихонго дайджитэн [日本語大辞典]. Большой словарь японского языка. Токио: Коданся. 1989. 2302 с. (на яп.яз)
Nihongo daijiten [日本語大辞典]. A Big Dictionary of Japanese Language. Tokyo, Kodansha, 1989, 2302 p. (in Jap.)
- Рэйкай каньё:ку дзитэн [例解慣用句辞典. 東京: 層拓者]. Словарь идиом с примерами. Токио: Со:такуся, 2001, 625 с. (на яп.яз)
Renkai kan'yōku jiten [例解慣用句辞典. 東京: 創拓社]. Dictionary of idioms with examples. Tokyo, Soutakusha, 2001, 625 p. (in Jap.)
- Сато Киёдзи.** Ки итиго-но дзитэн [佐藤喜代治. 気一語の辞典. 東京: 三省堂]. Словарь одного слова *ки*. Токио: Сансэйдо:, 1996. 115 с. (на яп.яз)
Sato Kiyōji. Ki ichigo-no jiten [佐藤喜代治. 気一語の辞典. 東京:三省堂]. Dictionary of the one word *ki*. Tokyo, Shiseidou, 1996, 115 p. (in Jap.)
- Танака Сатоко.** Кокоро тоситэ-но синтай. Каньё:хё:гэн кара мита атама, хара, мунэ [田中聡子. 心としての身体. 慣用表現から見た頭 腹 胸. 言葉と文化]. Тело как сердце. Голова. Живот. Грудь. Через призму идиом. Котоба то бунка. №2. Нагоя: Нагоя Дайгаку, 2003. С. 111–124. (на яп.яз)
Tanaka Satoko. Kokoro toshite-no shintai [田中聡子. 心としての身体. 慣用表現から見た頭 腹 胸. 言葉と文化]. Body as Mind: Cultural Models of Head, Chest, and Belly. Kotoba to bunka. Language and culture. Nagoya, Nagoya University, 2003, no. 2, pp. 111–124. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

Received

21.07.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

- Кутафьева Наталия Витальевна,** Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, Natasha7362@mail.ru)
Natalia V. Kutafeva, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, Natasha7362@mail.ru)

УДК 911.8 +81.33

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-122-128

О стандартизации иностранных географических названий в Японии

Е. Л. Фролова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В данной статье сделана попытка проследить этапы стандартизации иностранных географических названий, начиная с эпохи Мэйдзи (1868–1912), и рассмотреть, как изменялись названия иностранных государств в японском языке вплоть до настоящего времени. Первым серьезным шагом стала принятая Министерством образования Японии инструкция «О написании иностранных географических названий, имен и фамилий» (1902). Основным принципом была фонетическая транскрипция азбукой катакана, преимущественно с англоязычного варианта названий, однако с сохранением части названий в традиционной иероглифической записи. После Второй мировой войны Министерство образования Японии выпустило еще ряд нормативных документов, в том числе «О написании иностранных географических названий и имен (проект)» (1946), «Написание иностранных слов» (1955) и «О написании географических названий» (1959). После войны средства массовой информации взяли за основу нормы именно данных инструкций. На основе сложившихся к тому времени стандартов Комитет по написанию географических названий выпустил «Руководство по написанию географических названий» (1978).

Ключевые слова

Географические названия, японский язык, написание иностранных слов, транскрипция, стандартизация

Для цитирования

Фролова Е. Л. О стандартизации иностранных географических названий в Японии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 122–128. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-122-128

The Standardization of Foreign Geographical Names in Japan

Evgenia L. Frolova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The issues of toponymy, in particular, the transfer of geographical names to foreign languages, are of great importance for international relations. For over one hundred years from the end of the XIX century until the late XX century, the Japanese government consistently solved the problem of standardization of foreign geographical names. This article

© Е. Л. Фролова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

focuses on tracing the stages of standardization beginning with the Meiji period (1868–1912), and considering how the names of foreign states in the Japanese language have changed up until the present time.

The first serious step was the nation-wide “Spelling of Foreign Geographical Names, Names and Surnames” policy, adopted by the Ministry of Education of Japan in 1902. The main principle of the transfer of foreign names in this new policy was the phonetic transcription of the katakana alphabet, mainly from the English-speaking version of names, while retaining some of the names in the traditional hieroglyphic record. The main guidance for the media during pre-war years was published in 1937 by the Japanese Broadcasting Corporation NHK titled “List of Foreign Geographical Names and Names”, in which the same principles as that of the 1902 policy were observed.

After the Second World War, the Ministry of Education of Japan issued a number of normative documents including “Spelling of Foreign Geographical Names and Names (Draft)” (1946), “Writing Foreign Words” (1955) and “Spelling of Geographical Names” (1959). Finally, on the basis of the existing standards, the Committee for the Creation of Geographical Names issued the “Guide to the Spelling of Geographical Names” (1978).

Keywords

Geographical names, Japanese, spelling of foreign words, transcription, standardization

For citation

Frolova E. L. The standardization of foreign geographical names in Japan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 122–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-122–128

При изучении иностранных географических названий в японском языке, прежде всего названий государств, привлекает внимание отсутствие определенной системы в передаче иностранной топонимики. Значительная часть названий стран восходит к их англоязычным названиям, однако некоторые переданы близко к их национальному названию. Названия стран в японском языке в настоящее время преимущественно записываются азбукой (катаканой), но часть из них имеет иероглифическое обозначение. Это прежде всего страны с иероглифической письменностью (Китай, Республика Корея, Корейская Демократическая Народная Республика и Япония), но названия некоторых европейских стран также иногда встречаются в иероглифической записи. В данной статье сделана попытка проследить историю стандартизации иностранных географических названий в японском языке, начиная с эпохи Мэйдзи (1868–1912).

По японской топонимике накоплена значительная научная база, имеются обширные исследования японских, отечественных и зарубежных ученых. Однако названия иностранных географических объектов в японском языке изучены сравнительно мало. Накамура Масаки (1978, 1985, 1986, 1992) систематически изучил происхождение названий основных государств мира в японском языке; специалисты в разных областях частично затрагивали отдельные аспекты этой проблемы: Нисиура Хидэюки (1970), Фудзимото Хикару (1971), Нисиваки Ясуюки (1995).

После «открытия» страны в 1868 г. японское правительство инициировало масштабные реформы, которые проходили в русле широкого заимствования европейской и американской культуры, науки и техники. Международные контакты Японии расширялись, растущие политические амбиции требовали подписания договоров, перевода документов, определения границ, переписывания истории в целях обоснования «законности» как императорской власти, так и притязаний Японии на Корею и другие приграничные территории [Мещеряков, 2009. С. 21]. Для этого было необходимо, в частности, унифицировать иностранные географические названия, которые к этому времени имели много вариантов записи. Названия государств транскрибировали не только с английского языка, но и с французского, немецкого, китайского, португальского, что приводило к значительным сложностям.

С развитием системы школьного образования вскоре потребовалась единая система написания иностранных имен и географических названий для учебных пособий. Однако этой пробле-

мой правительство занялось не сразу, а спустя 30 лет, и первой попыткой стандартизации стала принятая Министерством образования Японии инструкция «О написании иностранных географических названий, имен и фамилий» (1902). В феврале 1902 г. была создана «Комиссия по написанию названий иностранных географических названий, имен и фамилий», которая в ноябре того же года опубликовала в приложении Вестника Министерства образования № 5811 документ под полным названием «О написании иностранных географических названий, имен и фамилий в учебных пособиях по географии и истории для средней, старшей и женской школы» [Нисиваки, 1995. С. 4].

Основных принципов передачи иностранных имен собственных было два: это фонетическая транскрипция азбукой катакана, которая была основной на тот момент развития японской письменности, и иероглифическая транскрипция, т. е. подбор иероглифов по звучанию, иногда с учетом их смысла, а также комбинация этих подходов. Наиболее известным иностранным языком для японцев в то время был английский язык. Большинство письменных документов, книг и газет, с которыми знакомились японцы (и которые переводились на японский язык), было написано на английском языке, торговые и политические переговоры также проводились преимущественно на английском языке. Поэтому Симода Тадаси, например, указывал, что имена собственные, употребление которых в японском языке еще не устоялось, должны быть заимствованы на основе их произношения в английском языке [Симода, 1930. С. 239].

В то время, как правительство вело страну по пути вестернизации, среди интеллигенции все большее распространение получали идеи возрождения японской национальной культуры. «Эти два направления общественной мысли ... определили развитие культуры Японии конца XIX века» [Мещеряков, 2009. С. 34].

Вслед за документом, принятым Министерством образования, японское Историческое общество в 1914 г. опубликовало собственный «Список иностранных географических названий, имен и фамилий», обосновав это тем, что написание иностранных названий все еще далеко от унификации. Отмечая безусловную важность понятных и легко распознаваемых географических названий, Историческое общество все же приняло в качестве основного принципа передачи иностранных слов иероглифическую транскрипцию, хотя и признавало допустимость передачи имен собственных путем фонетической транскрипции [Нисиваки, 1995. С. 7].

Последующая унификация иностранных названий представляла собой компромисс между нормативными списками Министерства образования и Исторического общества. Иностранные названия, для которых в японском языке уже существовала иероглифическая транскрипция, использовались в записи иероглифами. Если же существовали два варианта названия (в записи иероглифами и азбукой *катакана*), предпочтение отдавалось записи азбукой. В опубликованном в 1937 г. Японской радиовещательной корпорацией NHK «Списке иностранных географических названий и имен» соблюдался тот же принцип, и этот документ определил стандарт произношения и написания иностранных названий на ближайшие десятилетия [Мацумура, 1979. С. 71].

Тем не менее, в предвоенные годы названия стран, переданные на японский язык путем иероглифической транскрипции, стали предметом лингвистических баталий. Сторонники чистоты родного языка утверждали, что приоритет должны иметь традиционные, устоявшиеся в употреблении иностранные географические названия и имена. Они обосновывали это тем, что во всех языках существуют фонетические особенности, которые приводят к адаптации, иногда весьма значительной, иностранных слов и названий. Особенно это касается названий стран, их столиц и крупных городов. Даже если фонетический облик названия сильно отличается от языка оригинала, это не является проблемой, поскольку для носителей японского языка

это название привычно и понятно. Иными словами, иностранные имена собственные, попадая в японский язык, становятся частью японского языка [Симода, 1930. С. 241].

Противоположная точка зрения заключалась в том, что названия стран и другие имена собственные являются изначально частью языка той страны, к которой они относятся, поэтому в других языках они должны употребляться в максимально приближенном к оригинальному произношению фонетическом облике. Например, Германия в немецком языке произносится Deutschland, а во французском языке *Allemagne*, и это название существует только во французском языке. Это уже не название страны, а слово французского языка, непонятное окружающим народам [Инамаки, 1941. С. 1083]. Сторонники «чистоты заимствования» утверждали, что имена собственные не должны изменять свой фонетический облик вне зависимости от языка употребления. Следовательно, «неправильно» заимствованные в японский язык имена собственные должны быть изменены и приведены в соответствие с оригинальным фонетическим обликом.

После Второй мировой войны Министерство образования Японии в рамках создания новой системы школьного образования выпустило ряд нормативных документов, в том числе инструкции «О написании иностранных географических названий и имен (проект)» (1946), затем «Написание иностранных слов» (1955) и «О написании географических названий» (1959). Послевоенные средства массовой информации взяли за основу нормы именно данных инструкций. Изданный под редакцией Japan Broadcasting Corporation «Словарь произношения иностранных географических названий» (1956) содержит 18 000 названий стран, городов, областей, рек и озер с указанием их написания и произношения [Нисиваки, 1995. С. 7].

На основе утвердившихся к тому времени стандартов в 1978 г. Комитет по написанию географических названий выпустил «Руководство по написанию географических названий». В нем прослеживается следующая закономерность: за исключением Китая и стран Корейского полуострова, а также китайских и корейских топонимов, названия переданы азбукой фонетически максимально близко к языку оригинала [Тимэй хё:ки-но тэбики, 1978].

Мы выделили следующие четыре типа передачи иностранных географических названий на японский язык.

1) Страны, названия которых переданы транскрипцией с оригинального названия

Прежде всего, сюда относятся англоговорящие страны и страны, получившие независимость после Второй мировой войны, а также Таиланд и Португалия, которые имели контакты с Японией до начала периода Мэйдзи. Таиланд сменил прежнее название Сиам 「シヤム」 на Таиланд 「タイ」 в 1939 г.¹, а к иероглифическому обозначению Португалии в первой половине эпохи Мэйдзи подписывали чтение 「ポルトガル」 *поругогару*, т. е. заимствованное с английского языка, но позднее перешли на фонетическую запись с португальского языка 「ポルトガル」 *поругогару*.

Францию, а также все страны Латинской Америки, за исключением Аргентины и Мексики, можно условно рассматривать в этом же ряду, поскольку в английском языке их написание совпадает с оригинальным, а фонетический облик ближе к национальным языкам. Аргентина и Мексика записываются в соответствии с фонетикой английского языка, поэтому являются исключениями. Афганистан и Болгария тоже относятся к этому типу [Нисиваки, 1995. С. 8].

Географические названия, относящихся к Китаю и Корею, до 1945 г., как правило, произносились в Японии по-японски (т. е. по одному чтению иероглифов). Однако после войны и в речевой практике, и в школьном преподавании такие названия стали читаться по возможности ближе к произношению на языке оригинала. Например, название китайского города

¹ Таиланд снова вернулся к названию Сиам в 1946 г., а в 1949 г. снова стал Таиландом. Однако название Сиам уже успело прижиться в языке, и фигурировало в прессе до 1970-х гг.

Ухань читалось раньше *букан*, потом было заменено на *ухан* [Географические названия, 1970. С. 594].

2) Названия не англоязычных стран, заимствованные из английского языка

Сюда входит большинство стран европейского региона и стран, бывших в колониальной зависимости. Например, Египет 「エジプト」 *эдзипуто* (арабск. مصر Миср), Венгрия 「ハンガリー」 *хангари* (венгр. Magyarország), Польша 「ポーランド」 *порандо* (польск. Polska), Финляндия 「フィンランド」 *финрандо* (финск. Suomi), Швеция 「スウェーデン」 *суэ:дэн* (шведск. Sverige), Норвегия 「ノルウエー」 *норуэ:* (норвежск. Norge), Австрия 「オーストリア」 *о:сутория* (нем. Österreich), Аргентина 「アルゼンチン」 *арудзэнтин* (исп. Argentina), Мексика 「メキシコ」 *мэксико* (исп. México).

3) Страны, названия которых первоначально были заимствованы из английского языка, но позднее были изменены на транскрипцию с оригинального названия

Это некоторые страны, находящиеся в центре «старой» Европы, например, Германия и Италия. Название Германии постепенно изменилось с англоязычных заимствований 「ゼルマン」 *дзэруман* (Germany) и 「プロシア」 *пуросия* (Prussia) на немецкоязычное 「ドイツ」 *дойцу* (Deutsch). Италия изменила свое название в японском языке с 「イタリー」 *итару:* на 「イタリヤ」 *итария* или 「イタリア」 *итариа*. Однако Накамура Масаки указывает, что названия обеих стран в первой половине эпохи Мэйдзи записывались именно в национальном фонетическом облике, и хотя временно изменили название в середине Мэйдзи на английский манер, затем снова вернулись к прежнему написанию [Накамура, 1986. С. 334]. К этой же группе относятся Швейцария и Бельгия, которые в первой половине Мэйдзи обозначались англоязычными заимствованиями 「スイツル」 *суицуру* или 「スイツルランド」 *суицурурандо* и 「ベルジウム」 *бэрудзюму* соответственно, а в инструкции 1902 г. зафиксированы их названия, заимствованные из французского² (Suisse 「スイス」 *суису*) и фламандского языка (België 「ベルギー」 *бэруги:*)³

4) Названия стран, восходящие к третьему языку, который не является ни английским, ни национальным языком

Это в основном названия стран, с которыми японцы познакомились благодаря португальцам в эпоху Эдо (1603–1868): Голландия, Турция, Греция, поэтому они были заимствованы из португальского языка. Исключением здесь является пришедшее в Японию через Китай название Индии. Индия на хинди называется भारत *Bhaarat*, а в китайском языке записывается иероглифами 「印度」 (кит. *иньду*), которые в японском языке читаются *индо*. Однако в первой половине эпохи Мэйдзи в школьных учебниках к этим иероглифам подписывали чтение 「インディア」 *индиа*, иногда встречается и чтение 「ヒンドスタン」 *хиндосутан*, в котором видно влияние английского языка.

Голландия на португальском языке называется Holanda (нидерландск. Nederland), отсюда современное 「オランダ」 *оранда*. Турция на турецком языке называется Türkiye, на португальском Turco, отсюда современное 「トルコ」 *торуко*⁴. Греция по-гречески называется Ελλάδα (Эллада) или Hellas, в учебниках к иероглифам 「希臘」, которыми записывали название страны в эпоху Мэйдзи, нередко приписывали чтение 「グリース」 *гури:су*, т. е. в английском звучании. Современное название Греции 「ギリシャ」 *гириса* восходит к португальскому Grécia [Тимэй хё:ки-но тэбики, 1978].

² Французский – один из языков Швейцарии. Однако это слово в японском языке трудно отличить от английского Swiss «швейцарский» или «швейцарец», поэтому мы не можем уверенно определить первоисточник названия.

³ Фламандский (нидерландский) язык – один из языков Бельгии.

⁴ Иероглифы 「土耳其」 в начале Мэйдзи часто подписывали чтением 「トルキー」 *торуки:*. Однако португальское Turco и нидерландское Turkije, означающее турков, а также турецкое Türkiye имеют близкое звучание.

Таким образом, в настоящей работе мы рассмотрели, как изменялись названия иностранных государств вплоть до настоящего времени, учитывая варианты написания в справочной литературе. Очевидно, что в начале эпохи Мэйдзи заимствование фонетического облика географических названий из английского языка было обычным явлением, и даже названия стран, традиционно восходящие к национальным языкам, изменялись в соответствии с англоязычными названиями. Причина этого заключалась в том, что во время реставрации Мэйдзи основным способом знакомства с иностранной действительностью была литература на английском языке. В школьных географических атласах и учебниках начала периода Мэйдзи карты Германии и Франции с обозначениями городов и рек содержат названия, восходящие к английскому языку [Нисиваки, 1995. С. 9].

Тем не менее, после войны, хотя названия стран уже были зафиксированы в ряде инструкций, некоторые государства сменили названия на оригинальные.

Роль правильной записи иностранных географических названий в международном общении и понимании разных культур очень велика. Название государства, некий фонетический комплекс, в сознании говорящего представляет собой образ этой страны, ее символическое обозначение, поэтому важность адекватной передачи с одного языка на другой географических названий не подлежит сомнению. Название другой страны – это первый шаг в понимании иной культуры.

Список литературы / References

- Географические названия (пояснит. статья) // Большой японско-русский словарь / Под ред. Н. И. Конрада. Т. II. С–Я. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 594–605.
Geographical names (explanatory) // Large Japanese-Russian dictionary / Ed. H.I. Conrad. Vol. II. St.-Petersburg, Moscow, Soviet Encyclopedia, 1970, p. 594-605. (in Russ.)
- Мещеряков А. Н.** Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 735 с.
Meshcheryakov A. N. The Emperor Meiji and his Japan. Moscow, Natalis, 2009, 735 p. (in Russ.)
- Инамаки Сабуро.** Сэкай кокумэй-но камаэката-ни цуйтэ [猪間牧三郎。世界國名の構へ方に付て]. О структуре названий стран мира // «География» [地理]. 1941. Т. 9. № 8. С. 1077–1084. (на яп. яз.)
Inamaki Saburo. Sekai kokumei-no kamaekata-ni tsuite [猪間牧三郎。世界國名の構へ方に付て]. On the structure of the names of countries in the world // “Geography” [地理], 1941, Vol. 9, № 8, p. 1077–1084. (in Jap.)
- Мацумура Ёсиро.** Нихон гайкоку-но кокумэй-но хё:ки-ва до: наттэ иру ка [松村吉郎。日本・外国の国名の表記はどうなっているか]. Как обстоят дела с географическими названиями Японии и иностранных государств? // «История. География. Образование» [歴史地理教育]. № 300, 1979. С. 70–73. (на яп. яз.)
Matsumura Yoshiro. Nihon gaikoku-no kokumei-no hyouki-va dou natte iru ka [松村吉郎。日本・外国の国名の表記はどうなっているか]. What about the geographical names of Japan and foreign countries? // “History. Geography. Education” [歴史地理教育]. № 300, 1979, p. 70–73. (in Jap.)
- Накамура Масаки.** Сидзэн тири ё:го-кара мита сэкай-но тири. Мэйсё: гэкан [梶村大彬。自然地理用語からみた世界の地理.名称・下巻]. Мировая география с точки зрения географической терминологии. Часть 1. Названия. Токио: Кокон сё:ин, 1986. 462 с. (на яп. яз.)
Nakamura Masaki. Shizen chiri yougo-kara mita sekai-no chiri. Meishou gekan [梶村大彬。自然地理用語からみた世界の地理.名称・下巻]. World geography in terms of geographical terminology. Part 1. Names. Tokyo, Kokon shouin, 1986, 462 p. (in Jap.)
- Нисиваки Ясуюки.** Мэйдзики ико:-ни окэру гайкоку кокумэй-но ко:сё: хэнко: -ни цуйтэ. Омо-ни тидзутё:-о дзирэй-ни [西脇保幸。明治期以降における外国国名の呼称変遷について-主に地図帳を事例として]. Названия стран после периода Мэйдзи. О смене названий.

- На материале географических атласов // Новая география [新地理]. № 42–4, 1995. С. 1–14. (на яп. яз.)
Nishivaki Yasuyuki. Meijiki ikou-ni okeru gaikoku kokumei-no kousyou henkou -ni tsuite [西脇保幸。明治期以降における外国国名の呼称変遷について-主に地図帳を事例として]. Names of countries after the Meiji period. On the change of names. On the material of geographical atlases // “New geography” [新地理], № 42–4, 1995, p. 1–14. (in Jap.)
- Нисиура Хидэюки.** Кинсэй-ни окэру гайкоку тимэй ко:сё:-ни цуйтэ [西浦英之。近世に於ける外国地名呼称について]. Об иностранных географических названиях в новейшей истории // Вестн. ун-та Когаккан. 1970. Т. 8. С. 227–324. (на яп. яз.)
Nishiura Hideyuki. Kinsei-ni okeru gaikoku chimei kousyou-ni tsuite [西浦英之。近世に於ける外国地名呼称について]. On the foreign geographical names in recent history // Bulletin of the University of Kogakkan, 1970, Vol. 8, p. 227–324. (in Jap.)
- Симода Тадаси.** Гайкоку тимэй-но докуонхо: оёби какиката-ни цуйтэ [下田禮佐。外國地名の獲音法及び書き方に就いて]. О произношении и написании иностранных географических названий // «Географическое образование» [地理教育]. Т. 12, 1930. С. 120–125. (на яп. яз.)
Shimoda Tadashi. Gaikoku chimei-no dokuonhou oyobi kakikata-ni tsuite [下田禮佐。外國地名の獲音法及び書き方に就いて]. On pronunciation and spelling of foreign geographical names // “Geographical Education” [地理教育], Vol. 12, 1930, p. 120–125. (in Jap.)
- Тимэй хё:ки-но тэбики. Кё:касё кэнкю: сэнта: хэн [地名表記の手引き。教科書研究センター編]. Руководство по написанию географических названий. Редакция центра учебной литературы. Токио: Гё:сэй, 1978. 276 с. (на яп. яз.)
 Chimei hyouki-no tebiki. Kyoukasho kenkyuu senta: hen [地名表記の手引き。教科書研究センター編]. Guide to the writing of geographical names. Editorial center of educational literature. Tokyo, Gyousei, 1978, 276 p. (in Jap.)
- Фудзимото Акира.** Мэйдзи 35 нэн «Гайкоку тимэй оёби дзиммэй-но тонаэката оёби какиката»-но ко:хё:-ни цуйтэ [藤本光。明治35年『外国地名及人名ノ称へ方及書き方』の公表について]. О публикации на 35 году Мэйдзи инструкции «Написание и произношение иностранных имен и географических названий» // Вестн. Токийского ун-та свободных искусств, 1971. Вып. 3. Т. 23. С. 120–133. (на яп. яз.)
Fujimoto Akira. Meiji 35 nen «Gaikoku chimei oyobi jimmei-no tonaekata oyobi kakikata»-no kouhyou-ni tsuite [藤本光。明治35年『外国地名及人名ノ称へ方及書き方』の公表について]. On the publication in the Meiji Year 35 of the instructions “Writing and pronunciation of foreign names and geographical names” // Bulletin of the Tokyo University of Liberal Arts, 1971, Is. 3, Vol. 23, p. 120–133. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
15.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Фролова Евгения Львовна, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, janefr@mail.ru)
Evgenia L. Frolova, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, janefr@mail.ru)

УДК 811.161.1:81'367+811.531:81'367
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-129-152

Сопоставительная характеристика систем членов предложения в русском и корейском языках

А. С. Шмакова, Ли Джонсик

*Новосибирский государственный университет, Korea Foundation
Новосибирск, Россия; Чеджудо, Республика Корея*

Аннотация

В статье проанализированы существующие классификации членов предложения в русском и корейском языках. Необходимость такого сопоставления обусловлена значительными различиями в составах предложений двух языков, исследование которых необходимо для выполнения адекватного перевода. В ходе анализа выявлено, что при выделении членов предложения в русском языке наиболее важным оказывается «принцип интуитивности», проявляющийся на уровне подчинительных связей в словосочетаниях. В агглютинативном корейском языке наиболее важными при выделении частей речи являются грамматические принципы. В корейском языке выделяют шесть членов предложения – четыре главных и два второстепенных (без учета служебных слов), в русском – пять (два главных и три второстепенных). В корейском языке к главным членам предложения относятся подлежащее, сказуемое, дополнение и дополнительный член, к второстепенным – определение и обстоятельство. В русском языке главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое, а все остальные – второстепенными. В корейском языке переходные глаголы обязательно требуют после себя дополнение, в противном случае предложение считается незаконченным. В русском же языке, напротив, ввиду наличия лабильных глаголов необязательно использование дополнения. Более всего сходств выявлено в корейском и русском языках у подлежащего и сказуемого, более всего различий – у определения.

Ключевые слова

Корейский язык, русский язык, система членов предложения, главные члены предложения, второстепенные члены предложения, сравнение, синтаксис

Для цитирования

Шмакова А. С., Ли Джонсик. Сопоставительная характеристика систем членов предложения в русском и корейском языках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 129–152. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-129-152

A Contrastive Study of Sentence Elements in Russian and Korean Languages

Anna S. Shmakova, Lee Jung-Sig

*Novosibirsk State University, The Korea Foundation
Novosibirsk, Russian Federation; Republic of Korea*

Abstract

Despite the many active exchanges that have taken place in various fields between Korea and Russia over the last 20 years, there is an obvious lack of analysis of data in the field of linguistics. In addition to the differences in

© А. С. Шмакова, Ли Джонсик, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

the perspective of language in Russian linguistics of Russia and Russian linguistics of Korea, the opinions of scholars of the two countries differ as well.

Firstly, research about the Korean language in Russia has been mainly conducted based on classical history and classical literature of the country while Korean grammar was studied based on “native language”. This caused a large amount of inconsistencies and mistakes to arise in turn as the system of sentence elements greatly differs between Korean and Russian.

Korean has long been regarded as belonging to the Altaic family of languages, the syntax of which is characterized by the absence of a mandatory grammar category, the absence of a subordinate-equalitarian mechanism of sentence complexity, and a lack of analytical syntax [Brechalova, 2009. p. 197]. In addition, there are numerous other complicated syntactic structures, the notation of the relation between noun phrases and verb phrases, the possibility of single and auxiliary use of verbs, and nested structures [Brechalova, 2008. p. 28].

In addition, Korean sentences most commonly consist of a combination of “main ideas” and “inner ideas”, which causes a lot of syntactic ambiguities in the parsing process due to one or more expressions appearing in any given sentence. Most of these are due to the problem of sphere attachment that arises from the range of nested structure formulas [Lee, Yong-suk, 2008. p. 50]. Moreover, Korean is an unstructured language with frequent omissions and free words [Lee, Yong-Yong, 2008. p. 52].

In order to analyze Korean texts, the application of terms and analytical methods developed in Korean linguistics by famous Korean scholars Nam Gisim and Go Yeonggun is being proposed. This article serves as the first step in this process by comparing systems of Russian and Korean sentence elements in order to present the key differences between the two languages.

Keywords

Korean, Russian, sentence system, main sentence members, secondary members of the sentence, comparison, syntax

For citation

Shmakova A. S., Lee Jung-Sig. A contrastive study of sentence elements in Russian and Korean languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 129–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-129-152

사사

본 논문을 위하여 도움 주신 모든 분께 감사드립니다. 특히 날카로운 지적과 따뜻한 조언으로 논문의 방향을 잡아주신 최형용 교수님께 감사드립니다. 이 도움이 더욱 빛날 수 있도록 앞으로도 최선을 다 하겠습니다.

한국어와 러시아어의 문장 성분 대조 연구

최근 20년 동안 한국과 러시아 간의 교류가 많이 활발해졌음에도 불구하고 언어학 분야에서의 자료에 대한 대조 분석은 아직까지 미흡한 것으로 보인다. 러시아의 한국 언어학과 한국의 러시아 언어학 속에서 언어에 대한 시각이 다소 차이가 있을 뿐만 아니라 두 나라의 학자 간의 견해 또한 다른데 그 이유는 다음과 같다.

첫째, 러시아에서 한국어에 대한 연구는 주로 고전역사나 고전문학을 중심으로 이루어져 왔으며 한국어 문법은 ‘모국어’를 기반으로 연구되었다.

둘째, 현대 러시아 내의 한국학과 언어학에서는 한국어로 된 텍스트를 러시아어로 번역할 때 꼭 필요한 ‘구문 분석’ 방법으로 언어학자, 상트페테르부르크 국립대학교 A. A. Kholodovich (А. А. Холодович) 개발한 한국어 문법 패러다임이 널리 사용되고 있다. 하지만 모든 과학적 패러다임처럼 이 패러다임도 장점뿐만 아니라 단점도 있다. 홀로도비치는 한국어 텍스트 구문 분석을 위해서 러시아 언어학에서 논의된 용어와 분석 방법들을 적용하도록 제안하였는데 이는 한국어 텍스트를 분석한 결과가 러시아어 텍스트를 분석한 결과처럼 도출되게 할 수 있다는 오류가 있다. 즉, 한국어로 된 문장에 러시아 언어학에서 논의된 분석 도구를 적용하는 것이 적합한지에 대한 논의가 필요하다.

한국어는 이전부터 알타이 어족에 속한다고 보고 있는데 알타이언어계의 통사론은 의무적 문법 범주가 없고, 복문의 부분사이에 복문의 종속-대등적 메커니즘이 없으며, 분석적인 구문이 많지 않다는 특징이 있다 [Бречалова, 2009: 197]. 그 외에도 다소 복잡한 문법 구조 (syntactic structure) 가 많다는 것, 명사구와 용언 간의 관계 표시법, 일부 용언의 단독적 및 보조적 사용 가능성, 내포문의구조 등 [Бречалова, 2008: 28] 이 특징이라고 할 수 있다.

또한, 한국어 문장은 대부분 주절과 내포문을 가지는 복문으로 구성되어 있어서 복문에 나타나는 하나 이상의 용언으로 인해 구문 분석 과정에서 수많은 구문 애매성이 발생한다. 이들 중 대부분은 내포문의 수식 범위로부터 발생하는 구 부착의 문제 때문이다[이현영, 이용석, 2008: 50].

더욱이 한국어는 생략이 자주 발생하고 자유 어순을 갖는 비구조적 언어이다[이현영, 이용석, 2008: 52].

위에 언급된 이유만으로도 한국어 구문을 분석하는 일은 매우 복잡한 것으로 보인다.

한국어 의사소통 능력을 기르는 것은 여러 가지 문법 구조를 충분히 습득하는 것뿐만 아니라 배우는 언어의 문법 체계에 대한 완전한 이해를 형성하는 것을 의미한다. 그래서 러시아 노보시비르스크 국립대학교 한국어 교육과정에는 3학년부턴 ‘문학 및 비문학 번역’이라는 과목이 포함되어 있다. 이 과목이 포함된 지는 8년이 되었는데 한국어 학습자들은 통사론을 제일 어려워하고 있다.

물론, 초급 한국어 학습자에게 통사론에 관련된 용어의 의미를 가르치는 것은 무리일 수 있지만 3,4학년 학생들에게 통사론은 필수적이고 한국어 구문을 비교적 정확하게 번역하기에 용이한 도구 및 방법이다.

그리고 노보시비르스크 국립 대학교 한국어학과는 매년 졸업시험문제로 한국문학의 일부를 발췌하여 출제하는데, 이것은 통사론의 이해 여부가 졸업 가능 여부를 결정하는 중요한 기준이기 때문이다.

학생들이 번역한 글에서 확인할 수 있는 반복적인 오류 중 절반 가량은 한-러 번역 시 구문 분석 잘못 하여 발생하는 오류인 것으로 보인다.

이상에서 언급한 바와 같이 한국어에 대한 구문 분석은 단순히 러시아 언어학의 구문 분석 체계를 따라서는 안 될 것이다. 이에 본고에서는 러시아어와 한국어의 문장 성분 대조를 통해 한국어 구문 분석을 위한 토대를 마련하고자 한다.

1.2. 선행 연구 검토

1.2.1. 러시아어의 문장 성분 연구

러시아 언어학에서 통사론은 매우 중요하게 다루어지고 있다. 그 이유는 러시아어 문장 성분 체계의 특징 때문이다.

러시아어는 어순이 통사론 법칙성에 달려 있다기보다는 의사소통에 관련되어 있다는 것이 더 적절하다. 화자의 의사소통 목적에 따라서 어순이 달라지는 것이기 때문이다. 또한, 러시아어는 어순 순환 (conversion) 과 같은 표현법이 흔히 사용되지 않는다.

러시아 언어학에서는 문장성분들에 대한 연구들이 통사론에 관련된 부분에 들어가 있고 문장 성분만 중심으로 된 연구들은 많지 않은 것으로 보인다.

러시아 언어학에서 문장 성분에 대한 이해는 20세기 후반에 전반적으로 형성되었다. 대표적으로 V. V. Vinogradov [В. В. Виноградов, 1975; 2001], V. V. Babaitseva [В. В. Бабайцева, 1988; 1989], G. A. Zolotova [Г. А. Золотова, 1988], N. Yu. Shvedova [Н. Ю. Шведова, 1980] 등의 논문이 있다.

전통적으로 러시아 언어학자들은 문장 성분을 두 가지 종류로 나누는데 첫번째 그룹은 주성분이고 두번째는 부속성분이다. 주성분 중에 주어와 서술어가 있고 부속 성분들 중에 목적어, 관형어, 상황어, 부가어 (adjunct) 와 한정사가 있다.

하지만 문장성분에 대한 분류는 아직도 완성되어 있지 않은 것으로 보인다.

Vinogradov (Виноградов) 주어와 서술어는 용언 관계가 있는 주성분으로 보았다. 주어는

주격인 명사와 주격인 대명사가 될 수 있고 서술어는 일인칭동사, 동사, 형용사 등이 될 수 있다. 주성분은 문장의 중심이다.

부속성분은 단어 결합 사이에 있는 관계를 연결시키는 역할을 한다. Vinogradov (Виноградов) 부속성분을 목적어, 관형어, 부사어로 구분하였다.

또한 비노그라도프는 나탈리아 슈도바의 영향으로 문장성분 중 전체적 문장에 해당되지만 주어, 서술어와 직접적인 관련이 없는 한정사를 따로 구분하였다.

구성적-의미적 개념 (structural-semantic linguistic) 을 정립한 Babaitseva (Бабайцева) 의 영향을 받은 1970년대에는 언어 형상에 대한 다양한 논의가 있었는데 당시의 논의를 이해하기 위해서는 당시의 구성적-의미적 특징을 반드시 생각해야 한다. 이에 따라 문장 성분은 일정한 특징을 가지는 문장의 구성적-의미적 요소라고 한 것이다. 문장 성분의 구성적인 특징은 다음과 같다: 표현법, 다른 성분과의 연결법, 그들의 위치. 문장 성분의 의미적인 특징은 논리값 (logical value), categorical value, 전달 목적이다. 하지만 언급된 요소들은 문장 성분을 분류하기 위한 단일 속성이 될 수는 없다¹.

Babaitseva (Бабайцева) 는 러시아어의 주성분을 주어와 서술어로 정의하였다. 대표적인 주어는 문장의 구성에 들어가 있지만 구조적으로 독립된 서술어 앞에 나오는 성분이다. 주어는 주격인 명사나 대명사로 표현되어 문장의 주제나 대상을 말하거나 행위자, 소유자 등을 의미한다.

대표적인 서술어는 문장의 구성에 들어가 있고 주어 뒤에 나온다. 서술어는 주어와 종속관계 있고 명사나 변경시킨 형태로 된 동사나 용언으로 표시되고 “새로운” 주제와 회화 대상의 양태적-일시적 속성을 의미한다.

부속 성분들중에 배라 바바이체바 연구자는 목적어, 관형어, 부사어를 구분한다.

Shvedova (Шведова) 학자는 문장의 구성적인 미니명에 대한 개념을 제시하였다. Shvedova (Шведова) 는 주성분들중에 주어와 서술어를 구분하고 부속인 성분을 종합적으로 한정사라고 부르며 한정사중에 대상적 한정사, 주제적인 한정사, 상황적인 한정사, 대상적-상황적인 한정사, 주제적-상황적인 한정사를 구분하였다.

Zolotova (Золотова) 학자는 전통적인 러시아어 성분 문장 체계를 부정하고 주성분과 부속 성분을 구분하지 않고 기본적인 통사론적 소부분에 대해서 말했다. 그런 부분을 Zolotova (Золотова) 연구자는 syntaxeme 라고 정의하였다. 모든 syntaxeme 는 일정한 통사론적 기능이 있는데 그 기능은 Zolotova (Золотова) 는 담론을 연구하기 위해서 용어체계를 개발했다. 그 체계에는 한정사 (determiner) 와 그의 대한 평가, 대상자와 대상자의 상태, 소유자와 소유 대상이 있다.

1.2.2. 한국어의 문장 성분 연구

문장 성분은 국어 문법론에서 중요하게 다뤄지는 연구 주제이다. 하지만 이 주제는 더 많은 논의가 필요해 보인다. 그 이유는 한국 언어학에서 국어 문법론이 연구되었던 20세기 초에 쓰였던 용어체계가 서술적 (descriptive) 이어서 20세기 후반에서 나온 용어체계와 다르기 때문이다.

20세기 초에서 1985년까지 한국어 문법 성분 체계는 다양한 논의를 거쳐서 오늘의 형태에 이르게 되었다. 1985년에 나온 남기심과 고영근의 «표준국어 문법론»(제4판) 본 연구를 준비하는 데에 큰 도움이 되었다.

위 논문에서 학자들은 한국어의 문장 성분을 담고 있는 내용에 따라 주성분, 부속성분, 독립성분의 3가지로 분류하였다. 주성분은 주어, 서술어, 목적어 및 보어, 부속성분은 관형어와 부사어, 독립성분은 감탄사, 체언에 호격조사가 붙은 것, 그리고 접속부사로 이루어진다.

¹ В. В. Бабайцева Теоретические основы школьного и вузовского синтаксиса // Вера Васильевна Бабайцева. Избранное. 1955–2005. Москва, Ставрополь, 2005. URL: http://textus-pro.ru/_ld/0/68_Babay-2005.pdf. С. 220–233 (дата обращения 26.07.2018).

고영근, 구본관 [2009] 에서 유사한 성분체계가 나와 있는데 주성분을 필수성분이라고 부르기도 하고 부속성분을 수의적 성분이라고도 한다. 서술어를 제외한 필수적 성분은 달리논한이라고 부르고 수의적 성분을 부가어라고도 한다 [고영근, 구본관, 2009: 273].

이흥식 “국어 문장의 주성분 연구”에서는 한국어 문장 성분 체계에 대한 상세한 서술 및 분석이 나와 있다. 이 연구에서는 임흥빈 [1987], 김영희 [1989] 에 따라서 주제어와 제시어를 한국어 문장 성분 체계에 더하고 문장 성분 확인 방법과 기준을 다루면서 선행자와 논의를 한다. 이흥식 학자는 문장 성분의 필수성은 상호 연결되어 있는 것이다.

즉, 이정택 [2002] 논문에서 주성분들이 서술어를 중심으로 구조화되어 있으며 부속성분은 주성분에 수의적으로 부속됨으로써 문장의 구성이 형성되는 것으로 설명된다.

이정택은 문장 성분이 구성 전체와 관련되는 것으로 보고 “삼차 성분”으로 분류한다.

일차성분중에 주어, 목적어, 보어, 및 일차 서술어와 일차적 관계를 갖는 모든 성분과 서술어, 이차성분중에 관형어와 이차 부사어, 삼차성분중에 독립어 (문장 수식 기능을 하는 모든 성분 및 대등 접속절과 접속부사)이다.

현대 한국 언어학에서 이루어진 한국어 문장 성분에 대한 논문들 중에 주어와 목적어 등 중심으로 된 연구들도 나타난다. 그 연구들 중에 박창영 [2014], 차명희 [2015] 등이 있다.

1.2.3. 한국어와 러시아어의 문장 대조 연구

한국 언어학과 러시아 언어학에서 러시아어와 한국어의 문장 성분 비교나 대조에 대한 연구들이 다소 부족하였다. 하지만 이 주제의 필요성이 대두되고 있다. 관련 논문으로 한국어와 러시아어의 목적어 대조 연구 [강 스베틀라나, 2010], 한국어와 러시아어의 부사어 대조 연구 (송지연, 2016) 등이 있다.

또한 각 나라에서 그 언어를 외국어로서 배우는 학습자를 대상으로 연구되는 ‘언어분법학개론’을 찾을 수 있다. 이 연구들은 문장 성분 체계에 대한 부분을 포함한다.

본 연구에 큰 도움이 된 연구를 살펴보면 이명자 (2007), A. A. Kholodovich [Холодович, 1954] 과 V. A. Beloshapkova [Белошапкина, 1989] 등을 들 수 있는데 언급된 문헌에서는 비교나 대조가 안 나오지만 한국어와 러시아어 문장 성분 체계에 대해서 충분히 알 수 있다.

이명자 [2007]에서는 러시아어 문장 성분들에 대한 매우 간단한 분석이 나와 있다. 이 연구에서는 러시아어 문장의 성분을 주성분과 이차적 성분 두 분류로 나눈다. 주성분 중에 주어와 서술어를 다루고 이차적 성분 중에 보어, 정어, 상황어를 구분한다. 다음에는 주성분에 따른 문장 분류를 제시한다.

Kholodovich [Холодович, 1954] 에서는 한국어의 문장 구성을 설명할 때 러시아어 문장 구성을 분석할 때 쓰는 용어와 똑같은 용어를 사용한다. Kholodovich (Холодович) 는 문장 성분을 6개로 구분하였다. 주성분 중에 주어와 서술어, 부속성분 중에 목적어, 정어, 부가이다.

Beloshapkova [Белошапкина, 1989] 에서는 러시아어의 문장 성분에 대해 매우 상세히 설명하고 있다. 주성분 중에 주어와 서술어, 부속성분 중에 목적어, 정어, 상황어를 구분한다. 서술어를 합성 서술어 (composed predicate) 와 일반 서술어 (simple predicate) 로 나누며 목적어는 직접 목적어와 간접 목적어로 구분할 수 있다.

1.3. 연구 대상 및 방법

본고는 한국어와 러시아어의 문장 성분을² 대상으로 한 대조 언어학의 주요 연구방법으로 서술적 방법에 속하는 범주 분석 (categorical analyses), 대조하는 방법에 속하는 대조 해석 (comparative interpretation), 한국어 문장 성분과 러시아어 문장 성분 대조에 목적이 있다.

본고를 준비하는 데에 큰 도움이 된 논문은 남기심과 고영근이 (2014)과 Beloshapkova [Белошапкина, 1989] 이다. 본고에서 이 논문을 쓴 이유는 모든 러시아어와 한국어에 관한 학교 교재에서 나오는 러시아어나 한국어 문장 성분에 대한 설명이 남기심과 고영근, Beloshapkova (Белошапкина) 이론의 영향을 많이 받고 있기 때문이다.

본 논문은 문장 구분이 매우 높은 문법적 추상성의 수준에서 실시된 것이다. 왜냐하면 전통적

² 이 논문의 주된 목적은 문장성분의 분석인데 독립성분이 문장 중에 어느 성분과도 직접적인 관련이 없는 이유로 본고에서는 검토하지 않겠다.

문장성분의 구분이 문장 중심, 부차적 구성성분의 분류에 있어, 특히 전통적인 의미 구성의 관점에서 어떤 부속성분이 주성분만큼 중요하다는 것을 간과하기 때문이다 [Белошапкина, 1989: 611].

1. 한국어와 러시아의 문장성분 체계

2.1. 한국어의 문장 성분 체계

문장 성분은 한 문장을 구성하는 요소들이다. 한국어의 문장 성분은 7개의 요소로 이뤄져 있다. 그 요소들을 크게 주성분, 부속성분과 독립성분으로³ 나누며 주성분 중에 주어, 서술어, 목적어, 보어가 있고 부속성분에는 관형어, 부사어가 속한다.

한 문장에서 필수적으로 나타나는 성분들은 서술어의 종류에 달려 있다. 고영근, 남기심 [2014] 에 따르면 국어의 모든 문장은 궁극적으로, “무엇이 어찌하다”, “무엇이 어떠하다”, “무엇이 무엇이다”중에 한 가지의 내용을 담고 있다.

- 1) 갈매기가 따라온다.
- 2) 명준은 고개를 젖는다.
- 3) 그 노래가 삶이 된다.
- 4) 바다는 잔잔하다.
- 5) 그것은 멋이 아니다.
- 6) 그 눈매는 버릇이다.

이 문장들은 분석해보면 모든 성분들은 문장을 구성하는데 없어서는 안될 요소들이어서 필수적으로 나타나는 주성분으로 볼 수 있다.

1)-6) 에서 있는 문장들은 성분이 하나 빠지면 불완전한 구성이 된다. 그리하여 1)에서 ‘갈매기가’ 주어이고 ‘따라온다’ 서술어이다. 2) 에서 ‘명준은’ 주어이고 서술어는 ‘젖는다’이다. ‘젖는다’는 타동사로서 목적어를 요구한다. 3), 5) 에서 ‘그 노래가’와 ‘그 것은’ 주어이고 ‘된다’와 ‘아니다’는 서술어이다. 동사 ‘된다’와 형용사 ‘아니다’는 반드시 보어를 요구하기 때문에 ‘삶이’와 ‘멋이’는 당연히 보어가 된다. 이상은 주성분으로만 이루어진 문장들을 살펴본 것이었다.

다음 예문을 보면 주성분을 꾸며서 뜻을 더해 주는데 없어도 완전한 문장이 되는 부속성분이 나타난다.

- 7) 명준은 젊고 가난한 철부지 책벌레다.

이 문장에서 ‘젊고 가난한’이라는 말은 주어 ‘철부지’를 꾸며 뜻을 더해 주는 성분인데 그들이 없어도 완전한 문장이 이루어진다. 그리하여 ‘젊고 가난한’은 관형어이고 부속성분이다.

- 8) 광장은 텅 빕니다.

마찬가지로 8)문장에서 ‘텅’이라는 말은 서술어 ‘빕니다’를 꾸며 주는 역할을 하는 부사어가 된다.

남기심, 고영근 [2014] 에 따라서 문장의 성분이 될 수 있는 말의 단위는 단어, 어절, 구, 절이다. 조사는 단독으로 문장 성분이 될 수 없으므로 반드시 체언이나 체언의 구실을 하는 말에 붙어서 쓰인다 [남기심, 고영근, 2014: 239~240].

- 9) 우리 유물을 찾는 게 큰일이야.
- 10) 무서운 것을 너무 빨리 봤다.
- 11) 자기가 너무 불쌍하다.
- 12) 아주 불임성 없이 구는 건 아니다.
- 13) 아주 야릇할 야자였다.

(9)~(13) 문장에서 몇 개의 단어들이 덩어리처럼 되어 있고 다른 품사와 같이 쓰이고 있다. 이러한 것들은 명사구 (9), 동사구 (10), 형용사구 (11), 부사구 (12), 관형사구 (13)라고 한다.

2.1.1. 한국어의 주성분

한국어의 문장 성분을 더 쉽게 분석하고 이후 러시아어 문장 성분과 대조하기 위해서 <표

³ 이 논문의 주된 목적은 문장성분의 분석인데 독립성분이 문장 중에 어느 성분과도 직접적인 관련이 없는 이유로 본고에서는 검토하지 않겠다.

1>을 작성하였다⁴.

이 표에서는 한국어 문장 성분의 제일 대표적인 특징이 나와 있다.

Table 1

한국어의 문장 성분의 특징

문장 성분	설명하는 의미	문장 성분의 성립	무엇으로 표현될 수 있는가?	통사상의 특징	선택제약	생략
주어	‘무엇’, ‘누가’, ‘누구’	주격조사 ‘이, 가/에서, 보조사 ‘은(는), 도, 만, 부터, 까지’ 붙어서 쓰인다	명사 (명사구, 명사절), 대명사, 수사	주어가 존재해야 할 대상이면은 서술어의 높임의 선어말어미 ‘-으(시)-’를 붙여 쓰게 한다.	없음	가능
서술어	‘어떠하다’, ‘어찌하다’, ‘무엇이다’	용언의 어간에 선어말어미 ‘았’, ‘았’, ‘였’/어말어미가, ‘-이다’, 어간에 보조용언 ‘버리다’, ‘내다’, ‘놓다’, ‘주다’ 붙어서 쓰인다	동사, 형명사, 체언, 체언의 구실하는 말	보통 문장의 맨 끝에 있다. 강조적 표현이 나오면 위치가 옮겨진다.	있음	가끔 가능: 반복되어 쓰일 때 생략
목적어	‘무엇을’, ‘누구를’	체언 상당 구성과 대격조사 ‘을/를’/‘르’, 비교할 때 ‘은/는’, ‘도’로 이루어진다	명사, 명사구, 명사절	서술어인 타동사 앞에 나온다	없음	불가능
보어	‘무엇이’	체언, 명사구, 명사절을과 같은 체언 구실을 하는 말에 조사 ‘이/가’가 붙어서 이루어진다.	명사, 명사구, 명사절	‘되다’, ‘아니다’ 앞에 나온다	없음	불가능*
관형어	‘어떤’, ‘무슨’ 어느?’	관형사, 용언의 관형사형, 체언이나 체언 구실 하는 말에 조사 ‘의’ ¹ 가 붙어서 이뤄진다.	관형사, 용언의 관형사형, 부사격의 체언	항상 꾸미는 체언 앞에서만 나온다	없음	가능
부사어	‘어떻게’, ‘어떤 식으로’	서술어나 서술어인 용언의 붙어서 쓰인다	부사, 부사절, 체언에 여러 가지 부사격조사가 붙은 말	한정하는 말 앞에 오는 것이 정상이다 ²	있음	가능

4 러시아어와 한국어의 문장 성분 대조 할 때 위 표에서 나와 있는 기준으로 살펴볼 것이다.

A. 주어

한국어에서 주어는 ‘무엇이’나 ‘누가’에 해당되고 주격조사 ‘이, 가’/에서, 보조사 ‘은(는), 도, 만, 부터, 까지’ 붙어서 쓰이는 주성분이다. 주어는 주체를 말하는 말이다.

문장에서 쓰일 때 주어가 존대해야 할 대상이면은 서술어의 높임의 선어말어미 ‘-으(시)-’를 붙여 쓰게 한다. 주어는 높임을 받을 대상이 될 수 없다 [남기심, 고영근, 2014: 245].

주어가 명시되지 않아도 문맥으로 보면 주어가 무엇인지 알 수 있다. 그런 경우에는 주어의 생략이 가능해진다.

B. 서술어

한국어에서 서술어는 보통 ‘어떠하다’, ‘어찌하다’, ‘무엇이다’를 설명하며 용언 어간에 선어말어미나 어말어미 붙어서 쓰인다. 서술어는 주어의 행위, 상태, 성질 말하는 것이다.

서술어는 동사, 형용사, 체언, 체언의 구실하는 말에 ‘-이다’가 붙어서 된 것으로 이루어진다. 서술어는 종결형으로서뿐만 아니라 연결형, 관형사형, 명사형으로도 나타난다 [남기심, 고영근, 2014: 253]⁵.

서술어가 되는 용언은 동사이면 그 동사의 종류의 따라서 다른 성분을 요구하는 것이다. 자동사는 서술어가 되면은 목적어를 요구하지 않고 주어와 용언으로만 완전한 문장이 이뤄지는 것이다. 하지만, 서술어가 된 동사는 타동사이면 반드시 목적어가 있어야 된다. 타동사와 자동사로 이뤄진 서술어는 목적어외의 다른 성분을 요구하는 경우도 많다.

서술어는 어떤 말하고만 어울릴 수 있는 선택자질을 가지고 있어서 선택제약이 있다 [남기심, 고영근, 2014: 258].

C. 목적어

한국어에서 목적어는 타동사에 의한 대상을 나타내고 체언 상당 구성과 대격조사 ‘을/를’/ ‘=’, 비교할 때 ‘은/는’, ‘도’로 이루어진다 [발라바네츠, 2008: 15]. 명사, 명사구나 명사절이 목적어가 될 수 있다. 목적어는 생략이 될 수 없는 성분이고 결집이 되면 첫번째 서술어가 두번째 서술어의 부분이 된다.

D. 보어

한국어에서 보어는 체언, 명사구, 명사절과 같은 체언 구실을 하는 말에 조사 ‘이/가’가 붙어서 이루어진다.

한국 언어학에서 ‘되다’, ‘아니다’ 앞에 나타나는 성분이 보어가 되는 해석이 제일 보편적이다. 보어는 특별한 표시가 없다. 가끔 보어가 조사 ‘(으)로, 와/과, 에(게)’를 취하는 경우도 있다.

2.1.2. 한국어의 부속성분

A. 관형어

한국어에서 관형어는 관형사, 용언의 관형사형, 체언이나 체언 구실 하는 말에 조사 ‘의’⁶가 붙어서 이뤄지며 체언인 주어, 목적어 앞에서 그것을 꾸며준다.

관형어는 관형사형 어미 ‘-은, -(으)ㄴ, -(으)ㄹ, -던’중에 하나를 취함으로써 용언의 시간표를 자유롭게 한다.

관형어는 단독으로 쓰일 수 없고 항상 꾸미는 체언 앞에서 쓴다. 한 문장에 관형어가 몇 개 있으면 그것들은 겹쳐 쓰일 수 있다 [남기심, 고영근, 2014: 271~274].

B. 부사어

한국어에서 부사어는 서술어나 서술어인 용언의 붙어서 그 뜻을 한정하는 수의적 성분이다. 부사어가 부사어로 그대로 이루어지거나 체언의 부사격조사가 붙어서 이루어질 수 있다. 부사격조사의 종류에 따라서 원인, 처소, 자격 등 여러가지로 나타낸다⁷.

⁵ ‘이다’, ‘하다’ 생략되는 경우가 많은데 그런 경에는 시점이 불분명해진다.

⁶ ‘의’가 생략될 수 있다.

⁷ 어떤 부사격조사를 써야 되느냐 서술어와 주어 요구하는 수의적 성분의 종류와 문체에 달려 있다.

부사어는 종속적 연결어미 ‘-듯이, -도록, -아서’ 등이 이끌고 있는 경우도 많다. 부사어는 서술어, 관형어나 다른 부사어만 꾸며줄 수 있거나 문장 전체 다 꾸며주는 경우도 있다 [남기심, 고영근, 2014: 279~285].

부사어는 겹쳐서 쓰일 수 있으며 보통 꾸며주는 말 앞에서 나온다⁸.

2.2. 러시아어 문장 성분 체계

Beloshapkova [Белошапкина, 1989] 에 따르면 러시아어 문장 성분 구성이 6개의 요소로 이루어져 있다. 그중에는 주어 (podlezhashchee, подлежащее) 와 서술어 (skazuemoe, сказуемое) 주성분이고 목적어 (dopolnenie, дополнение), 정어 (opredelenie, определение), 상황어 (obstoyatelstvo, обстоятельство) 있다⁹.

러시아어의 문장 성분들은 특별한 관계를 이룬다. 주어와 서술어 사이에서 이뤄지는 관계는 서술관계 (predicate relationship) 이다.

주성분과 부속성분, 부속성분과 부속성분사이에서 이루어지는 관계는 일치, 지배와 부가이다. 같은 문장안에서 술어는 주어에 따라 자기 형태를 바꾸고 부속분들도 서로에 따라 형태를 바꿀 수 있다.

1) **Сын пьет молоко.**

아들Ø 마시다-단수, 3인칭 우유-대격

아들은 우유를 마신다. (3 인칭 단수 주어에 3인칭 단수 동사활용).

2) **Она умная.**

그녀-주격 똑똑하다-여성, 3인칭, 단수

그녀는 똑똑한다. (형용사 술어, 여성형 일치).

3) **Два молодых человека стоят в очереди.**

두-주격 젊은-다수, 생격 남자-생격, 복수 서다-3인칭, 복수 전치사 줄-단수, 전치격

두 젊은 남자가 줄을 선다.

이 문장에서 두 가지의 일치 관계가 이루어져 있다. 먼저 ‘два молодых человека’ 에는 ‘수사+형용사+명사’로 이루어진 주어로서 남성형 명사에 따른 수사 два의 남성형과 복수 человека 에 따른 형용사 복수형의 일치가 있고, 또 주어와 술어의 관계에서 복수형의 일치가 지켜지고 있다. 정어인 ‘молодых’ 과 주어인 ‘человека’ 사이에도 일치관계가 엄격하게 지켜진다 [이명자, 2007: 111].

또한, 러시아어에서는 문장이나 어결합에서 종속어는 중심이 되는 단어로 부터 요구를 받아서 일정한 문법적 형태를 갖춘다 [이명자, 2007: 113].

1) **Я мою посуду.**

나-Ø 하다-1 인칭, 단수, 현재 설거지-대격

나는 설거지를 한다.

타동사 – 대격 지배

2) **Дайте мне, пожалуйста.**

주다-2인칭, 높임법 저-수여격, 줌

저에게 줌 주세요.

동사 – 여격 지배

3) **Она хочет работать в библиотеке.**

그녀-주격 하고 싶다-3인칭, 단수, 현재 일하다-미정형 도서관에서 – 여성, 전치격, 단수

⁸ 남기심, 고영근 (2014)에 따르면 부사어가 표현 효과를 위해서 자리 바꿀 수 있다 [남기심, 고영근, 2014: 285].

⁹ 러시아 언어학에서 문장 성분을 구분하기 위한 제일 중요한 기준은 바로 서술성이다 (predicativity). 서술어와 주어는 문장의 골격이라고 그 골격에 포함되어 있지 않는 모든 성분들은 부속성분으로 여겨져 있다.

그녀는 도서관에서 일하고 싶다.

Работать – 동사 – 전치격 지배

서로 결합관계 있는 명사, 형용사, 부사, 비동사 수어 등이 일정한 격이나 전치사를 지배한다 [이명자, 2007: 112].

4) В этой книге много страниц.
전치사-에 이-여성, 전치격, 단수 책 – 여성, 전치격 단수 많다 페이지-생격, 복수
이 책은 페이지가 많다.

Много 가 명사 복수 생격 지배

5) В этом кабинете пять столов.
전치사-에 이-남성, 전치격, 단수 교실-남성, 전치격, 단수 다섯 개-주격 책상-남성, 단수, 생격
이 교실이 5개의 책상이 있다.
수사인 **пять** 명사 생격 지배
러시아어 문장에서 일치와 지배 혼합된 경우도 많다.

6) Я занимаюсь кулачным боем.

나-Ø 하다-1인칭, 단수, 현재 격투기-남성, 대격, 단수
나는 격투기를 한다.

동사인 **занимаюсь** 과 명사인 **боем**이라는 단어 사이에서 이루는 관계는 지배관계이고 형용사인 **кулачным** 과 **боем** 이라는 단어 사이에서 나타나는 관계는 일치 관계이다.

러시아어는 엄격한 통사적 어순을 강요하지 않아서 문장 성분도 자기의 자리를 바꿀 수 있다. 문장 성분의 순서가 의미 기능을 수행하는가에 따라 바뀌어도 비문이 되지 않는다 [이명자, 2007: 105].

러시아어 문장 성분의 기본적인 특징은 아래의 <표2>와 같다.

Table 2

러시아어의 문장 성분의 특징

문장 성분	설명하는 의미	문장 성분의 성립	무엇으로 표현될 수 있는가?	통사상의 특징	선택제약	생략
주어	‘무엇이’, ‘누가’	주격 어미를 취함을 받고 이뤄진다 * 주어는 불정확한 양이나 수를 의미하면 생격조사의 취함을 받고 이루어질 수도 있다	명사, 대명사, 명사로 전화된 형용사, 동사 미정형, 수사	주어가 2인칭, 단수로 표현되어 있으면 존대해야 할 대상이 되고 2인칭, 복수형태로 된 서술어를 요구한다.	없음	불가능

서술어	‘어떠하다’, ‘어찌하다’, ‘무엇이다’	단순 서술어: 단순 서술어는 변화되는 동사 (a), 미정형 동사 (b), 동사에 ‘пусть’, ‘да’, ‘пускай’, ‘как бы’, ‘давайте’, ‘едва ли’, ‘чуть не’ 등 (c) 붙어서 쓰인다, 감탄사의 형태로 된 동사 (d), 관형어인 동사 (e)로 이루어진다. 종합 서술어: 인칭 동사 (기본 용언)+ 미정형 동사 (보조 용언)로 이루어진다.	동사, 형용사, 대명사, 수사, 부사, 형동사, 감탄사	바로 주어 뒤에 온다, two-member 문장에서만 나올 수 있다.	없음	반복될 때 가능
목적어	‘무엇을’, ‘누구를’+ 다른사격(斜格) 물음에 답한다	명사, 대명사, 형용사에 사격조사, 붙어서 쓰인다,	명사, 대명사, 동사원형, 부정법	설명하는 단어 뒤에 나온다.	있음	문맥으로 뜻을 알 수 있으면 가능
정어	‘어떠한’, ‘어떤’, ‘무슨’, ‘누구의’, ‘어느’	구며주는 단어와 같은 형태, 격과 성을 취해서 이루어진다/설명하는 단어와 정어 사이에서 전치사가 나타나서 지배관계로 이루어진다	형용사, 명사, 부사, 동사원형, 대명사, 형동사, 어결합	불일치된 정어는 설명하는 단어 뒤에 나오고 일치된 정어는 설명하는 단어 앞에 나온다	없음	가능
상황어	‘어떤 식으로’, ‘어떻게’, ‘어디’, ‘어디에’, ‘언제’, ‘어디에서’, ‘왜’		동작이나 특징의 성질, 정도, 동작의 양태, 방법, 때, 장소, 원인, 목적, 조건 [이명자, 2009: 122]	한정하는 말 앞에, 두이에 나온다	없음	가능

2.2.1. 러시아어의 주성분

러시아어에 주성분들은 주어와 서술어이다.

A. 주어

러시아어의 주어는 ‘무엇’, ‘누구’라는 물음에 대답하고 주요 주체를 말하는 문장 주성분이다. 러시아어에서 명사, 대명사, 명사로 전화된 형용사, 동사 미정형, 수사가 될 수 있다.

주어는 주격 어미를 취함을 받고 이뤄진다¹⁰.

러시아어에서 주어는 단순 주어 (한 단어로 이루어진 주어)와 종합 주어 (여러 단어로 이루어진 주어) 두가지로 나눌 수 있다.

단순 주어는 명사, 형용사, 수사, 대명사, 형동사, 동사원형이나 변경되지 않는 품사로 표현된다.

- 1) **Женщина** пишет **книгу**.
여자-여성, 단수, 주격 쓰다-3인칭, 단수, 현재 책-여성, 대격, 단수
여자가 책을 쓴다. (명사 주어).
- 2) **Слепой** перешел **дорогу**.
눈이 먼 사람-주격, 남성, 단수 건너가다-3인칭, 남성, 단수, 과거 길-여성,
단수, 대격
눈이 먼 사람 길을 건넜다 (형용사 주어).
- 3) **Я** пришла **домой**.
나-Ø 왔다-3인칭, 여성, 단수, 과거 집-격 미정
나는 집으로 왔다 (대명사 주어).
- 4) **Увидевший** не рассказал.
본 사람-주격, 남성, 과거 안 이야기하다 – 3인칭, 남성, 과거
본 사람이 말 안했다 (형동사 주어).
- 5) **Жить** – значит **бороться**.
살기-미정형 의미하다-3인칭, 단수 싸우는 것이다 - 미정형
살기는 싸우는 것이다 (동사 미정형).

가끔 부사, 접속사, 전치사, 감탄사, 조사와 같은 변경되지 않는 품사들이 (неизменяемая часть речи) 주어라 될 수 있다.

- 6) **Завтра** – будет завтра.
내일은 내일이다 (푸사 주어).
- 7) **«А»** - это противительный союз.
‘아’는 – 대조 의미의 접속사다. (접속사 주어).
- 8) **«В»** в русском языке является предлогом.
‘В’는 러시아어에서 전치사다. (전치사 주어).
- 9) **Со всех сторон** раздалось громкое **«эй»**.
‘에이’ 여러방향에서 크게 울렸다 (감탄사 주어).

□□ □□□

- 1) 주격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사, 부사+ 생격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사

Пять стульев стояло у стены.

¹⁰ 주어는 불정확한 양이나 수를 의미하면 생격조사의 취함을 받고 이루어질 수도 있다. 30척 이상의 배가 출항하였다.

5 개의 의자가 벽 옆에 서 있었다.

2) 주격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사+ 생격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사+ 전치사 ‘из’.

Двое из нас поедут в столицу.

우리 둘이 수도로 간다.

3) 주격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사+ 조격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사+ 전치사 ‘с’ (복수형 서술어 앞에 나와 있는 경우에만).

Мать с сыном поедут (мн. ч.) отдыхать.

어머니 아들과 함께 여행 간다.

4) 명사 ‘начало’, ‘середина’, ‘конец’+생격 형태로 된 명사, 대명사, 수사, 형용사

Стоял конец декабря.

12월말이었다.

5) 명사+ 관형어, 비유어, 용어 결합

Млечный путь разостлался по небу.

은하수는 하늘에서 펼쳐져 있다.

6) 부정 대명사+ 관형어, 비유어, 용어 결합

Что-то неприятное было во всем его облике.

그 모습에 뭔가 불쾌한 것이었다 ¹¹.

В. 서술어

서술어는 서술성의 소지자와 표현자, 주어와 호응 관계를 이루는 주성분이다. 서술어는 주어의 행동, 상태, 양태를 말한다.

러시아어에서 서술어는 3 가지 종류로 나눌 수 있다.

- 1) 단순 서술어 (simple predicate)
- 2) 종합 서술어 (complex predicate)
  - a) 종합 동사 서술어 (verbal predicate)

¹¹ Подлежащее. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. URL: https://licey.net/free/sskii_yazyk/40-kurs_russkogo_yazyka_sintaksis_i_punktuaciya/stages/701-12_podlezhasschechl (дата обращения 21.07.2018).

b) 종합 명사 서술어 (the Compound Nominal Predicate)

단순 서술어는 한 요소(단어)로 이뤄진 것이다. 단순 서술어는 변화되는 동사 (a), 미정형 동사 (b), 동사+ ‘пусть’, ‘да’, ‘пускай’, ‘как бы’, ‘давайте’, ‘едва ли’, ‘чуть не’ 등 (c), 감타사의 형태로 된 동사 (d), 관형어인 동사 (e)로 표현될 수 있다.

- 1) **Сестра вошла в комнату.**
누나가 방으로 들어갔다.
- 2) **Жить – Родине служить.**
살기는 조국의 번영에 이바지하는 것을 의미한다.
- 3) **Пусть убирается прочь.**
쫓아버리게 해라!
- 4) **И в этот момент кошка хватъ бабочку!**
이순간 고양이는 나비를 덩석 잡았다.
- 5) **Он снова балду пинает.**
그는 또 땡땡이를 친다.

종합 동사 서술어는 인칭 동사 (기본 용언)와 미정형 동사 (보조 용언) 두 가지 요소로 이루어진 서술어이다. 기본 용언은 서술어의 의미를 나타내는 것이고 보조 용언은 동사의 인칭과 시제를 나타내는 것이고 변화되는 동사로 표현된다.

1) **Я хочу пить.**

나는 음료를 마시고 싶다.

2) **Я могу летать.**

나는 날아 다닐 수 있다.

종합 명사 서술어는 체언(명사, 단어결합, 조격과 주격 형태로 된 형용사, 간단한 형태로 된 형용사, 대명사나 대명사 들어 있는 단어결합, 비교급 형용사, 최상급 형용사, 주격이나 조격 형태로 된 수사, 주격이나 조격 형태로 된 형동사, 부사)과 보조 용언 두 가지 부분으로 구성되어 있다. 체언은 의미를 나타내고 보조 용언은 서술어의 시제와 법(직설법, 가정법, 명령법)을 나타낸다.

3) **Она была певицей. Она стала певицей.**

그녀는 가수였다. 그녀는 가수가 되었다.

4) **Она без копейки.**

그녀는 돈이 한 푼도 없다.

5) **Она была маленького роста.**

그녀는 키가 작았다.

6) **Он болен.**

그는 아프다.

7) **Эта машина – Иванова.**

이 차는 이바노브의 차다.

8) **Ее сестра замужем за моим другом.**

그녀의 언니는 나의 친구에게 시집갔다.

위에 있는 예시를 보면 러시아어의 서술어는 문장에서 보통 바로 주어뒤에 온다고 파악할 수 있다.

2.2.1. 러시아어의 부속성분

러시아어의 부속성분중에 목적어 (*dopolnenie*, дополнение), 정어 (*opredelenie*, определение), 상황어 (*obstoyatelstvo*, обстоятельство) 있다.

A. 적어

러시아어에 목적어는 주로 동작이 미치는 대상이나 특징이 나타나는 대상을 나타낸다 [이명자, 2007: 122]. 목적어는 대격 형태로 된 명사, 대명사, 형용사, 미정형 동사, 단어 결합으로 표현된다.

목적어는 직접목적어와 간접목적어 두 가지 종류로 나누어져 있다. ‘직접목적어란 타동사 또는 술어적 부사가 요구하는 대격형태의 보어인데, 부정의 경우에는 종종 생격 형태를 취한다. 간접목적어는 타동사 및 비타동사와 관계를 가지면서 대격 이외의 생격, 여격, 조격, 전치격 등의 사격 및 전치사를 수반하는 사격의 형태를 취한다.

직접목적어는 대격이 대부분의 타동사의 직접목적어를 표시하는 데 주로 사용된다. 부정의 경우에는 때때로 생격이 사용된다’ [강, 2010: 9].

러시아어의 목적어는 보통 설명하는 말 뒤에 나온다.

1) Я читаю книгу.

나는 책을 읽는다. (직접목적어).

2) Я написал ручкой.

나는 볼펜으로 썼다. (간접목적어).

3) Позвони мне.

나한테 연락해 줘. (간접목적어, 수여격).

4) Я мечтаю о счастье.

나는 행복에 대해서 꿈을 꾸다. (간접목적어, 전치격)

5) Я не ждал помощи.

나는 도움을 기다리지 않았다 (직접목적어, 부부생격).

B. 정어

러시아어에 정어는 사물, 사람 등을 나타내는 말과 결합해서 그 성질, 특징 규정하는 것으로 ‘어떠한’, ‘누구의’, ‘어느 것의’ 등 물음에 답한다.

러시아어에서는 표현법에 따라 정어를 두가지로 나눌 수 있는데 그 중 하나는 일치된 정어이며 다른 하나는 일치되어 있지 않은 정어이다.

1) Умные студенты. С умными студентами. Для умных студентов.

똑똑한 학생들. 똑똑한 학생들과 함께. 똑똑한 학생들 위해.

2) Его радость. Клумба у дома. Жажда увидеть.

그의 행복. 집 옆에 있는 꽃밭. 보기를 갈망하다.

(1) 에서와 같이 정어는 꾸미는 단어와 같은 형태, 격과 성을 취해서 이루어지면은 일치된 정어라고 한다. 일치된 정어는 형용사, 형동사, 대명사, 순서수사나 수사 ‘일,하나’로 표현될 수 있다.

(2) 와 같이 정어와 설명하는 단어상이에 지배관계 이루어지면 불일치된 정어라고 한다. 불일치된 정어는 항상 설명하는 단어 뒤에 나오고 명사, 명사의 역할을

하는 대격형으로 된 대명사+전치사 (아니면 전치사 없이), 부사, 미정형, 비교급 형용사와 소요대명사로 표현된다.

(3)

С. 상황어

러시아어에 상황어는 장소, 이유, 시간, 동작이나 동작의 양태를 나타내며 ‘언제’, ‘어디에’, ‘어떻게’라는 물음에 답하는 부속 성분이다. 상황어는 부사, 사격 형태로 된 명사+전치사/전치사 없이, 부동사, 대명사, 미정형.

1) (Где?) Снаружи было холодно.

밖은 더웠다 (어디, 부사).

2) Он говорил (как?) очень тихо.

그는 너무 작을 목소리로 말하고 있었다 (어떻게, 부사).

3) Домик находился (где?) в лесу.

집은 숲에 있었다 (어디, 전치격 형태로 된 명사).

4) Он сидел (как?) ссутулившись.

그는 한쪽으로 구부정하게 앉아 있었다 (어떤 식으로, 부동사).

2. 한국어와 러시아어 문장 성분 대조

앞서 1장과 2장에서 한국어와 러시아어의 문장 성분 체계를 살펴 보았다. 제 3 장에서는 이 두 언어의 문장 성분 대조에 대해서 알아볼 것이다.

한편, 한국어와 러시아어는 통사적으로 같은 Nominative type 언어에 해당되어 있다. 그 이유로 이 두 언어의 문장 성분 구분할 때 공통점이 생긴다.

그런 언어 타입의 특징중에는

- 격의 대조 (직격 (주격) vs 사격 (소격, 여격, 여격, 대격, 조격, 전치격));
- 타동사 vs 자동사 대조;
- 직접 대상 및 간접 대상 대조가 (가공식 주어-목적어 종립이 된다¹²)

있다.

또한, 한국어와 러시아어는 어순이 자유로워서 문장 성분이 자기 자리를 옮길 수도 있다. 하지만, 한국어와 러시아어는 형태적으로 교착어와 고립어인 다른 속해 있어서 차이점도 많다.

우선적으로 언급해야 되는 것은 한국어는 주성분과 부속성분을 합쳐서 보면 6 개 있고 러시아어는 5개 있다. 러시아어는 주성분으로 주어와 서술어가 있고 한국어는 주어, 서술어, 보어, 목적어로 나누어진다. 부속 성분의 경우에는 한국어에 관형어, 부사어가 있고 러시아어는 목적어, 정어, 상황어로 나뉜다. 러시아어에서는 보어가 없고 목적어의 경우 부속 성분에 속한다.

위에 언급된 것처럼 한국어에 1985년부터 널리 알려져 있는 보어 구분의 기준 하나는 동사 ‘되다’와 형용사 ‘아니다’ 앞에 오는 문장 성분은 보어라고 한다.

1) 나는 학생이 되었다.

2) Я-ø стал студентом.

나는 남성 – 되었다-과거 남성 – 학생이-전치격 표지.

1에서는 ‘학생’이라는 것은 보어이고 2에서는 종합 서술어의 부분으로 해석이 된다.

다음에 살펴봐야 할 문제는 러시아어에는 한국어와 달리 목적어는 부속성분에 속한다. 그 이유는 러시아어의 부속성분을 구분하는 기준중에 제일 중요하게 생각하는 것들이 다음과 같기 때문이다. 문장 성분 사이에서 이뤄지는 통사론적 관계, 문장 성분의 형태론적 특징, 부속성분과 부속성분이 설명하는 성분사이에서 이뤄지는 관계, 격의 다의성이다. 그리하여, 부속성분이 표현하는 의미와 일정한 문장에서의 성분의 사용법은 또 중요하게 생각되어

¹² 그런 경우에는 문장이 무인칭 구문이 된다.

있었다. 그래서 러시아어에서는 문장 성분들이 직감적으로 구분한 것이었다면 적절할 것이다 [Белошапкина, 1989: 616-617].

2.3.1. 주성분 대조

A. 주어

한국어와 러시아어의 주성분에는 주어와 서술어가 있다. 한국어와 러시아어의 주어는 똑같이 ‘무엇이’, ‘누가’라는 물음에 답하고 문장의 시작에서 나오면 정상이고 명사, 대명사, 수사, 명사에 여러가지 꾸밈말이 붙어서 쓰인다. 러시아어와 한국어는 주어가 보통 주격 형태로 된 명사나 명사구로 표현된다.

1) 갈매기가 나를 따라온다.

Чайк-а летит [за мной].

갈매기-주격 따라오다-단수, 3인칭, 현재 나-대격

2) 바다는 잔잔하다.

Мор-е спокойное.

바다-주격 잔잔하다-중성, 단수, 주격

3) 친구 여러 명이 차를 마신다.

Несколько-о друз-ей пьют чай.

여러 친구-주격, 복수, 생격 마시다-3인칭, 복수, 현재 차-대격

러시아와 한국어는 높임말을 쓰는 언어이다. 높임법은 서술어까지 영향을 준다.

4) 어머니가 집에 안 계신다.

Вы не пришли на лекцию.

당신-Ø 안 오다-높임법, 2인칭, 복수 전치사-에 강의-대격

당신은 강의를 안 오셨다.

4에서 서술어인 ‘계시다’는 주어인 ‘어머니’를 높인 것이다. 5에서 ‘Вы’ 2인칭, 단수 높임법 형태로 된 주어이어서 서술어는 다수의 어미인 ‘и’를 붙어서 쓰인다.

하지만 러시아어는 고립어이고 한국어는 교착어이기 때문에 한국어 주어는 ‘이’, ‘가’가 붙어서 쓰는 것이고 러시아어 주격인 주어는 보통 사전에 있는 원형 그대로 쓰인다¹³. 주어는 단어결합으로 표현되어 있으면 명사는 소격 형태로 나온다.

또한, 한국어는 ‘만’, ‘까지’, ‘부터’와 같은 보조사가 같이 쓰일 수 있는 것과 달리 러시아어 문장에 이런 보조사가 나오면 문장 성분이 되지 않는다¹⁴.

5) 남동생만 안 왔다.

Только младший брат не пришел.

-만 남동생-Ø 안 오다-3인칭, 남성, 과거, 단수

한국어에서는 주어가 명확하지 않아도 주어가 무엇인지 문맥을 보고 알 수 있으면 주어가 생략된다. 러시아어는 주어가 생략되는 경우가 한국어만큼 많지 않다. 러시아어에서 보통 인칭 대명사나 이미 쓴 말을 대체할 수 있는 단어가 쓰인다¹⁵.

6) **Иван отправится** в путешествие.

이반-Ø 떠나다-남성, 단수, 과거 여행에-중성, 단수, 대격.

이반은 여행을 떠났다.

Он взял с собой своего сына.

그-Ø 데리고 가다-남성, 3인칭, 과거 자기-남성, 생격, 단수 아들-남성, 대격,

단수

그는 자기 아들을 데리고 갔다.

¹³ 러시아어에는 명사 3가지 종류로 나뉘어 있다. 1,2,3 격변화가 있다. 격변화에 따라서 여성, 남성, 중성인 명사가 취하는 어미도 다르다.

¹⁴ 러시아어에서 조사가 문장 성분이 될 수 없다.

¹⁵ 러시아어는 앞에 오는 문장과 뒤에 오는 문장에서 같은 단어 나오면 문체론적 오류로 해석된다.

7) **Преподаватель** написал на доске иероглифы. Затем **он** попросил студентов написать их в тетрадах.

선생님 칠판에다 한자를 썼다. 다음에 그는 학생들에게 한자를 노트북에다 써 달라고 했다.

한국어는 주어가 명사절로 표현되어 있으면 체언 구실을 하는 말들이 주어로 쓰인다.

8) 이제 무엇을 해야 되는지 모르는 것이 나의 문제이다.

Моя проблема в том, что я не знаю, что мне теперь делать.

나-주격 문제-주격 그 것-접속사 나-Ø 모르다-1인칭, 현재 무엇-대격 나-수여격 이제 하다-미정형

한국어로 된 예시를 보면 ‘이제 무엇을 해야 되는지 모르는 것이’ 주어가 되는 것과 달리 러시아어로 된 문장에 명사절이 내포문이 되고 전체 문장이 복문으로 해석된다.

В. 서술어

한국어와 러시아어에서 서술어는 ‘어떠하다’, ‘어찌하다’, ‘무엇이다’라는 물음에 답하고 동사, 형용사, 체언, 체언의 구실하는 말로 표현된다.

한국어와 러시아어는 문장에 들어가는 자동사와 타동사와 달리 각각 주어, 또는 주어와 목적어 외에 다른 성분을 필수적으로 요구하는 것이 있다 [남기심, 고영근, 2014: 255]. 이런 현상은 자릿수라고 한다.

1) 아이가 웃다.

Ребенок улыбается.

아이-Ø 웃다-3인칭, 현재

2) 사람들이 산책한다.

Люди гуляют.

사람들-주격 산책하다-3인칭, 복수, 현재

3) 학생이 문학을 배운다.

Студент изучает литературу.

학생-Ø 배우다-3인칭, 단수, 현재 문학-여성, 대격

4) 아들이 접시를 닦는다.

Сын моет посуду.

아들-Ø 닦다-3인칭, 현재 접시-대격

(1)과 (2)에서 서술어가 자동사로 표현되어 있어서 다른 성분을 필수적으로 요구하지 않는 것과 달리 (3)과 (4)에서 타동사인 서술어가 목적어를 필수적으로 요구한다.

러시아어와 한국어에 서술어가 반복될 때는 생략할 수 있다.

5) 우리는 모스크바, 부모님들은 지방에 살았다.

Мы жили в Москве, а родители – в провинции.

우리-Ø 살다-3인칭, 복수, 과거 모스크-에, 그러나 부모-주격, 복수 지방-여성, 전치격, 단수

서술어는 처음에 나타날때도 생략이 가능하지만 시점이 불문명해진다.

6) 학생들은 – 미국.

Студенты – в Америку.

한국-주격 미국-대격

6에서 나타나는 문장을 보면은 학생들은 이미 미국으로 간 건지 아니면 갈 예정인지 파악하기가 어렵다.

한국어와 러시아어는 가끔 보조용언의 도움을 받아서 서술어를 이룬다.

7) 철수가 돈을 다 써 버렸다.

Чольсу потратил все деньги.

철수-Ø 써 버리다-3인칭, 단수, 과거 다-복수, 대격 돈-대격, 복수

그렇지만, 러시아어에 서술어는 보조 용언의 도움을 받아서 종합 동사 서술어나 종합 명사 서술어를 이룬다 (본고, 2.2.1).

한국어는 자주 체언을 구실하는 말에 ‘이다’가 붙어서 쓰는데 러시아어는 ‘이다’ (есть) 항상 생략된다.

8) 그는 학생이다.

Он (есть) студент.

그-Ø 학생-Ø남성

또한, 한국어의 서술어는 선택제약이 있다.

선택 제약은 서술어의 어휘적 특징을 나타내는 것이다. 한국 문장에서 서술어가 필요로 하는 체언을 요구하는 특징이 있는 것과 달리 [남기심, 고영근, 2014: 258] 러시아어는 그런 특징을 덜 들어낸다.

9) 머리를 감다 – 바닥을 닦다.

Мыть голову, мыть пол.

닦다-미정형 머리-대격, 닦다-미정형, 바닥-대격

4에서 한국어로 된 문장에 주어가 무조건 ‘감다’라는 용언을 요구하는 것이고 러시아어로 된 문장에 주어가 다른 것이지만 똑같은 용언을 붙어서 쓰인다.

한국어의 서술어는 러시아어의 서술어와 달리 문장 끝에서 나오는 것이 정상이라고 생각한다. 러시아어의 서술어는 보통 주어 뒤에 나온다.

C. 목적어

한국어와 러시아어의 목적어는 ‘무엇을’, ‘누구를’이라는 물음에 답하고 명사, 명사구로 표현되어 있을 수 있다. 한국어와 러시아어의 목적어는 서술어 앞에 나타나며 한국어와 러시아어는 한 문장에 목적어 몇 개 나오면 겹쳐서 쓰인다.

10) **Я купил два яблока.**

나Ø 샀다 -‘л’ 과거 사과 두개-대격

나는 사과 두 개를 샀다.

하지만 한국어는 대격언어이고 한국어의 목적어는 러시아어와 달리 타동사 의해서만 표현되는 행위의 대상을 말하는 것이다 [남기심, 고영근, 2014: 264]. 그래서 한국어에서 목적어는 조사 ‘을/를’이 붙어서 쓰인다.

러시아어는 대격과 능격언어의 특징이 같이 나타내기 때문에 타동사의 목적어의 격으로 대격 대신에 생격과 조격이 사용될 수도 있다 [강, 2010: 18].

11) 나는 어머니를 부르지 않았다.

12) **Я не ждал ответа.**

나-Ø 안-부정조사 기다리다-‘л’ 과거 대답-대격.

나는 대답을 기다리지 않았다.

러시아어 목적어는 여격, 조격, 전치격 등의 사격 및 전치사를 수반하는 사격의 형태를 취할 수도 있다.

한국어의 목적어는 러시아어와 달리 생략이 불가능한 문장 성분이다.

2.3.2. 부속성분 대조

A. 관형어 (정어)

한국어와 러시아어에서의 관형어(정어)¹⁶는 형용사, 관형사, 용언의 관형사형, 체언이나 체언 구실을 하는 말로 표현될 수 있다. 그리고 용언이나 서술격조사의 관형어가 될 때 일정한 접어를 취해서 시간을 자유롭게 표현할 수 있다.

1) 나는 벽에 끼어 있었던 나사를 뽑았다.

2) Я вытащил гвоздь, застрявший в стене.

나-Ø 뽑다-남성, 과거 나사-대격 끼어 있다-남성, 대격, 단수 벽에-여성, 전치격, 단수

(1)에서 ‘끼어 있었던’이라는 관형사는 시간 어미 ‘-었던’을 받아서 과거 시제를 나타내는 것이다. (2)에서 똑같이 원료상 행동사의 접미사 <вш>붙어서 과거 시제를 나타낸다.

한국어의 관형사는 러시아어의 정어와 같이 겹쳐 쓰일 수 있다. 하지만 이런 경우에는 특별한 순서가 생긴다.

3) 저 세 건물

Эти три здания.

저 세 건물-주격,복수

러시아어는 한국어와 같이 지시관형어가 ‘저, эти’ 제일 먼저 나타난다.

한국어와 러시아어의 관형사(정어)는 따로 쓰일 수 없고 항상 꾸며주는 단어와 같이 쓰인다. 한국어의 관형어는 꾸며 주는 용언 앞에서 나온다. 러시아어의 정어는 설명하는 말과 일치 관계 이루어져 있으면 앞에 나오고 지배 관계 이루어져 있으면 뒤에 나온다.

4) Юбка в клеточку.

치마 전치사 격자문의-대격

격자무늬 치마.

하지만 한국어의 관형어는 조사 ‘의’가 부터서 쓰인다. 러시아어 정어는 꾸미는 말과 일치 관계로 연결되어 있으면 정어는 꾸며주는 말의 형태로 되고 지배 관계로 연결되어 있으면 전치사를 붙어서 쓰인다.

5) Я носила мамину сумку.

저Ø 매다-과거 어머니-생격 가방-생격

저는 어머니의 가방을 댄었다.

6) Ученица купила тетрадь в клетку.

여학생-주격 사다-여성, 3인칭, 과거, 단수 학습장-대격 전치사 네모칸-주격

여학생이 네모칸 학습장을 샀다.

в. 부사어 (상황어)¹⁷

한국어의 부사어와 러시아어의 상황어는 어루어지는 방식이 많다.

가장 많이 나타나는 방식은 부사, 부사구나 부사절 그대로 표현되어 있는 것이다.

1) Студент хорошо сдал экзамен.

학생-주격 잘 시험-대격 보다-‘л’단수, 과거 시험-대격.

학생이 시험을 잘 봤다.

2) Я не могу работать также хорошо, как ты.

나Ø 못-부정조사 할 수 없다 – 1인칭, 단수, 현재 일하다 – 미정형 너 만큼

나는 너만큼 잘 일을 할 수 없다.

3) Я чувствую себя как рыба в море (수영을 너무 잘 해서).

나Ø 느끼다-단수, 1인칭 나-대격 마치 물고기-주격 바다-전치격

나는 바닷속 물고기처럼 느껴진다.

¹⁶ ‘정어’는 러시아어 ‘определение’의 번역된 말이다.

¹⁷ 상황어라는 한국 말은 러시아어의 ‘обстоятельство’라는 뜻을 나타내서 이렇게 번역되어 있어요.

한국어의 부사어와 러시아어의 상황어는 체언에 여러 가지 부사격조사가 붙어서 쓰일 수도 있다¹⁸.

- 4) Дети играют во дворе.
 애들-주격 놀다-3인칭, 다수, 현재 전치사 마당에-전치격
 애들이 마당에서 놀고 있다.

한국어의 부사어와 러시아어의 상황어는 다른 문장 성분의 뜻을 한정해서 꾸며줄 수 있고 문장 전체를 꾸며줄 수도 있다.

- 5) Я очень благодарен тебе.
 나-Ø 매우 고맙다-단순 형용사, 남성, 1인칭, 단수 너-수여격
 내가 너에게 매우 고맙다.

- 6) Однажды я остановился и вдруг услышал,
 что вокруг все гудит.

어느날 나-Ø 멈추다-3인칭, 남성, 단수, 과거 그리고 갑자기 들었다-3
 인칭, 남성, 단수, 과거 주변이

- 다-중성, 주격, 단수 웅웅하다-3인칭, 단수, 현재
 어느날 나는 멈춰서 갑자기 주변이 모두 웅웅하는 것을 들었다.

- 7) 유감스럽게 그는 이 일을 못 했다.

(5)에서 부사어는 서술어인 ‘고맙다, благодарен’ 한정하여 꾸며주는 것인데 (6)에서 ‘유감스럽게’, ‘однажды’ 전체 문장을 꾸며주는 것이다.

한국어의 부사어와 러시아어의 부사어는 겹쳐서 쓰일 수 있다.

- 8) Мальчик очень быстро бежит.
 남자아이-Ø 매우 빨리 뛰어다니다-3인칭, 단수, 현재
 남자아이가 매우 빨리 뛰어다니다.

한국어의 부사어와 러시아어의 상황어는 한정하는 말 앞에서 나타나는 것이 정상이다.

하지만 한국어의 부사어는 러시아어의 상황어와 달리 선택이 제한되어 있다. 한국어의 부사어는 체언에 ‘에’가 붙을 수 있고 ‘에게’ 붙을 수도 있다. 부사어인 무정명사에는 ‘에게’가 쓰고 무정명사에게 ‘에’가 쓴다.

- 9) 아버지 나에게 선물을 주셨다.
 10) 여자아이가 바닥에 장난감을 떨어뜨렸다.

3. 결론

지금까지 한국어와 러시아어의 문장 성분 차이점과 공통점을 살펴보았다. 교착어인 한국어와 고립어인 러시아어는 서로 다른 언어 유형에 속하고 있어서 통사론적 측면에서 보면 공통점보다 차이점이 더 많은 것으로 나온다. 그러한 이유로 본고에서는 두 언어간의 차이를 비교가 아닌 대조라고 하였다.

본고에서 세워진 목적에 따라서 서술적 방법에 속하는 범주 분석, 대조하는 방법에 속하는 대조 해석으로 한국어의 문장 성분과 러시아어의 문장 성분을 하나 하나씩 살펴보고 그들의 특징을 구분했다.

조사 결과에 따르면 러시아어의 문장 성분이 5개인 것과는 달리 한국어는 6개의 문장 성분으로 이루어진다. 러시아어는 목적어는 부속성분에 포함되어 있는데 한국어는 목적어가 주성분이다. 그 이유는 러시아어에 타동성과 자동성은 같이 나타내는 동사가 있기 때문이다. 그런 동사를 유연한 동사 (*labile verb*) 라고 한다.

본고에서의 연구 결과에 따르면 한국어와 러시아어의 주성분들중에 제일 공통점이 많은 것은 주어와 서술어, 제일 차이점이 많은 것은 관형어인 것으로

¹⁸ 그런 경우에는 러시아어의 상황어는 보통 전치사를 붙여서 쓰인다.

나타났다.

본 연구는 3, 4학년 학생들에게 한국어와 러시아어의 문장 구성을 더 쉽게 이해하고 구문 분석할 때 남기심, 고영근이 표준어문법론을 쓰도록 하는데 도움이 될 것이다.

홀로도비치의 분석 방법은 러시아의 한국 언어학의 발전에 매우 긍정적인 영향을 끼쳤다. 이 분석 방법이 러시아 내에서 널리 사용될 수 있었던 것은 러시아 언어학의 영향을 받아 러시아어 모국어 화자가 한국어 텍스트에 적용하고 분석하기에 매우 용이하기 때문인 것으로 보인다. 하지만 한국어와 러시아어의 문장 성분 차이로 인하여 홀로도비치의 분석 방법은 한국어의 문장 성분에 맞지 않는 결과가 도출될 수 있다. 이에 한국어 텍스트를 보다 정확하게 분석하기 위해서는 한국 언어학의 영향을 받은 한국어 텍스트 분석 방법이 필요하다. 남기심, 고영근(2014)이 제시한 ‘표준 국어 문법’을 기준으로 한국어 텍스트 분석하는 방법은 한국어 텍스트를 보다 정확하게 분석할 수 있는 분석 방법이라 할 수 있다. 한국어 텍스트를 보다 한국어의 문장 성분과 구조 속에서 정확하게 분석할 수 있는 방법에 대한 개발이 필요하다.

이상의 연구를 통해 러시아인 한국어 학습자의 문장 성분 습득에서 나타나는 오류에 대해서도 관심을 기울일 필요가 있다. 목표 언어에서 러시아어의 간섭으로 나타나는 오류는 문장성분에서도 적지 않을 것이기 때문이다. 이는 앞으로의 연구 과제로 삼기로 한다.

Список литературы / References

- Бабайцева В. В.** Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1988, 158 с.
Babaytseva V. V. Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [The system of the Parts of sentence in modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1988, 158 p. (in Russ.)
- Белошапкина В. А.** Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989, 800 с.
Beloshapkova V. A. Sovremennyy russkij yazyk [Modern Russian language]. Moscow, Higher School, 1989, 800 p. (in Russ.)
- Бречалова Е. В.** Корейско-русский перевод: неоднозначность морфологического и синтаксического типов при анализе текста и принципы ее устранения // Вестник МГУ. Москва, 2008. Серия 22: Теория перевода. № 3. С. 28–44.
Brechalova Ye. V. Korejsko-russkij perevod: neodnoznachnost' morfologicheskogo i sintaksicheskogo tipov pri analize teksta i principy ee ustraneniya [Korean-to-Russian translation: morphological and syntactical ambiguity of Korean phrases and principles of its elimination] // Bulletin of Moscow State University, Series 22, No. 3 (july-september), Moscow, 2008. PP. 28–44. (in Russ.)
- Бречалова Е. В.** Об одном подходе к семантико-синтаксическому анализу корейского предложения // Вестник РГГУ. Москва, 2009. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 6. С. 177–199.
Brechalova Ye. V. Ob odnom podhode k semantiko-sintaksicheskomu analizu korejskogo predlozheniya [An Approach to the Formal Semantic and Syntactic Analysis of Korean Sentences] // Bulletin of Russian State University for the Humanities, No. 6, Moscow, 2009. PP. 177–199. (in Russ.)
- Виноградов В. В.** Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike [Selected Works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1975. PP. 254–294. (in Russ.)
- Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Наука, 2001, 710 с.
Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical doctrine of a word]. Moscow, 2001, 720 p. (in Russ.)

- Золотова Г. А.** Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 439 с.
Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar'. Repertuar ehlementarnyh edinic russkogo sintaksisa [Dictionary of Syntax. Elementary repertoire of units of Russian syntax]. Moscow, Nauka, 1988. 439 p. (in Russ.)
- Каплан Т. Ю., Беляков И. М.** Обзор теории членов предложения в трудах отечественных, южнокорейских и северокорейских лингвистов // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 2005. № 9. С. 147–159.
Kaplan T. Yu., Belyakov I. M. Obzor teorii chlenov predlozheniya v trudah otechestvennyh, yuzhnokorejskih i severokorejskih lingvistov [A Review of the basic theories of Sentence parts in the writings of domestic, South Korean and North Korean linguists] // Bulletin of Oriental Institute No. 9, Vladivostok, 2005. PP. 147–159. (in Russ.)
- Холодович А. А.** Очерк грамматики корейского языка. М.: Ленанд. 2014. 328 с.
Kholodovich A. A. Ocherk grammatiki korejskogo yazyka [Introduction of Grammar of Korean language]. Moscow, Lenand, 2014, 328 p. (in Russ.)
- Шведова Н. Ю.** Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980, 710 с.
Shvedova N. Yu. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow, Nauka, 1980, 710 p. (in Russ.)
- Ко Ёнгын, Ку Бонгван.** Урималь мунбопрон. [고영근, 구분관. 우리말 문법론. 파주, 집문당]. Грамматика корейского языка. Пхаджу: Чипмундан, 2009, 594 с. (на кор. яз.)
Ko Yong-Kun, Gu Bon-Gwan. Ulimal munbeoblon [고영근, 구분관. 우리말 문법론. 파주, 집문당]. Grammar of our language. Paju, Jibmundang, 2009, 594 p. (In Kor.)
- Ко Ёнгын, Нам Гисим.** Пхёджун гуго мунбопрон [고영근, 남기심. 표준 국어 문법론. 서울, 박이정]. Академическая грамматика корейского языка. Сеул: Пагиджон, 2014, 504 с. (на кор. яз.)
Ko Yong-Kun, Nam Gi-Sim. Pyojun gugeo munbeoblon [고영근, 남기심. 표준 국어 문법론. 서울, 박이정]. Standard Korean grammar. Seoul, Bagijeong, 2014, 504 p. (In Kor.)
- Ли Мёнджа.** Росияо-ый куджо. [이명자. 러시아어의 구조. 파주, 보고사]. Структура русского языка. Пхаджу: Погоса, 2007. 200 с. (на кор. яз.)
Lee Myeong-Ja. Leosiaeoui gujo [이명자. 러시아어의 구조. 파주, 보고사]. Russian structure. Paju, Bogosa, 2007, 200 p. (in Kor.)
- Ли Хёнён, Ли Ёнсок.** Нэпхомун-ый танмун пунхар-ыль иёнхан хангуго кумун пунсок [이현영, 이용석. 내포문의 단문 분할을 이용한 한국어 구문 분석]. Синтаксический анализ корейского предложения с использованием сегментирования придаточных предложений // Вестник Корейского Института исследователей информационных технологий и инженеров. Сеул, 2008. Т. 35, № 1. С. 55–58. (на кор. яз.)
Lee Hyeon-Yeong, Lee Yong-Seok. Naepomunui danmun bunhaleul iyonghan hangugeo gumun bunseog [이현영, 이용석. 내포문의 단문 분할을 이용한 한국어 구문 분석]. Korean Syntactic Analysis by Using Clausal Segmentation of Embedded Clause, Bulletin of KIISE (the Korean Institute of Information Scientists and Engineers), Vol. 35, No. 1, Seoul, 2008. PP. 55–58. (In Kor.)
- Ли Хонсик.** Гуго мунджан-ый чусонбун ёнгу [이홍식. 국어 문장의 주성분 연구]. Главные члены предложения в корейском языке. Сеул: Волин, 2000, 308 с. (на кор. яз.)
Lee Hong-Sig. Gugeo munjangui juseongbun yeongu [이홍식. 국어 문장의 주성분 연구. 서울, 월인]. A Study on major sentence constituents in Korean. Seoul, Wolin, 2000, 308 p. (In Kor.)
- Ли Чжонтхэк.** Мунджан сонбун пунню [이정택. 문장 성분 분류 試論]. Классификация членов предложения // Вестник Ассоциации лингвистов Южной Кореи, Сеул, 2002. Т. 16. С. 375–389. (на кор. яз.)
Lee Jung-Tag. Munjang seongbun bunlyu silon [이정택. 문장 성분 분류 試論]. A Classification of Sentence Elements // Bulletin of The Association for Korean Linguistics Vol.16, Seoul, 2002. PP. 375–389. (In Kor.)
- Пак Чханён.** Хангуго-ый чуо ёнгу. [박창영. 한국어 주어 연구] Подлежащее в корейском языке. Сеул: Университет Данкук, 2014, 104 с. (на кор. яз.)
Park Chang-Young. Hangugeo jueo yeongu [박창영. 한국어 주어 연구]. A Study on Subject in Korean. Seoul, Dongguk University, 2014, 104 p. (In Kor.)
- Ча Мёнхи.** Тхатонса-ва хангуго-ый мокчок [차명희. 타동성과 한국어의 목적어]. Транзитивность и дополнение в корейском языке. Сеул: Университет Данкук, 2015, 128 с. (на кор. яз.)

Cha Myung-Hee. Tadongseonggwa hangugeoui mogjeogeo [차명희. 타동성과 한국어의 목적어]. A Study on Transitivity and Korean Object]. Seoul, Dankook University, 2015, 128 p. (In Kor.)

Чхве Джиён. Хангуго-ва росияо-ый сан мунбоб пхёджи пигё ёнгу [최지영. 한국어와 러시아어의 상(相) 문법 표시 비교 연구]. Сопоставительное исследование грамматических маркеров категории вида в корейском и русском языках // Вестник Академии культурологических исследований Азии. Кванджу, 2017. Т. 8, № 5. С. 1289–1304. (на кор. яз.)

Choi Ji-Young. Hangugeowa leosiaeooui sang munbeob pyoji bigyo yeongu [최지영. 한국어와 러시아어의 상(相) 문법 표시 비교 연구]. A Comparative Study of the Grammatical Marker of Aspect of Korean and Russian. // Bulletin of The academy of Asia Cultural Studies, Vol. 8, No. 5, Gwangju, 2017. PP. 1289–1304. (In Kor.)

Материал поступил в редколлегию

Received

27.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шмакова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, shmakovaa@yahoo.com)

Anna S. Shmakova, Candidate of Science (History), Assistant Professor of the Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, shmakovaa@yahoo.com)

Ли Джонсик, Корейский Фонд, лектор-интерн (Синчжун-но 55, Согвипхо-си, Чеджудо, 63565, Республика Корея, ljs@ajou.ac.kr)

Lee Jeongsik, Korea Foundation, intern, lecturer (Sinjung-ro, 63565, Republic of Korea, ljs@ajou.ac.kr)

УДК 378.02:37.016+39

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-153-161

Развитие методики обучения корейскому языку как иностранному в России и Республике Корея

Л. А. Воронина, Н. Г. Носкова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация

Статья посвящена изучению ключевых вех в истории развития методики обучения корейскому языку как иностранному в России и Республике Корея с целью определения задач и направлений для ее более продуктивного развития. Рассматривается начало становления этого процесса в обеих странах, его предпосылки и формы реализации. Уделяется внимание первым учебным пособиям по обучению корейскому языку для русскоязычных обучающихся. Анализируются причины недостаточного внимания к методике обучения корейскому языку в России. Уточняются базовые понятия и современные направления развития методики обучения корейскому языку в Республике Корея. Предлагаются возможные пути взаимодействия со специалистами по обучению корейскому языку как иностранному в РК.

Ключевые слова

Корейский язык, методика обучения корейскому языку как иностранному, учебные издания, методы обучения

Для цитирования

Воронина Л. А., Носкова Н. Г. Развитие методики обучения корейскому языку как иностранному в России и Республике Корея // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 153–161. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-153-161

The Development of Methods of Teaching Korean as a Foreign Language in Russia and the Republic of Korea

Lyudmila A. Voronina, Natalia G. Noskova

*Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

In Russia, Korean is taught in different types of educational institutions. It requires appropriate methodological support which is borrowed from native Korean speakers. However generally there is a problem in the adequacy of its use in the Russian educational system. This is due to differences in understanding of teaching methodology. Therefore the aim

© Л. А. Воронина, Н. Г. Носкова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

of the article is to analyze the development of the methodology of teaching Korean as a foreign language in Russia and the Republic of Korea and to find ways for effective international dialogue between educators.

The article identifies the key stages of the development of methodology of teaching Korean as a foreign language in Russia and the Republic of Korea. The beginning of development of the subject area occurred at about the same time in both countries. The educational institutions in which the Korean language is taught are discussed as these can be considered as the place of the methodological ideas' development. The richness of the methodological basis for the development of Korean training in the Republic of Korea has its origins in a different understanding of the Korean language as a concept. Nevertheless, there are similar tendencies in the development of the methodology of Korean teaching in both countries now.

Each stage of development of the Korean language teaching methodology has its own characteristics, corresponding to a particular ideology. One point which modern developers of training aids consider important is concentration on a certain type of student and simultaneous study of Korean language and culture. That is why today the opportunity for broadening communication in this scientific field seems especially tempting.

Keywords

Methods of Teaching Korean as a Foreign Language; Educational Publications for Teaching Korean

For citation

Voronina L. A., Noskova N. G. The development of methods of teaching Korean as a foreign language in Russia and the Republic of Korea. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 153–161. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-153-161

Корейский язык (далее КЯ) как иностранный в Российской Федерации с каждым годом становится все более популярным. Несмотря на то, что методика как наука в России начала свое развитие с 1864 г. [Миролюбов, 2002. С. 3], а КЯ изучается в России уже более 120 лет ¹, можно сказать, что серьезную научную востребованность методика обучения КЯ получает только в настоящее время и преимущественно на уровне вуза. Основной причиной этого является не только региональное соседство России, но и высокий уровень экономического развития Республики Корея (далее РК), способствующий интересу к изучению КЯ, культуре его носителей и их истории. За последние десятилетия возникло множество экономических контактов, где требуются специалисты со знанием КЯ.

Язык – главный инструмент для трансляции культуры его носителей. Именно поэтому, несмотря на преимущественное использование английского языка при бизнес-общении на совместных предприятиях, их руководители хотят от русскоязычных сотрудников понимания на уровне ментальности и видят решение этой проблемы в изучении КЯ.

Сложившаяся ситуация отражается соответствующими предложениями на бирже труда, на которую ориентируются вузы для того, чтобы остаться востребованными. Для этого они пытаются ввести в перечень своих образовательных продуктов КЯ не только в качестве основного иностранного языка (далее ИЯ), но и как «язык специальности». Последний факт требует максимального учета методики обучения, так как аудиторных часов на изучение ИЯ выделяется с каждым годом меньше, а требования к его активному владению становятся все выше.

Введение Приказом Минобрнауки РФ от 31.12.2015 г. №1577 ² в среднеобразовательную школу второго ИЯ и одновременный «поворот на Восток» российского международного курса развития также подогревают интерес к изучению школьниками КЯ и, следовательно, развитию методики обучения КЯ не только как второму ИЯ, но и как первому даже на школьном

¹ Сайт Санкт-Петербургского государственного университета URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/v-spbgu-rasskazali-o-pervoy-v-evrope-koreevedcheskoj-shkole> (дата обращения: 19.04.2018)

² Сайт законов, кодексов и нормативно-правовых актов Российской Федерации URL: <http://legalacts.ru/doc/prkaz-minobrnauki-rossii-ot-31122015-n-1577/> (дата обращения: 29.04.2018)

уровне. Таким образом, методика обучения КЯ на любом уровне становится предметом различных научных публикаций, а также причиной проведения многочисленных конференций и семинаров.

Целью подобных мероприятий является поиск оптимальных для заданных условий элементов системы обучения [Щукин, 2003. С. 69] КЯ и их адекватной организации, проектирование определенной лингводидактической модели обучения³. Большой интерес русскоязычные исследователи и преподаватели проявляют к научным работам и учебным пособиям коллег из РК. Наблюдается также активное заимствование разных элементов системы обучения КЯ, которые, к сожалению, не очень хорошо приживаются в образовательной системе РФ, но при этом вызывают неподдельный интерес и положительное восприятие. Отчасти причиной подобных заимствований является традиция книгопечатания [Войтишек, Витченко, 2011. С. 270], высокий уровень эстетики изданных в РК средств обучения. Проблемой представляется разница в методологии лингводидактической науки в контактирующих странах, выяснение которой послужит основой для принятия решения относительно возможного заимствования того или иного элемента системы обучения КЯ для использования его в рамках отечественной.

Методологической основой исследования послужила отечественная научная школа [Азимов, Щукин, 1999. С. 155]: были использованы как общие, так и специальные (анализ научно-методической литературы, обобщение опыта преподавания) в лингводидактике методы исследования. Сначала был обобщен опыт обучения КЯ как ИЯ в нашей стране с параллельным анализом исторических вех и научно-методической литературы, потом – в РК, а затем был осуществлен сопоставительный анализ.

Первые упоминания про обучение КЯ в России относятся к концу XX в. и связываются с учебным пособием В.Г. Пьянкова («Корейская азбука»). Официальным же годом начала обучения КЯ в учебном заведении называется 1897 год, когда впервые на кафедре китайско-маньчжурской словесности Санкт-Петербургского университета его стал преподавать сотрудник корейской миссии в г. Санкт-Петербурге Ким Пён Ок [Васильев, 2004. С. 224]. При этом методологические основы обучения КЯ русскоязычным обучающимся были заложены в начале 1990-х гг. с введением в педагогические вузы России специальности «учитель корейского языка». Тем не менее, активное развитие методология обучения КЯ как ИЯ получает именно в последнее время.

При отсутствии специальной теоретической литературы в этой области началом становления изучения опыта преподавания КЯ можно считать факт появления в 1874 г. первого учебного издания («Корейская азбука») под авторством В. Г. Пьянкова [Концевич, 2001. С. 552] (оно включало всего шесть страниц). Согласно современным требованиям ГОСТ, рассматриваемое издание сложно назвать учебным. Только благодаря наличию в нем двух таблиц со слогами его можно классифицировать как «учебное наглядное пособие» [ГОСТ 7.60-2003, 2004. С. 13]. Тем не менее, это издание является бесценным письменным памятником того времени для изучения истории КЯ.

Со второй половины XIX в. по 1917 г. было опубликовано еще несколько учебных корейских изданий [Концевич, 2001. С. 556] которые, также сильно отличаются от современных подобных видов печатной продукции в силу изменившейся педагогической идеологии в целом

³ Суетина А. И. Лингводидактическая модель формирования национально-специфических стилистических умений у китайских студентов, изучающих русский язык // Педагогическое образование в России. – 2015. № 3. С. 108–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvodidakticheskaya-model-formirovaniya-natsionalno-spetsificheskikh-stilisticheskikh-umeniy-u-kitayskih-studentov-izuchayuschih> (дата обращения: 19.04.2018)

и трансформированных требований соответствующих государственных органов к обучению ИЯ как дисциплины для всех ступеней обучения, в частности ⁴.

Созданные не только в период СССР, но и в конце XX в. русскоязычные учебные издания по обучению КЯ в большинстве случаев способствовали формированию рецептивных или репродуктивных видов речевой деятельности и придерживались, как правило, грамматико-переводного метода [Щукин, 2014. С. 59] или двум другим сознательным (переводным) методам: текстуально-переводному и сознательно-сопоставительному. Несмотря на значительное отличие одного указанного выше метода от другого, результаты обучения были одинаковы: обучающиеся хорошо знали грамматику и умели переводить со словарем. Однако времена менялись, что повлекло за собой необходимость проектирования иных лингводидактических моделей обучения ИЯ.

Новый виток развития методики обучения КЯ в России начался с падением «железного занавеса» и необходимостью развития практического корееведения в начале 1990-х гг. прошлого столетия. Причиной послужило открытие новых (корейских) отделений в вузах⁵ и одновременная нехватка учебных материалов: ни созданные за период СССР (и ориентированные в основном на так называемый северный вариант КЯ), ни созданные в РК учебные пособия не подходили новым условиям обучения (с точки зрения требований ФГОС и отсутствия учета культурного компонента общения между представителями двух стран).

В конце XX в. начали даже проводиться конференции, но при этом сама разработанность методики обучения КЯ сильно отставала от развития методики обучения западным языкам и, к сожалению, такая тенденция сохраняется – за всю историю развития методической науки в России было защищено только пять кандидатских диссертаций (до 2004 г. их просто не было) и ни одной докторской.

Главной причиной серьезного отставания развития методики обучения КЯ в нашей стране является результат активного заимствования методик и учебных изданий из РК: в большинстве случаев учебные пособия передавались в дар российским учебным заведениям, где отсутствовали не только дипломированные русскоязычные специалисты в области языкового образования со знанием КЯ, но и непосредственно носители его южно-корейского варианта. Изданные в РК учебные издания привлекали ориентированностью на активные методы обучения, которых тогда в России было очень мало, а в РК в 90-е гг. начали появляться учебные пособия с коммуникативной направленностью, постепенно вытесняя старые (ориентированные на усвоение грамматики), и полностью их заменив в начале 2000-х гг. [Ким Ённан, 2011. С. 182]. Для того чтобы понять специфику коммуникативно ориентированных учебных корейских изданий того времени, представляется целесообразным рассмотреть основные этапы развития методики обучения КЯ в РК и остановиться на нескольких корейских лингводидактических терминах.

Понятие *хангуго кёюк* («обучение корейскому языку») трактуется неоднозначно. Разница прослеживается как в определении того, кто является обучающимся, так и в содержании самого обучения. Так, например, в 1974 г. Ко Ёнган отмечал важность разграничения таких понятий, как *куго кёюк* («обучение корейскому языку как родному») и *хангуго кёюк* («обучение корейскому языку как иностранному»). С точки зрения обучающихся, первое понятие соотносится с теми, для кого КЯ является родным, второе – с теми, для кого он таковым не является.

⁴ Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/95> (дата обращения: 27.04.2018)

⁵ Необходимо отметить, что в начале 1990-х в РФ появились первые педагогические специальности с корейским языком как основным иностранным, т.е. целенаправленно начали готовить учителей/преподавателей этому языку для российской системы образования.

Однако в таком случае возникает вопрос, как называть тот язык, которому обучают корейцев, проживающих не в РК.

Для первого поколения корейцев, оказавшихся за границей, КЯ, безусловно, является родным, что нельзя сказать уже о втором поколении, для которого родным становится язык того государства, где они проживают. Ко Ёнгын предлагал в таком случае использовать термин *могуго кёюк* ('обучение материнскому языку'), который как бы занимает промежуточное положение между *куго кёюк* и *хангуго кёюк*. При этом он подчеркивал, что в таком случае необходимо не только обучение самому языку, но еще и «национальной составляющей» [Ко Ёнгын, 1974. С. 80–81]. Исследователь делает вывод, что понятие *хангуго кёюк* в узком смысле в качестве обучающихся рассматривает иностранцев, в широком же – включает и второе поколение корейцев, живущих не на территории РК.

В последнее время высказывается даже мнение о том, что нет необходимости в четком разграничении этих двух понятий [Син Хёнсук, 2009. С. 6]. Это связано со сложностью определения типа обучающегося. В качестве примера приводят детей, родившихся в международном браке и которые с самого раннего возраста вынуждены изучать КЯ как родной, хотя таковым он не является. Тем не менее, в рамках данной статьи под обучением КЯ понимается обучение носителей ИЯ (не корейского), например, русских.

Возвращаясь к рассмотрению специфики развития методики обучения КЯ в РК, следует отметить тот факт, что сначала начинается обучение КЯ, а после этого, значительно позднее, начинает организовываться подготовка кадров по его обучению: первый бакалавриат для подготовки преподавателей КЯ открыт в 1999 г. в университете Кёнхи при институте ИЯ кафедре КЯ [Ким Сонджон, 2010. С. 60]. При этом современными корейскими исследователями признается нехватка учебных пособий и учебников для подготовки соответствующих кадров. Так, коллектив авторов «Практической методики обучения корейскому языку» (2011) отмечает, что сейчас необходим учебник, в котором была бы приведена в систему теория обучения КЯ и применимые и эффективные методы обучения [Хангуго., 2011. С. III].

Преподавание же КЯ иностранцам в РК начинается в 1950-е гг. с открытием при университете Ёнсе института КЯ. У истоков преподавания КЯ стоял Пак Чханхэ, он был первым директором этого института ⁶; в 1959 г. под его авторством была опубликована предварительная версия интенсивного курса КЯ (*An Intensive Course in Korean 1, 2, 3*) [Ким Ённан, 2011. С. 84]. При анализе сайта института КЯ ⁷ важными представляются два момента: обучение языку происходит в контексте культуры его носителей; выделение четкой ориентации на определенный «тип обучающихся».

При университете Ёнсе в 1964 г. был открыт лингвистический центр Мёндю, в 1969 г. – при Сеульском университете институт лингвистических исследований и образовательный центр для корейцев, проживающих за рубежом, в 1972 г. также начали обучать иностранцев КЯ в образовательном языковом центре [Син Хёнсук, 2009. С. 9]. Постепенно, с укреплением роли РК на международной арене, увеличивается и интерес к изучению КЯ. Тем не менее, на тот момент группа изучающих КЯ не была разнообразна [Там же]. 90-е гг. стали в этом смысле поворотными, и связано это было с дифференциацией типа обучающихся. Теперь среди них выделяются те, кто изучает КЯ с целью продолжения обучения в РК или с целью последующего устройства на работу. В отдельный тип формируются дети проживающих за границей корейцев, которые хотят изучать и КЯ, и культуру. В 2000-х гг. эта тенденция усилилась,

⁶ Профессор Пак Чханхэ, старейший лингвист, автор учебника «Чхольсу и Ёнхи» [‘철수와 영희’ 교과서 집필 원로 국어학자 박창혜 교수] // Тона ильбо. 16 июня 2010. URL: <http://news.donga.com/3/all/20100616/29142680/1> (дата обращения: 25.04.2018)

⁷ Сайт института корейского языка при университете Ёнсе [연세대학교 한국어학당] URL: <https://www.yskli.com/default.asp> (дата обращения: 25.04.2018)

что связано с активным распространением корейской современной культуры, так называемой «корейской волны» *халлю*.

Что же касается методов обучения, применяемых при обучении КЯ, то, безусловно, они менялись: в большей степени они зависели от типа обучающихся и их целей. В период, когда обучение КЯ иностранцев только начиналось, оно развивалось в рамках корейской филологии, и было одним из его направлений. В подлинном же смысле об исследованиях, связанных с обучением КЯ, можно говорить начиная с 1990-х гг. Именно в это время был поставлен вопрос о применении теории обучения языку [Ким Ённан, 2011. С. 192].

До того как коммуникативный метод стал широко использоваться, наиболее распространенными были грамматико-переводной, аудиолингвальный методы и когнитивный подход [Пак Мигён, 1996. С. 9]. Ким Ённан на основе изучения учебников по КЯ (за период 1959–2008) анализирует степень изменения методики. Все ее выводы сводятся к нескольким ключевым моментам. Во-первых, до 1970-х гг. овладение КЯ строилось на освоении грамматики и понимании структуры предложения: обучение велось через выполнение заданий, направленных на составление по образцу. В 1980-х гг. важность понимания структуры предложения не оспаривалась, однако от способа ее освоения по принципу «повторение вслед за образцом» отказались. Во-вторых, после 1990-х гг. в учебных заданиях основной акцент был сделан на развитие навыков говорения, аудирования, чтения, письма, а значит, важным стало составление предложений, соответствующих контексту. В дополнение к этому же давалась грамматика. В-третьих, начиная с 2000-х гг. целью является именно развитие коммуникативной компетенции обучающихся [Ким Ённан, 2011. С. 182].

Для понимания ситуации в области развития методики обучения КЯ в РК с 2000-х гг. представляется важным анализ учебных пособий, выполненный Син Хёнсук, на основе которого она отмечает следующее: каждое учебное заведение в условиях конкуренции начало выпускать собственные учебные пособия; увеличилось разнообразие выпускаемых учебных пособий в зависимости от типа обучающихся; в учебных пособиях увеличился культурный компонент обучения ИЯ [Син Хёнсук, 2009. С. 51].

Самым интересным для зарубежных методистов представляется специфика реализации корейскими коллегами коммуникативного обучения: предлагается учитывать контекст. В качестве аргумента приводится факт отсутствия грамматической точности, в связи с чем «фокус на формы» является приоритетным [Вегуго-росоый..., 2005. С. 17].

В качестве же общих положений обучения КЯ зарубежные коллеги сегодня выделяют следующие: ориентация на использование языка и реализацию коммуникативной интенции; выполнение коммуникативных заданий после освоения грамматики; принцип «подготовка – действие – расширение / углубление»; одновременное развитие умений аудирования, говорения, чтения и письма; связанный текст (а не предложение) как единица обучения; учет потребностей обучающихся; опора на языковой уровень обучающихся; эклектичность методов обучения; важность изучения культуры; развитие стратегий общения у обучающихся [Там же. С. 19–27].

Таким образом, на сегодняшний день обучение КЯ как иностранному в РК – это активно развивающаяся область. Одной из проблем является толкование самого термина, предназначенного для обозначения КЯ как ИЯ, что влечет за собой различия в системах обучения. Что касается учебных заведений, то кроме различных организаций разных уровней (от государственных до частных и некоммерческих), не только обучающихся КЯ, но и осуществляющих подготовку соответствующих кадров, в РК также ведут деятельность несколько научных обществ на базе которых выпускаются специализированные журналы, проводятся научно-методические конференции.

Подводя итог сопоставлению ключевых моментов в развитии методики обучения КЯ в России и РК, а также учитывая тенденции в этой области, необходимо подчеркнуть, что методика обучения КЯ как иностранному в двух странах по разным причинам начала развиваться примерно в одно и то же время (конец 1990-х гг.) и сейчас активно развивается. Специалисты из обеих стран придерживаются коммуникативной направленности как «практической цели обучения» [Щукин, 2003. С. 112] с акцентом изучение культуры носителей изучаемого ИЯ и на определенный тип обучающихся. Следует детально знать периоды основных поворотов методических концепций, а также их идеологические и исторические предпосылки для того, чтобы заимствованный опыт в самом разном виде был адекватен конкретным условиям обучения.

История развития какой-либо частной методики обучения является интересной и актуальной сама по себе. Тем не менее, возрастающая с каждым годом популярность КЯ как ИЯ в России заставляет специалистов в этой области обращаться к зарубежному опыту для различного заимствования, результаты чего не всегда являются эффективными. Международное общение в обозначенной профессиональной сфере подсказывает обращаться к истории развития этого знания в сопоставлении с отечественным. Это обеспечивает понимание существующих у зарубежных коллег концепций и поднимает на новый уровень развития собственные методические решения.

Такое сотрудничество позволяет наметить дальнейшее направление развития лингводидактического диалога между специалистами двух стран. Для более продуктивного развития методологии обучения КЯ представляется целесообразным обозначить следующие задачи и направления работы: развитие методики обучения КЯ на всех уровнях; разработка разнообразных учебных изданий с опорой на научно-методические положения; установление профессиональных контактов со специалистами по методике обучения КЯ как ИЯ в РК; реализация совместных методических проектов, в том числе и в мультикультурных условиях обучения.

Список литературы / References

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н.** Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: Златоуст, 1999. 472 с.
Azimov E. G., Shchukin A. N. Slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov) [Dictionary of methodological terms (theory and practice of teaching languages)]. Saint-Petersburg, 1999, 472 p. (in Russ.)
- Васильев А. Г.** Александр Алексеевич Холодович (1906-1977) // Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские корееведы 2-й половины XX века. Сборник статей. Т.1., М., 2004. С. 223–235.
Vasil'ev A. G. Aleksandr Alekseevich Holodovich (1906–1977) // People who dedicated their lives to Korea: Russian scholars of Korean studies of the second half of the 20th century. Collection of articles. Vol. 1, Moscow, 2004, p. 223–235. (in Russ.)
- Войтишек Е. Э., Витченко М. А.** К проблеме зарождения и развития книгопечатания в Корею: опыт историко-культурологического исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. Археология и этнография. С. 263–272.
Voytishkek E. E., Vitchenko M. A. On the problem of the origin and development of printing in Korea: a historical cultural study // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology, 2011, Vol. 10, Iss. Archeology and ethnography, p. 263–272. (in Russ.)
- Воронина Л. А.** Специфика методики обучения корейскому языку как иностранному на начальном этапе в вузе: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. 127 с.

- Voronina L. A.** Specifica metodiki obucheniya korejskomu yazyku kak inostrannomu na nachal'nom ehtape v vuze: Monografiya [Specificity of the methodology of teaching Korean as a foreign language at the beginning level at the university: Monography]. Saint-Petersburg: Herzen University Publishing House, 2016, 127 p. (in Russ.)
- ГОСТ 7.60-2003 Издания. Основные виды. Термины и определения. М.: ИПК Издательство стандартов, 2004. 41 с.
GOST 7.60-2003 Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya [GOST 7.60-2003 Publications. The main types. Terms and definitions]. Moscow: IPK Izdatelstvo standartov, 2004, 41 p. (in Russ.)
- Концевич Л. Р.** О развитии традиционного корееведения в царской России (Историко-библиографический очерк) // Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. С. 537–568.
Kontsevich L. R. O razvitiu tradicionnogo koreevedeniya v carskoj Rossii (Istoriko-bibliograficheskij ocherk) [On the development of traditional Korean studies in Tsarist Russia (Historical and Bibliographic Essay)] // Korean study. Selected articles. Moscow: ID «Muravei-Gaid», 2001. P. 537–568. (in Russ.)
- Миролюбов А. А.** История отечественной методики обучения иностранным языкам. М.: СТУПЕНИ, ИНФРА-М, 2002. 448 с.
Miroljubov A. A. Istoriya otechestvennoj metodiki obucheniya inostrannym yazykam [The history of Russian method of teaching foreign languages]. Moscow: STUPENI, INFRA-M, 2002, 448 p. (in Russ.)
- Щукин А. Н.** Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов / А. Н. Щукин. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.
Shchukin A. N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: Ucheb. posobie dlya vuzov [Methods of teaching Russian as a foreign language: Study guide for university students] / A. N. Shchukin. Moscow: Vyssh. shk., 2003, 334 p. (in Russ.)
- Щукин А. Н.** Методы и технологии обучения иностранным языкам. М.: Икар, 2014. 240 с.
Shchukin A. N. Metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam [Methods and technologies of teaching foreign languages]. Moscow: Ikar, 2014, 240 p. (in Russ.)
- Веуго-росоый хангуго кёюкхак. [외국어로서의 한국어교육학]. Обучение корейскому языку как иностранному. Сеул: Издательство Хангук пансон тхонсин тэхаккё, 2005. 284 с. (на кор. яз.)
Oegugeo-roseoui hangugeo kyoyukhak [외국어로서의 한국어교육학] Teaching Korean as a foreign language. Seoul, Korea National Open University Publishing House, 2005, p. 284. (in Kor.)
- Ким Ённан.** Оно кёюк ирон-е пичхуо пон хангуго кёюк кёдже-ва ёнгу [김영란, 언어교육 이론에 비추어 본 한국어 교육 교재와 연구]. Учебники корейского языка и исследования по обучению корейскому языку в свете теории обучения языку. Сеул, 2011. 277 с. (на кор. яз.)
Kim Yeong-ran. Eoneo kyoyuk iron-e pichueo pon hangugeo kyoyuk kyojae-wa yeongu [김영란, 언어교육 이론에 비추어 본 한국어 교육 교재와 연구] Korean language textbooks and research on Korean language teaching in the light of language teaching theory. Seoul, 2011, 277 p. (in Kor.)
- Ким Сонджон.** Хангуго кёса кёюннён кёджэ-ый кэбаль хёнхван мит кэбаль панхян [김선정. 한국어 교사 교육용 교재의 개발 현황 및 개발 방향]. Ситуация в области создания учебников для обучения преподавателей корейского языка и направление дальнейших разработок // Кёюк мунхва ёнгу 16–1, 2010. С. 59–83. (на кор. яз.)
Kim Seon-jeong. Hangugeo kyosa kyoyukyong kyoje-ui kaebal hyeonhwang mit kaebal panghyang [김선정. 한국어 교사 교육용 교재의 개발 현황 및 개발 방향]. Current Situations and Directions of the Developing Textbooks for Korean Teacher's Education // Journal of Education and Culture 16–1, 2010, p. 59–83. (in Kor.)
- Ко Ёнгын.** Веуго-росоый хангуго кёюк-е тэхан ёнгу [고영근. 외국어로서의 한국어 교육에 대한 연구]. Исследование, посвященное обучению корейскому языку как иностранному // Оно кёюк, 1974. С. 79–117. (на кор. яз.)
Ko Yeong-geun. Oegugeo-roseoui hangugeo kyoyuk-e taehan yeongu [고영근. 외국어로서의 한국어 교육에 대한 연구] Study on Teaching Korean as a foreign language // Journal of Language Education, 1974, p. 79–117. (in Kor.)

Пак Мигён. Вегуго-росый хангуго кёюк-е кванхан ёнгу (ыйса сотхон хвальдон-ыль чунсим-ыро) [박미경. 외국어로서의 한국어 교육에 관한 연구 – 의사 소통 활동 (Communicative Activity) 을 중심으로] Преподавание корейского языка как иностранного (коммуникативные задания). Магист. дисс. (магистр пед. наук). Сеул, 1996. 105 с.

Pak Mi-gyeong. Oegugeo-roseoui hangugeo kyoyuk-e kwanhan yeongu (uisa sotong hwaldon-eul junsim-euro) [박미경. 외국어로서의 한국어 교육에 관한 연구 – 의사 소통 활동 (Communicative Activity) 을 중심으로] Study on Teaching Korean as a Foreign Language – Focusing on Communicative Activity. Master's thesis. Seoul, 1996, p. 105. (in Kor.)

Син Хёнсук. Хангуго кёюг-ый оджэ-ва оныль [신현숙. 한국어교육의 어제와 오늘] Обучение корейскому языку: вчера и сегодня // Тонак омунхак 53, 2009. 8. С. 5–70. (на кор. яз.)

Sin Hyeon-suk. Hangugeo kyoyug-ui odje-wa oneul [신현숙. 한국어교육의 어제와 오늘] Korean language teaching: yesterday and today // Journal of Dong-ak Society of Language and Literature 53, 2009, p. 5–70. (in Kor.)

Хангуго кёсуппоп-ый сильдже [한국어 교수법의 실제]. Практическая методика обучения корейскому языку. Сеул: Изд-во ун-та Ёнсе, 2011. 425 с.

Hangugeo kyosupob-ui silje [한국어 교수법의 실제] Practice of Korean teaching method. Yonsei University Publishing House, 2011, p.425. (in Kor.)

Материал поступил в редколлегию

Received

11.05.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Воронина Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, зав. кафедрой восточных языков института иностранных языков (наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия, LyudaVoronina@gmail.com)

Lyudmila A. Voronina, Candidate of Pedagogical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Oriental Languages Department (48 Moyka Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation, LyudaVoronina@gmail.com)

Носкова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра восточных языков, старший преподаватель (наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия, NoskovaNatalia@inbox.ru)

Natalia G. Noskova, Candidate of Historical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, the Oriental Languages Department, Senior Lecturer (48 Moyka Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation, NoskovaNatalia@inbox.ru)

УДК 94(53:581)+297

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-162-168

Владимир Никитович Пластун: Библиография (2014–2018)

С. А. Комиссаров, Ю. А. Азаренко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Данная публикация посвящена значительному событию в отечественном востоковедении: 80-летию юбилею доктора исторических наук, профессора, члена Общественной палаты союзного государства В. Н. Пластуна. Из этих 80 лет он почти 50 (первая статья была опубликована в 1970 г.) посвятил занятиям наукой о Востоке. При этом он занимался не только академической наукой, но и ее практическим использованием (в качестве переводчика, дипломата, эксперта, журналиста). Историю и культуру Афганистана, соотношение ислама и исламизма он постигал не только в тиши кабинета, но и на полях сражений. И делал это весьма успешно, свидетельством чему – 25 правительственных наград, российских и афганских. Свой богатейший опыт он щедро передает молодежи в качестве профессора кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ. Все эти стороны его творческой деятельности мы постарались как можно полнее отразить в библиографии¹.

Для цитирования

Владимир Никитович Пластун: Библиография (2014–2018) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 162–168. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-162-168

Литература о жизни и трудах

«Афганцы». Востоковед Владимир Пластун опубликовал книгу мемуаров об Афганской войне // Информ. портал «Афганистан.Ру». 12.10.2016. URL: <http://afghanistan.ru/doc/103296.html> (дата обращения 20.09.2018).

Бойко В. С. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв.: учеб. пособ. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 26.

Козлов В. А., Комиссаров С. А. Рец. на кн.: Пластун В. Н. Изнанка афганской войны 1979–1989: Дневниковые записи и комментарии участника. М. Ин-т востоковедения РАН, 2016. 756 с. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, вып. 8: История. С. 147–149.

Комиссаров С. А. Из отзыва на рукопись статьи: Пластун В. Н. Политика Китая в Центрально-азиатском регионе // Сергей Александрович Комиссаров: Биобиблиография. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. С. 141–142.

---

¹ Более подробно биографию В. Н. Пластуна и список его работ за 1970–2013 гг. см.: Владимир Никитович Пластун: Биобиблиография: Учеб.-метод. пособие / Сост. С. А. Комиссаров (при участии А. А. Фроловой, Н. В. Руденко, М. А. Чимирица). Новосибирск: НГУ, 2014. 72 с.

Пластун Владимир Никитович // *Чернобаев А. А.* Историки России конца XIX – начала XXI века: Библиографический словарь: в 3 т. М.: Собрание, 2017. С. 25.

Хронологический указатель трудов

2014

О визите профессора Тегеранского университета Бахрама Амирахмадьяна // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 236–237. Соавт.: Е. Э. Войтишек.

Памяти Виктора Коргуна // VII науч. междунар. конф. «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии». М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2014. С. 9–11.

Куда ведет «Новый Шелковый путь»? // VII науч. междунар. конф. «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии». М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2014. С. 219–235.

Афганистан: «несокрушимая свобода» оборачивается «нескончаемым присутствием» // *Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период: Сб. ст. междунар авт. коллектива.* М.: Ин-т внешнеполит. исследований и инициатив; Кучково поле, 2014. С. 328–343. (Серия «Реальная политика»).

В Москве скончался специалист по Афганистану Виктор Коргун: прощание состоится 8 января // Сайт федер. информ. агентства «Regnum». 07.01.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit./1752280.html> (дата обращения 30.08.2018). Соавт.: Р. Ш. Сайфулин, Г. П. Ежов, В. Н. Снегирев, К. Пужоль и др.

Владимир Пластун: Если бы Иран поддался на условия США и Запада, к нему не было бы никаких претензий // Сайт Бюро информации NOTUM.info. [10.02.2014]. URL: <http://www.notum.info/news/politika/vladimir-plastun-esli-byi-iran-poddalsya-na-usloviya-ssha-i-zapada-k-nemu-ne-byilo-byi-nikakix-pretenzij> (дата обращения 30.08.2018).

Владимир Пластун: Нам с Ираном по пути // Сайт Бюро информации NOTUM.info. 13.02.2014. URL: <http://www.notum.info/news/politika/vladimir-plastun-nam-s-iranom-po-puti> (дата обращения 30.08.2018).

Каспийское море: водораздел межгосударственных отношений и мировой политики: Интервью // Сайт Бюро информации NOTUM.info. 25.08.2014. URL: <http://www.notum.info/news/politika/kaspijskoe-more-vodorazdel-mezhgosudarstvennyix-otnoshenij-i-mirovoj-politiki> (дата обращения 30.08.2018).

«Наблюдается интенсивное проникновение террористов в Среднюю Азию и Россию» // Информ. портал «Лента.Ру». 29.09.2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/09/29/plastun> (дата обращения 30.08.2018).

Владимир Пластун: Каспий в кольце разноуровневых конфликтов // На сайте Виперсон (эл. б-ка биографич. данных). 10.10.2014 [на сайте первичной публикации <http://www.caspi-ania.org> не поддерживается]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=675257> (дата обращения 30.08.2018).

Ось «Москва–Тегеран» при участии Китая повлияет на Афганистан: закрытый ситуационный анализ: [сокращенный отчет] // Сайт федер. информ. агентства «Regnum». 23.10.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit./1859544.html> (дата обращения 30.08.2018). Соавт.: Мандана Тишияр, А. Князев, Ф. Виельмини, А. Колесников, К. Сыроежкин, Р. Сайфулин, И. Пакратенко, М. Пак, А. Дереникьян.

Закрытый ситуационный анализ: Часть талибских группировок Афганистана контролируется из Катара: [сокращенный отчет] // Сайт федер. информ. агентства «Regnum». 15.12.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1876711.html> (дата обращения 30.08.2018). Соавт.: Р. Сайфулин, А. Вахидов, И. Камилов, Р. Махмудов, Б. Эргашев, А. Князев.

Ред.: Материалы 52-й Междунар. науч. студенч. конф. МНСК-14: Востоковедение. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 111 с. Науч. рук. секции.

Ред.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. 248 с. Чл. ред. совета и чл. редкол.

2015

Политика Китая в Центрально-Азиатском регионе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 194–201.

Проблемы безопасности Каспийского региона: позиция Ирана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 125–130.

Владимир Пластун о политике и будущем Афганистана // Сайт Бюро информации NOTUM.info. 02.03.2015. URL: <http://www.notum.info/news/politika/vladimir-plastun-o-politike-i-budushhem-afganistana> (дата обращения 30.08.2018).

Владимир Пластун: америка ва чин аз русие тарси надаранд [Америка и Китай не боятся России]: (Интервью) // Сайт ИРАС (Центр по изучению Ирана и Евразии, Тегеран). 4 бахман 1393 (24.01.2015). URL: www.iras.ir/fa/doc/interview/596/ (дата обращения 30.08.2018).

В. Пластун: Послание, которое привез Велаяти – весьма важное: (Интервью) // Iran Russian Radio (IRIB World Service: Русская служба). 07.02.2015. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/interview/item/244693> (дата обращения 30.08.2016).

В. Пластун: Соглашение по Ирану – достижение // IranRussian Radio (IRIB World Service: Русская служба). 01.08.2015. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/interview/item/257320-в-пластун-соглашение-по-ирану-достижение> (дата обращения 30.08.2016).

Новосибирский востоковед рассказал, как ИГИЛ удастся вербовать террористов // Сайт Сиб. фм (интернет-журнал). 21.10.2015. URL: <http://sib.fm/news/2015/10/21/novosibirskij-vostokoved-rasskazal-kak-igil-udajotsja-verbovat> (дата обращения 30.08.2018).

Эксперт: «Средний годовой доход ИГИЛ более 1 миллиарда долларов» // Сайт НГУ. 21.10.2015. URL: <http://www.nsu.ru/8dcb680eaf50c4484fec97b593fdbcf9> (дата обращения 30.08.2016).

Ред.: Материалы 53-й Междунар. науч. студенч. конф. МНСК-15: Востоковедение. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 85 с. Науч. рук. секции.

Ред.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. 218 с.; Т. 14, вып. 10: Востоковедение. 295 с. Чл. ред. совета и чл. редкол.

Титул. рец.: *Гибадуллин И.* Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. М.: Садр, 2015. 400 с.

2016

Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: Дневники и комментарии участника. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. 756 с. Тираж 300 экз.

Рец.: *«Афганцы»*.

Рец.: *Козлов В. А., Комиссаров С. А.*

Китай и Иран: настоящее и будущее взаимоотношений // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 4: Востоковедение. С. 156–160.

Химера «исламского государства» в Центральной Азии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 10: Востоковедение. С. 159–166.

Ред.: *Бойматов Л. Д.* Монголы в Афганистане. Berlin: LAP–Lambert Academic Publishing. 2015. 64 с. Науч. ред.

Ред.: Материалы 54-й Междунар. науч. студенч. конф. МНСК-16: Востоковедение. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 79 с. Науч. рук. секции.

Ред.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 4: Востоковедение. 245 с.; Т. 15, вып. 10: Востоковедение. 195 с. Чл. ред. совета и чл. редкол.

Титул. рец.: *Бикбаев В. М.* Устойчивое развитие и безопасность. Новосибирск: НВВКУ МО РФ, 2016. 126 с.

Титул. рец.: *Бикбаев В. М.* Этноконфессиональный фактор в деятельности террористических организаций (на примере Афганистана). Новосибирск: НВВКУ МО РФ, 2016. 108 с.

2017

Ветер с Востока // Неизвестная Сибирь (Новосибирск). 2017. № 15. С. 30–39.

Afganistan: the Ethnic Conflict Escalated / Афганистан: обострение этнического конфликта // С.-Петерб. междунар. конф. по афганистике, 27–29.06.2017: Тез. СПб.: Студия «НП-Принт», 2017. С. 57–59.

Афганистан: обострение этнического конфликта // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 10: Востоковедение. С. 59–64.

Ред.: Материалы 55-й Междунар. науч. студенч. конф. МНСК-17: Востоковедение. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2017. 108 с. Науч. рук. секции.

Ред.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 4: Востоковедение. 134 с.; Т. 16, вып. 10: Востоковедение. 126 с. Чл. ред. совета и чл. редкол.

Титул. рец.: Бойко В. С. Проблемы и противоречия модернизации в Афганистане в XX – начале XXI в. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 140 с.

2018

Исламизм – угроза исламу и миру: Учеб. пособие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 146 с. Тираж 90 экз.

Наркобизнес как одна из угроз на Новом шелковом пути // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, вып. 4: Востоковедение. С. 121–127.

Security problems of the Central Asian region // 2018 Asia Pacific Public Security Forum: The Approach to Establish a New Public Security Order in Asia Pacific and Promote Security Cooperation among Countries in «the Belt and Road Initiative»: Academic Conference Papers. Sanya, 2018. P. 129–134.

Вопросы безопасности в АТР: по материалам Азиатско-Тихоокеанского форума по проблемам общественной безопасности (17–18.04.2018, г. Санья) // Междунар. науч. форум НГУ «Наследие»: Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее»: Сб. тез. / НОКЦ ГИ НГУ «Ин-т Конфуция». [Эл. изд.]. Новосибирск, 2018. С. 5. URL: <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf/2018-silk-road-thesis.pdf> (дата обращения 07.11.2018).

Ред.: Востоковедение: Материалы 56-й Междунар. науч. студенч. конф. 22–27 апр. 2018 г. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2018. 110 с. Науч. рук. секции.

Ред.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. 152 с. Чл. ред. совета и чл. редкол.

Научные конференции и семинары с участием В. Н. Пластуна

52-я Междунар. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс», 11–18 апр. 2014 г., г. Новосибирск, НГУ (МНСК-2014). Доклад на заключительном заседании «Этнические конфликты и геополитика (на примере ситуации на Украине)»

Междунар. науч. конф. «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии: военно-политический аспект», 18–19 сент. 2014 г., г. Актау (Казахстан). Доклад «Каспий в кольце разноуровневых конфликтов»

«Круглый стол» на Высших дипломатических курсах при Университете МИД Республики Узбекистан, 3 нояб. 2014 г., г. Ташкент. Выступление на тему «Перспективы развития обстановки в Афганистане в ближнесрочной и среднесрочной перспективе: роль Узбекистана в России».

53-я Междунар. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс», 11–17 апр. 2015 г., г. Новосибирск, НГУ (МНСК-2015). Доклад на заключительном заседании «Насколько реальна угроза ИГИЛ в Центральной Азии».

Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Великий Шелковый путь в исторической перспективе», 19–21 сент. 2016 г., гг. Новосибирск–Бердск, Центр языка и культуры Китая ГИ НГУ (проект «Класс Конфуция»). Доклад на пленарном заседании «Проект “Новый Шелковый путь” глазами потенциальных участников».

3-я ежегодн. конф. «Гуманитарные проблемы военного дела», 18 нояб. 2016 г., г. Новосибирск, Новосиб. высш. воен. команд. уч-ще (НВВКУ). Доклад «Краткий анализ военно-политического конфликта в регионах Ближнего и Среднего Востока».

55-я Междунар. науч. студенч. конф., 16–20 апр. 2017 г., Новосибирск, НГУ (МНСК-2017). Доклад на заключительном заседании «Сирийский кризис».

Телемост молодежи стран ШОС «Единое образовательное пространство стран ШОС». 6 июня 2017 г., г. Новосибирск (Облцит) – г. Кабул (Рос. центр науки и культуры). Дискуссия по теме (на языке фарси-дари).

Санкт-Петербургская междунар. конф. по афганистике, 27–29 июня 2017 г., г. Санкт-Петербург, Востфак СПбГУ. Доклад «Афганистан: обострение этнического конфликта».

Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Сопряжение концепций Евразийского экономического пространства и Великого Шёлкового пути: история, экономика, геополитика, филология». 17–20 сент. 2017 г., гг. Новосибирск–Бердск, Центр языка и культуры Китая ГИ НГУ (проект «Класс Конфуция»). Доклад на пленарном заседании «Новый Шелковый путь: борьба с наркобизнесом».

2018 Asia Pacific Public Security Forum «The Approach to Establish a New Public Security Order in Asia Pacific and Promote Security Cooperation among Countries in ‘the Belt and Road Initiative’», April 16-17, 2018, Sanya, Hainan, China. With report «Security problems of the Central Asian region».

Международный форум НГУ «Наследие», Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее», 22–23 сент.

2018 г., г. Новосибирск–Бердск. Доклад на пленарном заседании «Вопросы безопасности в АТР: по материалам Азиатско-Тихоокеанского форума по проблемам общественной безопасности (17–18.04.2018, г. Санья, КНР)».

Официальное оппонирование диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук

Топорков В. М. Советско-афганские отношения в 1975–1991 гг.: исторический опыт разработки и реализации военно-политической стратегии СССР / Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2015. 489 с. Специальность: 07.00.02 – Отечественная история.

Шарифов Р. Я. История современного образования в Афганистане (1919–1978 гг.) / Таджикский нац. ун-т. Душанбе, 2018. 350 с. Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (исторические науки).

Официальные отзывы на диссертации и авторефераты диссертаций

Сумарокова О. Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана): Дис. ... докт. ист. наук / Кыргыз.-Рос. Славянск. ун-т. Бишкек, 2016. 414 с. Специальность: 07.00.02 – Отечественная история.

Кадырова Л. И. Межгосударственные политические связи Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в 1992–2001 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2015. 133 с. Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история).

Гаврилова В. А. Развитие американо-индийских отношений в 1993–2012 гг. (роль ядерного фактора): Автореф. ... канд. ист. наук / Нац. исследовательск. Томск. гос. ун-т. Томск, 2014. 24 с. Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история).

Нуриддинов П. Р. Трансформация политических партий и партийной системы Афганистана (политологический анализ): Автореф. ... канд. полит. наук / Таджик. гос. пед. ун-т им. С. Айни. Душанбе, 2015. 27 с. Специальность: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Жирова Н. С. Сотрудничество индийской националистической партии «Гадар» с Коммунистическим Интернационалом (1922–1943 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Липецк. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. Тамбов, 2018. 27 с. Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история).

Внутренние (издательские) рецензии

Джаббари Н. Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом (Статья опубликована в: Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Междунар. отн. 2016. Т. 16, № 4. С. 665–676).

Жильцов С. С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы (Статья опубликована в: Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Междунар. отн. 2016. Т. 16, № 4. С. 628–642).

**Выпускные квалификационные работы,
защищенные под руководством В. Н. Пластуна в НГУ
(до 2015 г. включительно – специалитет; с 2016 – бакалавриат)**

Липская Я. Д. Развитие российско-японских отношений в начале XXI в. Курильская проблема. 2014. 76 с.

Мун Н. М. Уйгуры и ханьцы на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики: этнос и политика (с 1955 года до настоящего времени). 2014. 40 с.

Хорина В. В. Ислам в Корее: история и современность. 2015. 83 с.

Шмырина Ю. А. Благотворительность в Китае: традиции и современность. 2015. 92 с.

Черепанова Е. И. Террористы «ИГ» и европейские наемники (2013 – апрель 2016 гг.). 2016. 50 с.

Храмчихина А. А. Проблема терроризма в послевоенной Японии. 2017. 87 с.

Ефимчева А. Д. Социокультурная адаптация христианского учения на примере тайных христиан и новых религиозных движений христианского толка. 2017. 72 с.

Качесова А. С. Территориальный фактор в китайско-индийских отношениях (1950-е гг. – начало XXI вв.). 2018. 85 с.

Материал поступил в редколлегию

Received

20.09.2018

УДК 327.56
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-169-176

Терроризм исламистов и реакция США

В. Н. Пластун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье дается краткий анализ деятельности США и их союзников на фоне нарастающей напряженности в мире. Политическая и военная обстановка в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также в ряде государств Северной Африки в последние месяцы стремительно ухудшается. Исламисты продолжают наступление на светские политические структуры, пытаясь силой оружия установить порядки, соответствующие нормам радикального исламизма. Проблема противодействия исламистскому терроризму продолжает оставаться самой обсуждаемой проблемой в странах Европы и Азии. В ходе предвыборной кампании Дональд Трамп заявлял, что в случае его победы на выборах США будут активно взаимодействовать с Россией в военно-политической сфере, чтобы разгромить «Исламское государство» и пресечь финансирование террористов. Однако в апреле 2017 г США нанесли ракетный удар по авиабазе сирийских ВВС, назвав его «пропорциональным ответом» на химическую атаку в Идлибе, за которую должен нести ответственность сирийский режим. Подобная же эволюция позиции США наблюдается и в отношении Афганистана, Ирана и Пакистана.

Ключевые слова

Терроризм, исламисты, США, «Исламское государство» (ИГ), Ближний и Средний Восток, Сирия, Афганистан, Пакистан, Китай

Для цитирования

Пластун В. Н. Терроризм исламистов и реакция США // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 169–176. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-169-176

The Islamist terrorism and the reaction of the USA

Vladimir N. Plastun

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

The article gives a brief analysis of the activities of the United States and its allies against the backdrop of growing tensions in the world. The political and military situation in the region of the Near and Middle East, as well as in several states of North Africa, is rapidly deteriorating in recent months. The Islamists continue their offensive against secular political structures, trying to establish by force of arms rules that conform to the norms of radical Islamism. The problem

© В. Н. Пластун, 2018

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

of countering Islamist terrorism continues to be the most discussed issue in the countries of Europe and Asia. During his pre-election campaign Donald Trump said that if he wins the election, the US will actively cooperate with Russia in the military and political sphere to defeat the "Islamic State" and stop funding terrorists. However, in April 2017, the United States struck a missile strike at the airbase of the Syrian air force, calling it a "proportional response" to the chemical attack in Idlib, for which the Syrian regime should be responsible. A similar evolution in the position of the United States is observed with regard to Afghanistan, Iran and Pakistan. Neither the US nor its allies have learned the lesson from the failures of their foreign policy that followed the military operations in Afghanistan, Iraq, Libya and Syria. Nevertheless, Washington is forced to seek a way out of the impasse into which he has driven himself. But time has changed. Earlier Washington demanded that they officially recognize the Constitution of the IRA, renounce violence and break off relations with foreign terrorist groups. Now at the end of September 2018 the new American adviser for Afghanistan announced the US readiness to negotiate with the Taliban without any preconditions. Such information seems to inspire hope. However, in any case, there is hardly any hope for positive changes in the nearest future. The US is not going to leave Afghanistan so quickly after 17 years of a bloody war.

Keywords

Terrorism, Islamists, the United States, "Islamic State", Near and Middle East, Syria, Afghanistan, Pakistan, China

For citation

Plastun V. N. The Islamist terrorism and the reaction of the USA. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 169–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-169-176

В 2013 г. был установлен рекорд по количеству акций, осуществленных террористами – 9 814 в 87 странах, в результате погибло 17 958 человек. С 2000 по 2014 г. число терактов выросло более чем в пять раз. Наибольшее число погибших от рук террористов зафиксировано в Ираке, Афганистане, Пакистане, Нигерии и Сирии. Количество жертв за 2017–2018 гг. значительно превышает эти цифры.

Организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, ИГ)¹ появилась в 2014 г., захватив значительную часть территории Ирака и Сирии². По некоторым данным, в его рядах воевали примерно 11–12 тыс. иностранных граждан, 3 тыс. из которых – представители европейских государств, в частности, Франции, Великобритании и Бельгии³.

Дестабилизация региона Ближнего и Среднего Востока представляет собой настолько серьезную опасность, что Москва приняла решение о прямом военном вмешательстве в ситуацию. Выступая на заседании Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Душанбе 15 сентября 2015 г., Президент РФ Владимир Путин подчеркнул, что «элементарный здравый смысл, ответственность за глобальную и региональную безопасность требуют объединения усилий мирового сообщества против этой угрозы ... В рядах ИГИЛ проходят идеологическую обработку и военную подготовку боевики из многих стран мира, включая, к сожалению, и европейские страны, и Российскую Федерацию, и многие бывшие республики Советского Союза, – указал он. – И, конечно, нас беспокоит их возможный возврат на наши территории... Мы поддерживаем правительство Сирии в противостоянии террористической агрессии, оказываем и будем оказывать ему необходимую военно-техническую помощь и призываем присоединиться к нам другие страны»⁴.

¹ «Исламское государство», ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в РФ.

² Подробнее см.: [Пластун, 2018. С. 31–50].

³ *Веселовский С.* Второй фронт исламистского терроризма // Сайт Рос. совета по междунар. делам (РСДМ). 23.01.2015. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=5140#top-content (дата обращения 25.08.2018).

⁴ Саммит ОДКБ // Официальный сайт Президента РФ В. В. Путина, 15.09.2015: URL <http://kremlin.ru/events/president/news/50291> (дата обращения 20.08.2018).

Сначала к противостоянию ИГИЛ присоединились США с их союзниками и Турция. Но каждый из акторов преследует свои цели. Возникает вопрос: объясняется ли вмешательство США и Запада в сирийские события искренним желанием покончить с терроризмом или только тем, что ИГ затрагивает их нефтяные интересы в регионе?

Когда исламисты, вдохновленные примером террористических актов организации «Аль-Каида», вели боевые действия вдали от крупных нефтеносных районов Ирака, США в события не вмешивались. Наоборот, они даже косвенно поддерживали действия ИГ через своих союзников в странах Персидского залива. По мнению исследователей конфликта, «никакая “Аль-Каида” не сделала больше для всплеска терроризма в Ираке (да и во всем регионе Ближнего Востока), чем катастрофическая политика Соединенных Штатов... Одержимые своей идеей привнесения норм и ценностей демократии (в американском, понятно, прочтении) в оккупированные ими страны, США совершенно не учитывают специфику и особенности “демократизируемых” территорий» [Эль-Мюрид, 2016. С. 23]. Вмешательство США нарушает сложившийся баланс между народами и конфессиями в тех государствах и регионах, где Вашингтон «продвигает демократию». В результате борьба с социально-политического противостояния все более скатывается в межрелигиозную и межнациональную сферу.

Политическая и военная обстановка в регионе Ближнего и Среднего Востока в последние месяцы стремительно меняется. «Светский период» существования там политических режимов уступил место религиозному фактору, представленному радикальным исламизмом. Его adeptы, представленные организацией «Братья-мусульмане», ранее на протяжении десятков лет находились на нелегальном положении, как в Египте, так и в Ливии и Сирии. Впоследствии, полностью разгромленные в Сирии, они стали одной из основных частей вооруженной сирийской оппозиции, выступившей против президента Башара Асада.

Однако самой опасной и боеспособной силой, несомненно, является «Аль-Каида». Именно ее боевики сыграли ведущую роль в свержении режима полковника Каддафи в Ливии, дестабилизации обстановки в Йемене и, конечно, в Сирии. Существенную поддержку, как ни странно, исламисты получили от США. В марте 2011 г. действовавший тогда президент США Б. Обама подписал документ, разрешавший сотрудникам ЦРУ готовить и вооружать боевиков «Ливийской исламской боевой группы». А данная организация представляет собой североафриканский филиал «Аль-Каиды» и, кстати, числилась в списке террористических организаций, подготовленном ООН.

Многоходовая игра США и Запада приводит к тому, что и там и там соотечественники бомбят своих же соотечественников, мусульмане убивают мусульман. Пожар войны продолжает распространяться далеко за пределы Сирии.

На стороне правительства Сирии воюют бойцы ливанского шиитского движения «Хизбалла», которых поддерживает Иран. Иранские военные советники координируют действия сирийской армии, фактически участвуя в боевых действиях против ИГ. По некоторым данным, ежегодная финансовая помощь Ирана Дамаску достигает 7 млрд долл. [Вахим, Кузнецов, 2016].

С не меньшим ожесточением ведутся бои и на территории Афганистана, а достойного завершения этого многолетнего конфликта не видит никто. «После 15 лет войны, – писал профессор Центра международных отношений Нью-Йоркского университета А. Бен-Меир, – сотен миллиардов потраченных долларов, десятков тысяч убитых с обеих сторон, Афганистан сегодня не стал лучше, чем он был сразу же после падения режима талибов. Будущая американская администрация должна всерьез заняться тем, чтобы покончить с афганским болотом, потому что вне политического решения победы над талибами там будет не больше, чем во время по-

ражения США во Вьетнаме»⁵. Ситуация в стране не стабилизировалась, уровень насилия нарастает. Растут объемы наркотрафика. Невиданных размеров достигли масштабы коррупции. Такие выводы содержит в себе последний отчет Специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (SIGAR) Джона Сопко (John F. Sopko)⁶.

По официальной информации, перед своим уходом в связи с окончанием срока Президент США Барак Обама запросил у конгресса 5,8 млрд долларов на борьбу с ИГ в рамках военной операции против талибов и поддержку вооруженных сил Афганистана. Еще 5,8 млрд долларов планировалось потратить «на контртеррористические цели», включая дипломатию, безопасность посольств, спасательные операции и гуманитарную помощь пострадавшим от терроризма⁷.

Напомним, что с середины 2017 г. среди определенной части афганского руководства начало проявляться беспокойство в связи с неспособностью Президента США представить новую стратегию действий в Афганистане. В течение полутора месяцев команда Трампа как минимум дважды меняла свои подходы к Афганистану. Сначала в Вашингтоне объявили о намерении увеличить количество американских военных в ИРА на 3 500–5 000 человек, переместив центр принятия решений на афганском направлении в Пентагон. Потом появилась информация об отказе Трампа от отправки дополнительного контингента. Обсуждалась возможность передачи проекта войны в ИРА на откуп частным военным компаниям и крупным корпорациям США, заинтересованным в разработке афганских природных месторождений⁸.

За 10 месяцев 2017 г. в ходе боевых операций на территории Афганистана США сбросили 3 554 бомбы, что почти в три раза превышает показатели предыдущего года. Американское командование выражало надежду, что правительство ИРА при помощи США установит контроль над 80 % территории страны через два года. Правда, в упоминавшемся выше отчете Специального генерального инспектора США говорилось: в конце августа 2017 г. под контролем или влиянием Кабула находилось 56,8 % от общего числа уездов страны (за полгода этот показатель сократился на 1 %, а за год – более чем на 6 %) ⁹.

Тогда же США приступили к реализации новой стратегии. Министр обороны США Джеймс Мэттис подписал распоряжение об отправке дополнительного американского контингента в ИРА (3,5 тыс. человек, большинство из них – бойцы спецназа и ВДВ). Союзники США по НАТО отправили в Афганистан около 1 тыс. своих солдат. Таким образом, численность западного контингента здесь превысила 14 тыс. военнослужащих (это не считая «частников»). Министр подчеркнул, что американцы будут не только обучать АСНБ, но также примут непосредственное участие в боевых действиях.

Нельзя не отметить, что руководство США все-таки сделало прозрачные намеки на то, что оно готово в чем-то пойти на уступки в своей, казалось бы, крайне жесткой позиции

⁵ *Ben-Meir A. Needing an Exit from Afghan Quagmire* // Новостной интернет-журнал Consortiumnews.com. 05.08.2016. URL: <https://consortiumnews.com/2016/08/05/needing-an-exit-from-afghan-quagmire> (дата обращения 25.08.2018).

⁶ *Рыбин А. «Стабилизация невозможна»: В США признали провал 15-летнего присутствия в Афганистане* // Сайт Информ. агентства «Фергана». 29.05.2018. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=9974> (дата обращения 10.08.2018).

⁷ *Обама намерен выделить \$11,6 млрд Афганистану на борьбу с терроризмом* // Сайт проекта «Афганистан сегодня». 11.11.2016. URL: <http://afghanistantoday.ru/hovosti/obama-nameren-vydelit-116-mlrd> (дата обращения 22.08.2018).

⁸ *Акценты недели: Политический процесс в Афганистане 24 июля – 6 августа 2017 года* // Сайт проекта «Афганистан сегодня». 09.08.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/116277.html> (дата обращения 22.08.2018).

⁹ *В текущем году США сбросили на Афганистан более 3 500 бомб* // Сайт проекта «Афганистан сегодня». 22.11.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/116679.html> (дата обращения 22.08.2018).

по отношению к исламистской оппозиции. В конце октября 2017 г. госсекретарь США Р. Тиллерсон (которого вскоре заменил Майк Помпео) неожиданно предложил представителям «умеренных» талибов – то есть тем, кто «готовы отречься от терроризма, насилия и стараться ради процветания страны» – места в правительстве ИРА¹⁰.

Подобные зигзаги американской политики не представляются такими уж неожиданными. Стратегия США всегда включала кнут и пряник. Кнут – это продолжающаяся серия бомбардировок позиций талибов и боевиков ИГ и проведение спецопераций. Ну а пряник – приглашение «умеренных» оппозиционеров в правительство. Кстати, последнее вполне возможно. Ведь в прошлом году США поддержали подписание мирного соглашения правительства с бывшим «непримиримым» врагом – лидером Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматъяром. А он уже намекает, что, возможно, будет баллотироваться в качестве претендента на пост президента страны.

На переговорах с Президентом ИРА А. Гани Дж. Мэттис пообещал, что силы НАТО не позволят антиправительственным группировкам использовать Афганистан в качестве убежища и заявил о намерении США обсудить с пакистанской стороной проблему наличия лагерей боевиков на территории Пакистана. Однако 1 сентября 2018 г., за несколько дней до того, как госсекретарь США М. Помпео и председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Д. Данфорд прибыли в Исламабад, представитель Пентагона объявил, что министерство обороны окончательно решило сократить на 300 млн долл. средства, выделенные «для поддержки Пакистана в борьбе против врагов Америки в Афганистане»¹¹.

История проблемы такова. В 2002 г. правительство США стало выплачивать Пакистану деньги из «Фонда поддержки коалиции» (CSF) после того, как он (Пакистан) начал военные операции против талибов. Фонд компенсирует Пакистану расходы, связанные с развертыванием десятков тысяч дополнительных войск на афганской границе, а также с использованием пакистанских аэродромов, портов и дорог. Пакистанское правительство в значительной степени зависело от этого финансирования. Согласно докладу исследовательской службы Конгресса, в 2015 г. расходы из средств CSF достигли 13 млрд долл. США, что составило 20 % всех военных расходов Пакистана.

За последнее десятилетие уровень доверия к пакистанской армии в Пентагоне, Конгрессе и администрации Белого дома резко упал. После военных неудач американских войск в Афганистане в 2014 г. это падение ускорило. Пентагон резко сократил военную помощь Пакистану. В июле 2017 г. при Трампе все платежи по линии CSF были заморожены, а в январе 2018 г. урезаны на 700 млн долл. США¹².

В этом конфликте есть и интересы третьей стороны – «всепогодного союзника» Пакистана Китая. Чуть более месяца назад Помпео призвал Международный валютный фонд (МВФ) отказаться от просьбы о предоставлении помощи Пакистану на том основании, что американские налогоплательщики не нуждаются в погашении кредитования строительства Китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС).

В свою очередь, 8 сентября 2017 г. глава китайского МИД объявил о намерении до конца года провести трехстороннюю встречу министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана, одной из задач которой «станет укрепление отношений между Кабулом и Исламабадом», а конечной целью является «создание новой платформы регионального сотруд-

¹⁰ Акценты недели: Политический процесс в Афганистане 1–31 октября 2017 года // Сайт проекта «Афганистан сегодня». 31.10.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/115944.html> (дата обращения 22.08.2017).

¹¹ *Chacko J.* The US–China Cold War is now playing out in Pakistan // Новостной сайт Quarts India. September 3, 2018. URL: <https://qz.com/india/1377225/the-us-china-cold-war-is-now-playing-out-in-pakistan> (дата обращения 05.09.2018).

¹² Ibid.

ничества». Переговоры состоялись. Стороны договорились «о дальнейшем укреплении отношений между государствами и развитии сотрудничества в рамках проекта «Один пояс – один путь» и подтвердили намерение продолжить взаимодействие по вопросам мирного восстановления и экономического развития Афганистана». Эксперты российского Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА) считают: Трамп дал понять, что будет оказывать давление на Исламабад в вопросе прекращения Пакистаном поддержки талибов и не потерпит закулисного сотрудничества пакистанских спецслужб и талибов¹³.

Китай же не хочет нарушить стабильность совместных проектов с Исламабадом и пытается снизить напряженность в отношениях Пакистана и Афганистана. Пекин беспокоит также намерение американцев активизировать боевые действия против талибов и боевиков «Исламского государства–провинция Хорасан» (ИГПХ), которые под ударами войск США и Афганских сил национальной безопасности (АСНБ) могут передислоцироваться из восточных и южных провинций ИРА в северные. Посол КНР в ИРА заявил: «Мы обеспокоены тем, что боевики антиправительственных групп или террористические движения в этом регионе представляют собой угрозу не только для Китая, но и для самого Афганистана, Таджикистана и для всех соседей... Афганистан, Таджикистан, Пакистан и Китай работают над созданием военного механизма для борьбы с боевиками»¹⁴.

Ситуация в регионе осложняется. Если США в свете своей новой афганской стратегии вздумают ввести какие-нибудь санкции против Исламабада, то Пакистан может осуществить еще больший политический разворот в сторону Китая. Если санкций не будет, то Исламабад продолжит тактику балансирования между интересами США и КНР в регионе. Посол Пакистана в ООН Малеха Лодхи, выступая во время ежегодных дебатов Генеральной Ассамблеи, заявила: «Ни коалиция, ни Кабул, ни афганские талибы не могут навязывать друг другу военное решение... Поощрение политического урегулирования и одновременное стремление к военному решению несовместимы»¹⁵.

Как видим, это заявление не совпадает с мнением США. Американский план предусматривает увеличение наступательных возможностей АСНБ. США убеждены в том, что талибы сядут за стол переговоров под давлением внешних и внутренних факторов.

Приведенные выше факты и высказывания свидетельствуют о том, что внешние акторы, по всей вероятности, стремятся не распутать, а затянуть покрепче «афганский узел».

Ни США, ни их союзники так и не извлекли урока из последовавших за их военными операциями в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии провалов своей внешней политики, которая вызвала взрывной рост терроризма.

В борьбе против ИГ коалиция союзников США одно время добивалась определенных успехов. В пресс-релизе Госдепартамента США, опубликованном в конце марта 2017 г., появилось следующее сообщение: «Авиация коалиции осуществила более 19 000 воздушных ударов, устранив десятки тысяч боевиков ИГ на поле боя и уничтожив более 180 руководителей ИГ

¹³ Акценты недели: Политический процесс в Афганистане 1-30 сентября 2017 года // Сайт проекта «Афганистан сегодня». 16.10.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/115449.html> (дата обращения 22.08.2018).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Афганистан, США, «Талибан» потерпят неудачу, приняв военный вариант: посланник Пака // Сайт ИА Khaama Press. 21.11. 2017. URL: <http://www.khaama.com/afghanistan-us-taliban-to-fail-by-adopting-military-option-pak-envoy-03895/> (дата обращения 22.08.2018).

высшего и среднего звена, включая почти всех заместителей [главаря ИГ] Абу Бакра аль-Багдади»¹⁶.

Соответственно, 4 сентября 2018 г. госсекретарь США Майк Помпео объявил, что бывший посол США в Афганистане Залмай Халилзад назначен советником по Афганистану. По словам госсекретаря, задача Халилзада – «оказывать помощь в усилиях по примирению»¹⁷. В интервью «National Public Radio» дипломат напомнил, что ранее Вашингтон выдвигал талибам ряд условий для участия в мирных переговорах: принять Конституцию ИРА, отказаться от насилия и разорвать отношения с иностранными террористическими группировками. Теперь же, по словам Халилзада, США намерены вести диалог с талибами, не настаивая на вышеупомянутых условиях. Признав, что ситуация с безопасностью в Афганистане значительно ухудшилась, он отметил, что афганцы должны работать над созданием условий, не требующих военного присутствия США в стране.¹⁸

А 7 сентября находившийся в Кабуле с визитом министр обороны США Дж. Мэттис, заявив, что талибы не смогут одержать победу на поле боя, подчеркнул необходимость продвижения мирного процесса в стране. Ранее он также признавал, что примирение с афганским правительством позволит талибам «приблизиться к осуществлению своих целей законными средствами и избавит от необходимости вооруженной борьбы»¹⁹.

Вашингтон вынужден искать выход из тупика, в который он сам себя и загнал²⁰.

Список литературы / References

- Вахим Дж., Кузнецов А. А.** Геополитическое измерение сирийского конфликта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Междунар. отн. 2016. № 3. С. 461–472.
Vakim J., Kuznetsov A. A. Geopoliticheskoe izmerenie siriyskogo konflikta // *Vestn. Ros. univer. druzhbyi narodov. Seriya: Mezhduнародные отnosheniia*. 2016, № 3, p. 461–472. (in Russ.)
- Пластун В. Н.** Исламизм – угроза исламу и миру: Учеб. пособие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 146 с.
Plastun V. N. Islamizm – угроza islamu i miru, Novosibirsk, IPC NGU, 2018, 146 p. (in Russ.)

¹⁶ Госдеп заявил об уничтожении 180 главарей ИГ // Сайт Корреспондент.net (ИД Укр. Медиа Холдинг). 22.03.2017. URL: <http://korrespondent.net/world/3830258-hosdep-zaiavyl-ob-unychtozhenyy-180-hlavarei-yh> (дата обращения 23.08.2018).

¹⁷ *Osman B.* As New U.S. Envoy Appointed, Turbulent Afghanistan's Hopes of Peace Persist // International Crisis Group (независимые эксперты). 05.09.2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/new-us-envoy-appointed-turbulent-afghanistans-hopes-peace-persist?> (дата обращения 06.09.2018).

¹⁸ *Залмай Халилзад.* США готовы к переговорам с талибами без предварительных условий // Информ. портал «Афганистан.ру». 29.09.2018. URL: <http://afghanistan.ru/doc/123700.html> (дата обращения 12.09.2018).

¹⁹ Первые лица Афганистана провели переговоры с министром обороны США // Информ. портал «Афганистан.ру». 08.09.2018: URL: <http://afghanistan.ru/doc/123261.html> (дата обращения 10.09.2018).

²⁰ *Белов А.* Atlantic Monthly: США должны подготовиться к полному фиаско в Афганистане // Сайт федеральн. информ. агентства «Regnum». 12.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2480274.html> (дата обращения 12.09.2018).

Эль Мюрид. ИГИЛ: «Исламское государство» и Россия: Столкновение неизбежно? М.:

Книжный мир, 2016. 256 с.

Al-Murid. IGIL: «Islamskoe gosudarsvo» i Rossiya: Stolknovenie neizbezhno? Moscow, Knizhnii mir, 2016, 256 p.
(in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

12.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Владимир Никитович Пластун, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1. Новосибирск, 630090, Россия, vladimir_plastun@mail.ru)

Vladimir N. Plastun, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, vladimir_plastun@mail.ru)

Конференция НГУ «Культурное наследие Великого Шелкового пути»

Ю. А. Азаренко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Ежегодная научно-практическая конференция научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» Гуманитарного института НГУ, посвященная проблематике изучения истории и перспектив развития региона Великого Шелкового пути, прошла 22–23 сентября 2018 г.

На открытии конференции выступил директор Гуманитарного института НГУ д-р ист. наук, проф. А. С. Зуев, рассказавший об «амбициозной инициативе» института создания крупного центра изучения культурного наследия народов России и зарубежья. Для этой цели в НГУ этой осенью впервые проводится международный научный форум «Наследие», в которую была вписана и китаеведческая конференция, в этом году получившая название «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее». Постоянный соорганизатор конференции – Институт археологии и этнографии СО РАН. Финансовую поддержку мероприятия обеспечивает Штаб-квартира институтов Конфуция (Пекин, КНР).

На пленарном заседании прозвучали четыре доклада. Старший научный сотрудник Института стран Дальнего Востока, доцент, канд. ист. наук А. А. Сизова рассказала о том, как закладывались основы дипломатических связей между Россией, Китаем и Монголией. Начальник департамента международных связей правительства Новосибирской области и администрации губернатора Новосибирска, выпускник НГУ, канд. ист. наук С. В. Санников в своем выступлении показал место контактов с КНР, странами ШОС и БРИКС для области в настоящее время. Очевидно, что в век интенсивных международных взаимодействий на первое место выходят проблемы безопасности. Профессор кафедры востоковедения, д-р ист. наук В.Н. Пластун рассказал о посвященном этим вопросам Азиатско-Тихоокеанском форуме в г. Санья, КНР, куда он был приглашен в конце 2017 г. в качестве эксперта. На пленарном заседании также прозвучал доклад гостя из Синьцзянского университета – вуза партнера НГУ по проекту «Институт Конфуция» Ли Цзинь о сотрудничестве в сфере образования в свете реализации инициативы «Один пояс, один путь». Будучи в прошлом начальником управления международных связей главного вуза северо-запада Китая, проф. Ли Цзинь хорошо представляет успехи и проблемы развития сотрудничества китайских и иностранных учреждений образования. Успех сотрудничества в любой сфере невозможен без понимания языка партнера, поэтому одно из направлений работы конференции – обмен опытом преподавателей китайского и русского языка как иностранных в рамках отдельной секции. На общем собрании участников филологов представил д-р филол. наук проф. Л. Г. Панин (НГУ, Новосибирская православ-

ная духовная гимназия), среди многочисленных учеников которого есть и китайские студенты и аспиранты. Он выступил с докладом «Язык как хранитель культурной и исторической информации».

Большую часть участников конференции составили практики-преподаватели иностранных языков, в их секции обсуждался опыт подготовки школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку, проблема обучения китайскому в вузе продолжающих изучение этого языка, отдельные аспекты обучения речи и переводу, особенности преподавания на старших курсах и многие другие вопросы. Несколько докладов заочно представили русисты Синьцзянского университета, факультет и Русский центр которого является базой подготовки кадров русистов на Северо-западе Китая.

Кроме того, прошли заседания секций история и археология (с подсекцией «история культуры»), председатель – заведующая кафедрой и отделением востоковедения НГУ, профессор, д-р ист. наук Е. Э. Войтишек) и экономика, геополитика и безопасность. Известный журналист из Урумчи, приглашенный профессор нескольких синьцзянских вузов Лу Бин, много лет изучающий связи Китая с Россией и странами Средней Азии, поделился своим видением политики Китая в отношении среднеазиатских соседей. В работе приняли участие специалисты как из Новосибирска (ИАЭТ СО РАН, НГУ, НГУАДИ, НГУЭУ, НГПУ, НГТУ, СИУ РАНХиГС, СГУПС, СОШ № 112), так и коллеги из соседних городов – Барнаула (Алтайский государственный университет, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаульский юридический институт МВД России), Омска (Омский государственный университет, Омский государственный педагогический университет, Томский государственный университет, Сибирский федеральный университет), а также столичные гости. А. А. Сизова, помимо ИДВ РАН также представлявшая Высшую школу экономики, председательствовала на секции преподавания китайского языка в первый день и рассказала коллегам о работе своего авторского коллектива над линейкой школьных учебников китайского языка издательства «Просвещение». Заведующий кафедрой китайского языка Центра высшего педагогического мастерства В. В. Круглов представил опыт центра в подготовке к олимпиаде московских школьников. Старший научный сотрудник Института востоковедения, доцент ИСАА МГУ и РГГУ канд. ист. наук С. В. Дмитриев поделился результатами изучения памятника тангутской лексикографии

ХП в. Директор Института Конфуция РГГУ доц. Т. В. Ивченко анализировал особенности изменений в политическом дискурсе Китая.

На сайте НГУ опубликован сборник тезисов докладов, к выходу готовится печатный сборник материалов под редакцией проф. С. А. Комиссарова. В сентябре 2019 г. планируется проведение пятой юбилейной конференции.

Сведения об авторах / Information about the Authors

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор НОКЦ «Институт Конфуция» ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1. Новосибирск, 630090, Россия, j_azar@mail.ru)

Yuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of the research, educational and cultural center “Confucius Institute”, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, j_azar@mail.ru)

V Международная конференция переводчиков китайской литературы

А. А. Перлова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

13–19 августа 2018 г. в г. Гуйян (пров. Гуйчжоу, КНР) состоялось важное культурное событие — V Международная конференция переводчиков китайской литературы, в которой приняли участие 38 переводчиков из 24 стран. Присутствовали такие известные специалисты, как Ники Харман (Великобритания), Мартина Хассе (Германия), Клара Сомбори (Венгрия), Патриция Либерати (Италия), Сюзанна Ли (Чехия). На конференции выступили самые именитые современные писатели КНР: Мо Янь, Те Нин, Цзя Пинва, Хань Шаогун, Юй Хуа, Лю Чжэньюнь, А Лай и др. (рис. 1). Россию представляли переводчики-синологи А. Родионов (СПбГУ), А. Коробова (РГГУ) и А. Перлова (НГУ). Больше всего делегатов на конференцию приехало из Египта (5 человек), второе место по числу участников поделили Россия, Корея и Япония (по 3 человека), что говорит об устойчивом интересе к китайской литературе в этих странах.

Мероприятия такого масштаба, организатором и спонсором которых выступает Союз писателей КНР, проводятся раз в два года в разных городах Китая и собирают все больше участников. В 2018 г. переводчикам было предложено выступить с докладами на тему «Почему я выбрал переводить Ваше произведение», а писателям — подготовить сообщения, посвященные истории создания своих самых значимых сочинений. Оргкомитет выпустил сборник трудов, в который вошли речи и доклады на китайском языке, подготовленные переводчиками и писателями, принявшими участие в конференции.

Участники разделились на четыре секции, в каждую вошло по десять переводчиков и писателей. В ходе работы стало понятно, что участники более заинтересованы не столько в разговоре о причинах создания и перевода тех или иных произведений, сколько в обсуждении актуальных вопросов, волнующих как авторов, так и переводчиков, включая положение современной китайской литературы на зарубежном рынке, особенности современной китайской литературы и трудности ее перевода, нюансы взаимодействия писателя, переводчика и читателя. Обсуждения отличались большой заинтересованностью сторон: переводчикам не часто предоставляется возможность пообщаться с любимыми писателями и с коллегами из других стран.

Большинство, за исключением участников из Японии и Южной Кореи, было единодушно во мнении, что положение китайской литературы на международном издательском рынке оставляет желать лучшего. Участники конференции отмечали, что книги китайских авторов выходят малыми тиражами и часто остаются незамеченными критиками и обозревателями.

© А. А. Перлова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

Рис. 1. Общее фото участников конференции
Fig. 1. Conference group photo

Рис. 2. Российский стенд на выставке переводов современной китайской литературы
Fig. 2. Russian display at the Exhibition of translations of Chinese contemporary literature

При этом переводчики предпочитают сотрудничать с небольшими издательствами, поскольку те гораздо внимательнее относятся и к продвижению нового перевода, и к его редактуре.

К сожалению, несмотря на определенные успехи нового поколения синологов-переводчиков, Россия отстает от большинства европейских стран и по числу переводов, и по количеству читателей произведений современной китайской литературы (рис. 2). Из стабильно издаваемых в России авторов можно назвать только Лю Чжэньюня: переводы его романов усилиями петербургских китаистов почти каждый год выходят в издательстве «Гиперион» (Санкт-Петербург). И хотя принятая в мае 2013 г. в Москве «Программа перевода и издания произведе-

ний российской и китайской классической и современной литературы» позволила российскому читателю познакомиться с большим числом сочинений современных китайских писателей, многие книги еще только ждут своего переводчика и издателя.

Сведения об авторе / Information about the Author

Перлова Алина Андреевна, ассистент кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1. Новосибирск, 630090, Россия, alina.perlova@bk.ru)

Alina A. Perlova, teaching assistant of the Chair of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, alina.perlova@bk.ru)

Информация о международных лингвистических конференциях осенью 2018 года

Н. В. Кутафьева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Осенью 2018 г. в период с 30 октября по 1 ноября в Санкт-Петербургском государственном университете на Восточном факультете состоялась XIII Международная научная конференция, LESEWA, посвященная изучению языков стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Если обычно конференция проводится совместно с Московским государственным университетом им. Ломоносова, то в этом году круг организаторов конференции расширился за счет участия Института лингвистических исследований РАН. Тематика конференции была сфокусирована на исследовании параллелизма в морфологических и синтаксических структурах вышеуказанных языков, а также на проблемах сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики и этнолингвистики. В работе конференции приняли участие более 100 исследователей из различных университетов. От Новосибирского государственного университета был сделан доклад «Соматизмы в японском языке» (доц. Н. В. Кутафьева).

Кроме того, 9–10 ноября 2018 г. Европейская Ассоциация исследования Японии провела в Палацком университете в г. Оломоуц, Чешская Республика, на факультете искусств отделения азиатских исследований XII Международную конференцию на тему «Япония сегодня. Современное состояние японского языка, культуры и общества». В работе конференции приняли участие более 200 человек из различных стран и университетов мира. Выступления были разделены по две секции, касающихся языка и культуры. В языковой секции наряду с традиционно обсуждаемой проблематикой, касающейся проблем морфологии, синтаксиса и фразеологии современного японского языка, рассматривались темы, связанные с развитием японского языка на современном этапе (вербализаторы в японском языке, способы записи служебных глаголов и др.). В секции, посвященной различным аспектам культуры, обсуждались сюжеты, интересующие современных исследователей (например, развитие театра Кабуки, чайных домиков и кимоно в XXI в.), а также темы, актуальные для современного общества – к примеру, проявления нетрадиционной сексуальной ориентации, отраженные в различных видах современных комиксов-манга. От Новосибирского государственного университета был сделан доклад на тему «Идиомы с компонентом *ки* «дух» и компонентами-соматизмами в современном японском языке» (доц. Н. В. Кутафьева).

Information about Two International linguistic Conferences in Autumn of 2018

Natalia V. Kutafeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

In autumn of 2018, from October 30 to November 1, the XIII International Scientific Conference on Languages of Far East, Southeast Asia and West Africa (LESEWA) took place at St. Petersburg State University at the Faculty of Oriental Studies, held in conjunction with Moscow State University. The conference is held every year alternately in Moscow and St. Petersburg. The conference organizers collective substantially expanded this year due to the participation of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The conference theme focused on the study of parallelism in the morphological and syntactic structures of the LESEWA, as well as on the problems of comparative-historical linguistics, sociolinguistics and ethnolinguistics. The conference was attended by over 100 researchers from various universities. Novosibirsk State University contributed with a lecture about “Somatic lexica in Japanese language” (associate prof. N. V. Kutafeva) [Kutafeva, 2018].

Moreover, on November 9–10, 2018, the European Association for Japanese Studies hosted the XII International Conference at the Faculty of Arts, Asian Studies Division in Palacky University, Olomouc, Czech Republic. The first of these conferences took place at Palacky University in 2006. The conference was originally called “Annual Conference on Cultural and Social Anthropology of East Asia”, until its official name change in 2016. The general theme of the conference this year was “Japan NOW. A Snapshot of Contemporary Japanese Language, Culture and Society”. Over 200 people from various countries and universities of the world took part in the conference which was organized into two sections: linguistics and culture. In the linguistics section, along with traditionally discussed topics such as the problems of morphology, syntax and phraseology of the modern Japanese language, topics related to the development of the Japanese language in its current stage (verbalizers in Japanese, ways of recording auxiliary verbs, and so on) were discussed. The culture section covered topics of interest for contemporary researchers, such as the development of Kabuki theater, tea houses and kimonos in the 21st century, as well as topics relevant to contemporary culture and society, such as homosexuality and lesbianism in various types of modern manga comics. Novosibirsk State University contributed with a lecture about “Idioms with component *ki* and somatic components in modern Japanese language” (associate prof. N. V. Kutafeva) [Kutafeva, 2018].

Список литературы / References

Kutafeva Nataliia V. Somatic words in modern Japanese language // Languages of Far East, South-West Asia and West Africa. Iss. of XIII International Conference October 30 – November 1, 2018. Saint Petersburg, 2018, P. 185–161.

Kutafeva Nataliia V. Idioms with component *ki* “spirit” and somatic components in modern Japanese language. Program and Abstracts // Palacky University. Czech Republic, November 9–10. Olomouc, 2018, P. 23.

*Материал поступил в редколлегию
Received
11.11.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Кутафьева Наталия Витальевна, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, Natasha7362@mail.ru)

Natalia V. Kutafeva, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, Natasha7362@mail.ru)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

Корейский полуостров и Японские острова: сложение особенностей и заимствование культурных традиций

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)
Для цитирования (на русском языке)

Korean Peninsula and Japanese Islands: Forming Features and Borrowing Cultural Traditions

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы / References

Материал поступил в редколлегию

Received

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15-20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с. (на рус. яз.)

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с. (на рус. яз.)

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973 // Int. J. of Middle Eastern Studies, 1978. Vol. 9. No. 2. P. 195–214. (на англ. яз.)

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기]. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен.

Токио: Фудзи кёику, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шююнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子.

『源氏物語』の伝観 一方便の思いに即して一 // 日本文学. 京都: 日本文学学会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи

югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэнь. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы

в транслитерации References

Voytishchik E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, iss. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)

Voytishchik E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях (только Arial) не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала, а также учебно-методические материалы, переводы, рецензии; дискуссии.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: китайский язык – палладианская транскрипция, шрифт SimSun; японский язык – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; корейский язык – транскрипция «Новая романизация корейского языка» (2000), шрифт Gulim.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз./кит. яз./яп. яз./кор. яз.) и (in Russ./Chin./Jap./Kor.).

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:
Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, отделение востоковедения,
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (383) 363 42 37.
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

Выпуск «Востоковедение» выходит в свет в ноябре каждого года;
рукописи принимаются до 20 июня